

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра истории России

Н.В. Халявин

Историография истории России (дореволюционный период)

Курс лекций
(Издание второе, исправленное, дополненное)

Ижевск
2017

УДК 94(470+571) + 930.1(091)(075)
ББК 63.3(2)0г.я73 + 63.1(2)0я73
X 179

Рецензент: доктор исторических наук, профессор В. В. Пузанов

Рекомендовано Учебно-методическим советом
Удмуртского государственного университета

Халявин Н.В.

X 179 Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 260 с.

ISBN 978-5-4312-0509-5

Учебное пособие содержит лекционный курс по дореволюционной отечественной историографии. В краткой форме в нём анализируются основные этапы развития русской исторической науки, освещается развитие отдельных школ и направлений в отечественной историографии.

Издание предназначено как для подготовки профессиональных историков, так и для всех, кто интересуется отечественным прошлым.

ISBN 978-5-4312-0509-5

УДК 94(470+571) + 930.1(091)(075)
ББК 63.3(2)0г.я73 + 63.1(2)0я73

© Н. В. Халявин, 2017
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2017

От автора

Книга, которую вы держите в руках, является учебным пособием по курсу дореволюционной отечественной историографии. Это довольно краткий, сжатый обзор развития отечественной исторической науки до 1917 г. Потребность в нём возникла во многом из-за того, что при изучении историографии в вузах даже на профильных специальностях большая роль сейчас отводится самостоятельной работе студентов. Следовательно, нужен некий путеводитель по основным проблемам развития исторического знания, который помог бы разобраться в обилии новой информации, сориентировал в многообразии имён, исторических концепций, не позволил запутаться в методологических подходах.

Особенности такого типа литературы, как курс лекций, позволяют опустить при его публикации сложный справочный аппарат – ссылки на труды предшественников, обязательные сноски на источники цитирования и т.д. Но необходимо отметить, что при его подготовке мною был по возможности полно проанализирован опыт уже имеющихся историографических учебных изданий. И конечно, без обращения к трудам Н. Л. Рубинштейна, М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина, В. И. Астахова, В. Е. Иллерицкого, А. М. Сахарова, А. Н. Цамутали, А. Л. Шапиро и других авторов создать собственное пособие было бы очень сложно.

Большую благодарностью необходимо выразить и современным авторам, чьи работы, безусловно, повлияли на содержание моего курса лекций. Поистине неоценимое подспорье при его подготовке оказали великодушный сборник биографий русских историков, изданный под редакцией А. А. Чернобаева, интересней-

ишие историографические наблюдения В. А. Бердинских, доступные в интернете курсы лекций по историографическим проблемам В. Я. Мауля, А. Г. Быковой и В. Г. Рыженко и учебное пособие по историографии отечественной истории XX в. С. П. Бычкова и В. П. Корзун. Определённое влияние на мой подход к составлению историографической работы оказали двухтомник «Историография истории России до 1917 г.» под редакцией М. Ю. Лачаевой и замечательное по своей композиции и вниманию к деталям пособие по историографии Г. Р. Наумовой и А. Е. Шикло.

Возможно, не всё из задуманного и заявленного мне удалось воплотить должным образом и в полной мере. Если это так – буду рад любым конструктивным замечаниям и объективной критике. Но всё же надеюсь, что учебное пособие принесёт некоторую пользу в освоении студентами историографической дисциплины.

Доцент кафедры истории России,
кандидат исторических наук
Николай Васильевич Халявин

Лекция 1.

Введение в курс отечественной историографии

Понятие историографии, предмет и задачи курса

В отечественной исторической науке термин «историография» не имеет какого-то одного значения. Его часто используют как синоним к слову «история», говоря об исторической науке вообще («основные проблемы современной историографии»), корни этой традиции можно усмотреть ещё в XVIII в., когда историографами называли тех, кто, собственно, и занимался написанием, составлением истории (Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин).

Другое значение понятия «историография» – это историческая литература по какому-нибудь вопросу, проблеме, периоду (историография движения декабристов, историография промышленного переворота и т.п.).

Наконец, «историография» – это специальная научная дисциплина, изучающая историю исторической науки. Курс лекций, который вы держите в руках, обращается именно к этому содержанию понятия.

Поэтому *предметом историографии*, то есть тем, на что нацелена её исследовательская функция, будет история отечественной исторической науки, в нашем конкретном случае – науки дореволюционной. В содержательном плане это довольно большое пространство, для изучения которого потребуются обращение как к теоретическим проблемам исторической науки, так и развитию её методологии, проблемам привлечения исторических источников и совершенствования источниковедческих приёмов, взаимосвязи исторической науки с другими науками. Не следует упускать из виду и особенности тематики исторических произведений, характер изложения, стиль историков разных эпох. Всё это можно отнести к *задачам историографии* как научной дисциплины.

Кроме того, стоит отметить, что в современных работах всё более заметной становится тенденция расширения предметного поля историографии. Исследователей привлекает не только конечный продукт творчества того или иного историка, но и процесс его создания и распространения. Всё чаще учёные обращаются к таким категориям, как историографический быт, интеллектуальный ландшафт, социокультурная традиция.

Историографический факт и историографический источник. Принципы и методы историографического познания

Любая историческая наука оперирует такими понятиями, как факт и источник. Историография не является исключением. Широкое понимание *историографического факта* предполагает его трактовку как любого факта, несущего информацию по истории науки. Впрочем, историографический факт – родной брат факта исторического, и к нему вполне применима классификация, данная М. А. Баргом, включающая 1) факт-событие; 2) факт, отражённый в историческом источнике, и 3) факт осмысленный историком (концептуализированный факт). Как выразилась М. В. Нечкина, исторический факт – «жилплощадь для историографического факта».

Учитывая вышесказанное, можно обратиться к идеям А. М. Сахарова, считавшего главным историографическим фактом концепцию ученого, которая может быть выражена не в одной, а в нескольких работах. При этом содержание концепции и её воплощение могут не совпадать (из-за влияния политики, настроения научного общества и т.д.). Историографическими фактами Сахаров считал труды историков, к которым причислял как монографии и статьи, так и публичные выступления, тезисы докладов, черновики и т.д. Кроме того, к ним относится различная документация научно-исследовательских организаций (протоколы съездов, конференций, круглых столов, стенограммы дискуссий), рецензии на исторические исследования и пр. Таким образом, историографический факт – это информация о развитии науки, её деятелях, учреждениях и организационных формах.

Достаточно распространённым в науке можно считать мнение о том, что историографические факты одновременно являются и основными источниками для исследователя-историографа. Границы этих дефиниций действительно размыты, и к *историографическим источникам* относят все те исторические источники, которые в каком-либо виде содержат информацию о политическом и философском мышлении, характерном для той или иной эпохи, о возникновении и развитии исторического образования и науки, наконец, о творчестве и жизни известных историков. Тем не менее, следует помнить, что историографический факт шире историографического источника и не всегда превращается в источник (например, созданное историком произведение, которое, однако, не было опубликовано, не стало достоянием научной общественности и таким образом осталось в статусе историографического факта).

Что касается принципов историографического познания, они не отличаются от тех, что приняты в других отраслях исторической науки. Это, во-первых, *принцип историзма*, смысл которого состоит в том, что любое историографическое явление (концепция ученого, исторической школы, научная дискуссия) должно рассматриваться в развитии в связи с обусловившими его факторами. Необходимо помнить, что любой историк творит в определённую эпоху и конечный результат его творчества зависит не только от гения автора, но и уровня развития исторической науки в целом, состояния смежных областей знаний (философии, например), общественно-политической обстановки и т.д.

Не менее важен *принцип целостности*, выражающийся в изучении какого-либо периода или направления в истории исторической науки с учётом взаимосвязи отдельных элементов исторического знания. Цельный анализ творчества того или иного учёного-историка предполагает обращение к его концепции и проблематике трудов, выявление методологического инструментария, состояния источниковой базы и приёмов источниковедческой критики.

Одним из принципов, которым руководствовалась советская историческая наука, был принцип партийности, требовавший выявления классово-политической позиции историка исходя из его социального происхождения, материального достатка и политических предпочтений. Коммунистическая идеология жёстко связывала научность исследований с «единственно верной» марксистско-ленинской партийностью. Эта неоправданная прямолинейность тем не менее не отрицает возможности применения *принципа ценностного подхода*, при котором анализ творчества того или иного историка предполагает выявление его общественного положения, религиозной принадлежности, политических взглядов.

С принципами историографического познания тесно связаны его методы, под которыми понимается совокупность мыслительных приёмов или способов изучения прошлого исторической науки. К основным из них относятся:

1. *Сравнительно-исторический метод*, направленный на сравнение различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования;
2. *Хронологический метод*, предполагающий анализ развития научной мысли, смены взглядов, идей и концепций в хронологической последовательности, что позволяет раскрыть закономерности накопления и углубления историографических знаний;

3. *Проблемно-хронологический метод*, при котором широкие темы разбиваются на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности;
4. *Метод периодизации*, направленный на выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли, выявления новых элементов в её структуре;
5. *Метод ретроспективного анализа*, позволяющий изучить процесс движения мысли историков от современности к прошлому с целью выявления элементов старого, сохранившегося знания, проверить выводы прежних исследователей данными сегодняшнего дня;
6. *Метод перспективного анализа*, определяющий возможные направления, темы, проблемы будущей науки на основе достижений современной историографии.

История русской историографической науки

Проблемы историографии привлекали отечественных учёных уже в XVIII в. Хотя опубликованные в это время работы ещё очень трудно назвать собственно историографическими обзорами. Так, например, в 1772 г. Н. И. Новиков издал «Опыт исторического словаря о российских писателях», где просто в алфавитном порядке давались сведения о русских авторах, оставивших, по мнению знаменитого просветителя, заметный след в развитии науки и просвещения (Ломоносов, Нестор, Татищев...).

Первые попытки создания специальных трудов по историографии России относятся к 20 – 40 гг. XIX в. Это работа А. З. Зиновьева «О начале, ходе и успехах критической российской истории», произведение И. Н. Среднего-Камашева «Взгляд на историю как на науку», напечатанное в нескольких номерах «Вестника Европы», сочинение А. Ф. Федотова «О главнейших трудах по части критической русской истории», труд А. В. Старчевского «Очерк литературы русской истории до Карамзина». К этому же периоду относятся диссертация Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории», исследование Н. И. Надеждина «Об исторических трудах в России» с призывом создать «философскую историю» России. Всё это работы, в которых историческая критика была возведена в достоинство науки. На фоне салонных разговоров о том, *что* нужно и можно писать историку, рассуждений о практическом и политическом значении исторических трудов, вызванных колоссальным успехом карамзинской «Исто-

рии государства российского», стали появляться труды, авторы которых задавались вопросом о том, *как* писать историю. Отечественная историография зарождалась в неразрывной связи с методологией исторического исследования.

В середине XIX в. появилось сочинение С. М. Соловьёва «Писатели русской истории XVIII в.», содержавшее обширный фактический справочный материал об историках XVIII столетия. Соловьёву пришлось работать со студенческой аудиторией, это выявило необходимость обзора трудов предшественников, что и нашло отражение в упомянутом произведении. Подобными же целями руководствовался и К. Н. Бестужев-Рюмин, представивший в сборнике «Биографии и характеристики», вышедшем в 1882 г., исследовательские портреты ряда историков XVIII и XIX столетий. Он же развил традицию предварять исторические исследования историографическим обзором, включив его во введение к своей «Русской истории».

Первой попыткой создания обобщающего курса русской историографии явилась работа профессора Петербургской духовной академии *Михаила Осиповича Кояловича* «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», вышедшая в 1884 г. Автор рассматривал историю русской исторической науки со славянофильских позиций и хронологически доводил своё повествование до 80-х гг. XIX в. Выводы, к которым пришёл Коялович, изучив русскую историографию, были для историков неутешительны: «чем дальше, тем больше я приходил... к убеждению, что в истории область объективных истин невелика, всё остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших голых фактов».

С этого времени история исторической науки превращается в самостоятельную научную дисциплину. Университетские курсы по историографии становятся неотъемлемой частью учебного процесса, их читают виднейшие профессора (в Московском университете – В. О. Ключевский, затем П. Н. Милюков, в Санкт-Петербургском – А. С. Лаппо-Данилевский, в Киевском – В. С. Иконников). В конце 90-х гг. XIX в. *Павел Николаевич Милюков* выпустил книгу «Главные течения русской исторической мысли», которая представляла собой курс лекций по историографии, прочитанный в Московском университете в 1886-1887 гг., и была своего рода ответом работе Кояловича, поскольку сам Милюков придерживался западных позиций.

На рубеже XIX – XX вв. вышел в свет обширный труд профессора Киевского университета *Владимира Степановича Иконникова* «Опыт русской историографии» в двух томах. Автор широко воспринимал

предметное историографическое поле, останавливаясь на процессе накопления и собирания источников, организации библиотек и научных учреждений, складывании учёных сообществ. У Иконникова чётко прослеживается мысль о связи развития исторической науки в России с эволюцией исторической мысли на Западе.

В советское время традицию историографических исследований продолжил *Михаил Николаевич Покровский*. В 1923 г. из-под его пера вышел популярный очерк «Классовая борьба и русская историческая литература», где раскрывалась классовая сущность исторических теорий прошлого, позже этот историографический труд, несколько видоизменённый, был переиздан в 1933 г. под названием «Историческая наука и борьба классов: историографические очерки, критические статьи и заметки». В этот же период появился сборник историографических работ «Русская историческая литература в классовом освещении», написанный участниками спецсеминара М. Н. Покровского в Институте красной профессуры (среди авторов сборника были М. В. Нечкина и Н. Л. Рубинштейн). С середины 1930-х гг., когда были восстановлены исторические факультеты, курсы по историографии вновь зазвучали в вузовских аудиториях.

Первую попытку создания марксистского учебника по русской историографии предпринял *Николай Леонидович Рубинштейн*. Его фундаментальный труд «Русская историография» вышел в свет в 1941 г. и содержал ценный, хорошо систематизированный материал по истории отечественной исторической мысли с древнейших времён до н. XX в. Однако после войны учебник раскритиковали: «книга лишена боевого духа марксистско-ленинской партийности» (В. И. Астахов). Эта характеристика была недалеко от истины, поскольку в развитии исторической науки Рубинштейн не столько искал классовую подоплёку, сколько, следуя дореволюционной традиции, показывал эволюцию исторической науки в связи с развитием философии истории.

В 1946 г. в целях более основательной разработки историографических проблем и издания на этой основе многотомного обобщающего труда по историографии при Институте истории АН СССР была создана Комиссия истории исторической науки. Результатом работы Комиссии стало издание «Очерков истории исторической науки в СССР». К моменту выхода последнего третьего тома «Очерков» отечественная историографическая наука обогатилась произведением Л. В. Черепнина – «Русская историография до XIX в.». В Харькове был издан «Курс лекций по русской историографии» В. И. Астахова. С. Л. Пештич исследовал отечественную

историческую мысль XVIII в. («Русская историография XVIII в.»). В 1962 г. был издан курс лекций А. Л. Шапиро «Русская историография в период империализма». В 60-е же годы XX в. появился учебник «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева.

В 1970-80-е гг. вышли работы А. Н. Цамутали, посвящённые отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: «Очерки демократического направления в историографии 60–70-х гг. XIX в.», «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.», «Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Исторические очерки». *Анатолий Михайлович Сахаров* выпустил краткий курс лекций «Историография истории СССР. Досоветский период». Можно отметить ещё одну работу, вышедшую в начале 1970-х гг. в США, а с конца 1990-х ставшую доступной широкому российскому читателю – «Очерки по русской историографии» Г. В. Вернадского (в отечественном издании 1998 г. книга получила название «Русская историография»).

Для 90-х гг. XX в. заметным явлением стал учебник *Александра Львовича Шапиро* «Русская историография с древнейших времен до 1917 г.», в котором изложение курса русской историографии шло в тесном переплетении с развитием философских идей европейской и отечественной мысли.

Начало XXI столетия обогатилось появлением сборника энциклопедического характера «Историки России: Биографии» под редакцией А. А. Чернобаева, в 2003 г. вышел двухтомный учебник по историографии для студентов вузов под редакцией М. Ю. Лачаевой «Историография истории России до 1917 г.», а в 2008 г. появилось учебное пособие Г. Р. Наумовой и А. Е. Шикло «Историография истории России», где развитие отечественной историографии пожалуй что впервые представлено в неразрывном эволюционном развитии от средневековья до современности.

Периодизация дореволюционной отечественной историографии

Несмотря на солидный багаж историографических исследований, единой, общепринятой периодизации развития российской исторической науки нет. Хотя, говоря об основных этапах изучения отечественного прошлого, обычно выделяют дореволюционный, совет-

ский и современный историографические периоды, но внутреннее деление каждого из них является предметом споров и дискуссий.

К примеру, Н. Л. Рубинштейн писал в 1941 г. в «Русской историографии», что развитие русской исторической науки прошло следующие основные ступени:

- 1) период феодальной историографии, распадающийся на три этапа, отвечающих:
 - а) феодальной раздробленности (до конца XV в.);
 - б) развитию феодально-абсолютистского строя (XVI – XVII вв.);
 - в) превращению исторических знаний в науку в условиях складывания буржуазных отношений;
- 2) период буржуазной исторической науки:
 - а) её формирования в рамках крепостнического государства в первой половине XIX в.;
 - б) её расцвета, связанного с трудами С. М. Соловьёва, в условиях победы буржуазных отношений в период реформ 60-х гг. XIX в.;
 - в) её назревающего кризиса с 60-х гг. XIX в.;
- 3) период кризиса буржуазной исторической мысли и создания марксистско-ленинской науки русской истории;
- 4) историческая наука советского периода.

Периодизация, предложенная в курсе лекций В. И. Астахова, также содержала четыре периода, но их границы не совпадали с хронологией Н. Л. Рубинштейна:

- 1) IX – XVIII вв.: накопление исторических знаний, возникновение и развитие дворянской исторической науки в эпоху феодализма;
- 2) XIX век: буржуазная историческая наука;
- 3) конец XIX – начало XX в.: кризис буржуазной исторической мысли и создание марксистско-ленинской исторической науки;
- 4) историческая наука советского периода.

В «Историографии истории СССР» под ред. В. Е. Иллерицкого сохранилось более дробное деление истории отечественной исторической мысли на этапы. По мнению авторов учебника, вся дореволюционная историография отечественной истории в своём развитии прошла два периода (историография феодальной эпохи и эпохи капиталистической), каждый из которых имел своё внутреннее деление:

- 1) феодальная историография:
 - а) X – XVII вв.: этап накопления исторических знаний, возникновения и развития феодальной историографии;
 - б) первая половина XVIII в.: этап превращения исторических знаний в науку;

в) вторая половина XVIII в.: возникновение новых направлений в отечественной историографии: буржуазно-просветительского и революционного, при господствующем положении дворянской историографии;

г) первая половина XIX в. (до середины 50-х гг.): кризис дворянской историографии, утверждение буржуазного и оформление революционно-демократического направлений в отечественной историографии;

2) капиталистический период:

а) вторая половина XIX в.: историография времён утверждения капитализма;

б) конец XIX – начало XX в.: историография империалистической эпохи: начало ленинского этапа в марксистской исторической науке и кризис буржуазно-дворянской историографии.

Думается, что, учитывая опыт предшественников и следуя формально-хронологической логике развития исторической науки, можно выделить следующие этапы в развитии дореволюционной русской исторической науки:

1) рубеж X – XI вв. – начало XVIII в.: время накопления и письменной фиксации исторических знаний;

2) начало XVIII – середина XIX в.: превращение исторических знаний в науку, т.е. выработка критического отношения к историческим источникам, анализ исторических событий, построение исторического изложения по причинно-следственному принципу;

3) середина XIX – начало XX вв.: введение в историческое повествование философских схем исторического развития, создание концептуальных исторических построений, складывание различных школ и направлений отечественной исторической мысли.

Впрочем, наверное, любая периодизация будет не лишена недостатков. И для лучшего понимания историографической эволюции важно помнить об изменениях, происходивших в методологии создания исторических работ, о чём речь пойдёт в дальнейшем.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определение тому, что является предметом историографии. Найдите в литературе мнения учёных по этому поводу.
2. Дайте определение историографическому факту и историографическому источнику, которое приводит А. М. Сахаров. Найдите в литературе мнения других исследователей по этому поводу.

3. Перечислите принципы и методы историографического познания. Сравните их описание и трактовку, приводимые в учебной литературе.
4. Сравните периодизацию развития дореволюционной русской исторической науки у Н. Л. Рубинштейна, В. И. Астахова, В. Е. Иллерицкого и ту, что приводит А. Л. Шапиро. Обоснуйте существующие различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астахов В. И. Курс лекций по русской истории. Харьков, 1959. Ч. 1; 1965. Ч. 2.

Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998.

Историки России: биографии. М., 2001.

Историография истории России до 1917 г.: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / 2-е изд., под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева, М., 1971.

Источниковедение истории СССР. Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Малинов А. В. Философия и методология истории в России. СПб., 2015.

Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000.

Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 4-е изд., М., 2011.

От Нестора до Фонвизина / под ред. Л. В. Милова. М., 1999.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. / под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатовой, А. Л. Сидорова М., 1955; Т. 2. / под ред. М. В. Нечкиной, М. Н. Тихомирова, С. М. Дубровского и др. М., 1960; Т. 3. / под ред. М. В. Нечкиной, М. А. Алпатовой, Б. Г. Вебера и др. М., 1963.

Пеитич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1.; Л., 1965. Ч. 2.; Л., 1971. Ч. 3.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Русская историческая наука в классовом освещении. Сб.ст. под ред. М. Н. Покровского. Т. 1., М., 1927; Т. 2., М., 1930.

Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие. М., 1962.

Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: исторические очерки. Л., 1986.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в.: курс лекций. М., 1957.

Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. 2-е изд., М., 1993.

Лекция 2.

Возникновение исторических знаний. Развитие исторических знаний в Древней Руси (X – XV вв.)

Возникновение исторических знаний

Время накопления исторических знаний на письменной основе в отечественной историографии занимает значительный период, начало которого лежит где-то на рубеже X – XI вв. (предположительная дата создания так называемого Древнейшего летописного свода). До этого времени и после исторические события фиксировались также и в устной форме – в виде преданий, сказаний, песен и т.п. Безусловно, не следует изолировать Русь и от развития общемировой исторической мысли, которая к моменту появления отечественной историографии уже накопила богатый опыт.

Первой попыткой осознания человеком окружающего мира можно считать *мифотворчество*, т.е. стремление объяснить явления природной и общественной жизни действием сверхъестественных сил. При этом для мифологического сознания был характерен *синкретизм*, т.е. нерасчлененность, слитность представлений о природе и обществе, в результате чего мифы становились первоосновой естествознания и общественных наук, в том числе и исторических. Миф не был отделён от жизни, он был включён в саму жизнь. *Цикличное* представление о времени позволяло считать древних богов не просто первооснователями мира, а непосредственными участниками всего, что происходит в нём сейчас.

Мифология древних славян известна не в полной мере – языческие верования после принятия христианства преследовались и уничтожались церковью. Тем не менее нам знакомы некоторые «соучастники» повседневной жизни древнего славянина, такие как Перун – бог грома и молнии, покровитель князя и дружины, «скотий» бог Велес, или Сварог, подаривший людям кузнечное ремесло.

За мифотворчеством в развитии исторического сознания шёл *героический эпос*, возникший на базе более высокого уровня развития человеческих отношений, когда у людей ослабло чувство зависимости от сил природы и окрепла вера в собственные силы. Это был период разложения родовых отношений, развития семейной и личной собственности, появления военной демократии, когда воинские подвиги приобретали небывалое значение и почёт. Развитие архаическо-

го героического эпоса отражалось в появлении рассказов об активной борьбе человека с природой, героя с чудовищами.

Затем на смену архаическому пришел классический героический эпос, время его появления – это период слияния союзов племён в народности, складывания государств, эпоха крупных войн на базе межплеменной розни, борьбы с массовыми нашествиями завоевателей. Главное действующее лицо в классическом героическом эпосе – воин-богатырь, наделённый сверхчеловеческой силой и энергией, которые проявляются в смертельной борьбе с врагами. В древнегреческой традиции это герои «Илиады» и «Одиссеи», в древнерусской – былинные персонажи.

В героическом классическом эпосе заметен прогресс в понимании категории времени по сравнению с мифологией и архаическим эпосом, однако и тут события, отстоящие одно от другого на столетия, могут отражаться как одновременные. Время как бы замкнуто сюжетом, заиклено на нём и не выходит за его рамки.

Фольклорное творчество, наряду с мифами и героическим эпосом, содержит и *исторические предания* – рассказы о прошлом, которые складываются на разных ступенях общественного развития. Примерами таких преданий будут сказание о происхождении племён радимичей и вятичей от братьев-ляхов Радима и Вятко; или более поздние повествования о смерти князя Олега от укуса змеи, о мести древлянам княгини Ольги. В отличие от былинных героев, персонажи исторических рассказов – реальные люди, но обладающие сверхъестественными качествами. События, о которых предания ведут речь, вполне могли происходить в действительности (хотя и не обязательно), сам рассказ допускает наличие каких-либо чудес, такое повествование теснее других жанров фольклора примыкает к историческим произведениям.

Появление *исторических произведений* связано уже с государственной эпохой в развитии человечества. Важным условием созревания истории как отрасли знания явилось появление представлений о *линейном времени*, хронологии. Представление о некоей направленной последовательности исторических событий у людей сформировалось давно – примером древнейшей исторической хронологической записи, дошедшей до наших дней, является египетская летопись, так называемый Палермский камень XXV в. до н.э., на котором высечены имена царей, правивших в Египте в течение 600-700 лет.

Выделение прошлого, отнесение знаний и литературы о нём в особую отрасль человеческого мышления должны были породить тер-

мин, обозначающий эту отрасль. В догеродотово время (VI – V вв. до н.э.) у греков уже существовал термин *история*.

В трудах античных историков можно найти истоки позднейших методологических подходов к описанию прошлого. Так уже «История» **Геродота** (V в. до н.э.) соединяла в себе исторические, географические, этнографические знания своего времени. В трактовке событий в ней большое значение придавалось силе рока («этому необходимо было произойти», «пришлось случиться»). Установка Геродота при описании прошлого проста: «Я обязан передавать все, что говорят, но верить всему не обязан». «Отцом истории» великого грека считают не случайно – никто до него не создавал столь обширного исторического полотна, повествующего о целом периоде греко-персидских войн, никто столь систематически и подробно не излагал события в их последовательности и взаимной связи.

Фукидид (ок. 460 – 400 гг. до н.э.), младший современник Геродота, автор «Истории Пелопоннесской войны» пошёл гораздо дальше в критике мифов. Описаний прямого вмешательства божества в ход человеческих дел у Фукидида почти нет, хотя существования богов он не отвергал. Его можно считать основоположником поучающей или *прагматической историографии*, старавшейся не только описать события, но и охарактеризовать причины их вызвавшие, которые отыскивались в побуждениях и страстях людей, а не богов. Лозунг прагматической историографии: «*Historia est magistra vitae!*» («История – наставница жизни!»).

Систематическая внутривосточная история, включавшая описания реформ и характеристику государственных учреждений, впервые была разработана **Аристотелем** (384 – 322 гг. до н.э.). Исторические взгляды этого философа отразились в разных его работах, прежде всего в «Политике» и «Афинской политике». Аристотель подвел теоретическую базу под отрицание не только произвола богов, но и прихотей рока, он стремился понять, как складывались характеры исторических деятелей под воздействием наследственности, среды и воспитания. Его идеи оказали серьёзное влияние на формирование *биографического жанра* в историографии. При написании истории великий мыслитель обычно пользовался не одним, а несколькими источниками, сочетая их и приводя разноречивые характеристики, которые давались одним и тем же фактам.

Другой греческий историк – **Полибий** (ок. 200 – 120 гг. до н.э.) свой труд назвал «Всеобщей историей». Конечно, мировая история рассматривалась им лишь как предыстория Рима, а затем – исто-

рия его провинций, но, тем не менее, широта и монументальность его произведения несомненны. «Если изъять из истории объяснения того, почему, каким образом, ради чего совершено что-либо, достигнута ли была предположенная цель, то от неё останется одна забава, лишённая поучительности», – писал Полибий. Он не исключал направляющей роли богов и рока в человеческой истории, но главное внимание уделял личности того или иного исторического деятеля.

Древний Рим, как и античная Греция, оставил собственную плеяду замечательных историков: *Тит Лукреций Кар* (99 – 55 гг. до н.э.), пришедший к мысли о прогрессивном развитии средств производства и значении экономического фактора («нужды») в человеческой истории, *Тит Ливий* (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.), основатель так называемой альтернативной истории, описавший возможную борьбу Рима с Александром Македонским, проживи тот подольше, *Тацит* (ок. 58 – 117 г.), превосходный историк нравов, призывавший сочинителей писать без гнева и пристрастия.

Итак, подводя итог развитию античной историографии, следует заметить, что её значение состояло прежде всего в критике мифов и эпоса, в мысли о недопустимости приписывания богам и судьбе всего, что совершается с людьми, в привлечении к написанию истории не только фольклора, рассказов очевидцев и личных наблюдений, но и письменных источников, и данных археологии, этнографии и языка. Античные авторы говорили о влиянии географической среды на исторические события, об обусловленности человеческих характеров средой, наследственностью и воспитанием.

Античный прагматизм сменился средневековым *провиденциализмом*, обуславливавшим исторический процесс божественной волей. Монопольное положение во всех сферах интеллектуальной жизни общества Европы этого времени занимала Церковь, противопоставлявшая бренность земной жизни вечному и блаженному Царству Божью. В провиденциалистской традиции всю историю можно было подразделить на две составляющие – историю священную (связанную с божественным творением и существованием человечества от Адама, проще говоря – библейскую) и профанную, связанную с человеческими деяниями, над которыми всё равно довлеет воля Божья. Конечно же, Библия стала высшим авторитетом в описании и толковании истории, а профанная история всегда разворачивалась на фоне библейской. Практическое отображение этого принципа историописания выразилось в летописях и хрониках.

Впрочем, античное наследие не было полностью списано со счетов: от отрицания и осуждения «эллинов» средневековые схоласты обращались к истолкованию их трудов в духе христианской морали. Главная заслуга в сохранении античного наследия принадлежит Византии. *Прокопий Кесарийский* (490 – 562(?) гг.) высоко ценил античные историографические образцы, говоря, вслед за греческими авторами, что историк должен излагать события так, как они происходили, поскольку «риторике свойственно красноречие, поэзии – вымысел, а историку – истина». Не случайно столь ценны описания славян VI в., приведённые Прокопием. Правда, на византийские хроники, которыми пользовались древнерусские летописцы, античные образцы повлияли довольно слабо.

История человеческого общества, источники её движения и цель стали определяться таинственными, внешними по отношению к историческому процессу силами – провидением или Богом. Сам исторический процесс в этой мировоззренческой системе мыслился, как имеющий чёткие границы – начало (сотворение мира и первой пары людей) и конец (Апокалипсис), а течение времени приобретало линейный характер. Внутри этих границ существовала периодизация человеческой истории по четырём царствованиям, прочно вошедшая в средневековые исторические произведения: за Вавилонским мировым царством следовало Персидское, за ним царство Александра Македонского, и, наконец, Римское. Отсюда шло обоснование вселенских притязаний германских королей и римских пап, на русской почве преобразованное в теорию «Москва – третий Рим». Отражением провиденциализма явилось и широко распространённое в средневековье деление истории по человеческим возрастам: детство, отрочество, юность, зрелость, старость.

Теоретик христианства, отец церкви *Аврелий Августин* (354 – 430 гг.) в своём труде «О граде Божием» отстаивал мысль, что история развивается по божественному предначертанию, люди же являются слепыми исполнителями этого плана, и их разум и воля не способны его изменить. Исторический процесс Августин рисовал как неуклонную эволюцию божественного замысла: «Как в семени невидимо заключается всё, что должно с течением времени вырасти в дерево, так должно думать и относительно самого мира». Зло и несправедливость допускаются Богом в этот мир, чтобы лучше оттенять добро. Людям недоступно то, каким образом зло служит совершенству творения, но это известно Богу.

Эти постулаты были необходимы, чтобы оправдать несправедливость земного мира – войны, болезни, лишения, и они теснейшим об-

разом были связаны с вопросом о человеческой свободе воли. Наиболее последовательным и доходчивым для масс объяснением зла было признание существования дьявола. Представление о постоянной борьбе сатанинского и божественного начала было типичным для средневекового сознания и отчётливо проявлялось в средневековой историографии – в этом заключается большая близость средневековых провиденциалистов к мифологическим представлениям о решающей роли сверхъестественных сил в жизни человека, чем античных прагматиков.

Вопрос о соотношении божественного предопределения и свободы человеческой воли не находил однозначного ответа. Признавая, что всё в мире предопределено Богом и делается исключительно с его ведома, Церковь, тем не менее, вынуждена была руководствоваться пословицей «На Бога надейся, а сам не плошай!». Поэтому и в описании истории, признавая её общее божественное предназначение, всё же приходилось обращать внимание на поступки людей.

Средневековые летописцы и хронисты, руководствуясь проблемой добра и зла, провидения и свободы воли, считали, что их задача – учить добродетельной жизни и отвращать от пороков. Изучая историю, люди должны понять, что им надлежит следовать честным и доблестным примерам и избегать и ненавидеть всё порочное. Единая христианская религия способствовала развитию взаимосвязи и взаимопроникновения исторических литератур христианского мира. Средневековье – эпоха зарождения современных европейских национальностей, языков и государств, отсюда большой интерес к происхождению стран и народов, свойственный историографии этого периода.

Древнерусское летописание. Повесть временных лет

Вести разговор о русском летописании в рамках курса по историографии, не уйдя в источниковедение, довольно трудно. Между тем, главный историографический интерес здесь заключается не в том, когда и где найдена та или иная летопись, в каком виде до нас дошла, где хранилась и хранится, сколько имеет редакций и т.д., а то, какие идеи она пытается передать, какую тематику содержит, какой цели служит.

В своём развитии русское летописание проходит несколько этапов, границы между которыми весьма условны, но, тем не менее, можно выделить следующие периоды:

- 1) конец X – XII вв. – генезис древнерусского летописания;
- 2) XII – начало XIII вв. – расцвет местного летописания;
- 3) XIV – XV вв. – возрождение общерусского летописания;
- 4) конец XV – XVI вв. – интенсивное развитие Московского летописания;
- 5) XVII – XVIII вв. – постепенный отказ от летописной традиции.

Большинство из дошедших до наших дней летописей представляют собой *своды* – сборники разнообразного материала, вошедшего в них из отдельных самостоятельных сочинений или других компиляций. Особенностью летописной передачи информации было изложение материала в хронологической последовательности по годам («летам»). Количество информации, помещавшейся под определённым годом, было неравномерно. Некоторые годы вовсе пропускались, в других помещались обширные повествования, часто представлявшие собой самостоятельные сказания об отдельных событиях.

Выдающийся исследователь древнерусского летописания А. А. Шахматов относил составление древнейшего Киевского летописного свода, то есть начало летописания, к 1039 г., связывая его с образованием в Киеве митрополии. Эта датировка вызвала сомнения у других историков – М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин сочли возможным отнести начало летописания к X в., а Б. А. Рыбаков даже к IX в. А. Л. Шапиро полагал, что применительно к X в. можно говорить о вероятном существовании письменных исторических повестей, включённых в летописные своды XI в.

Одним из наиболее законченных и цельных летописных памятников Древней Руси является «Повесть временных лет» (ПВЛ), лежащая в основании большинства летописных сводов. Первая редакция ПВЛ принадлежит, по всей видимости, монаху Киево-Печерского монастыря Нестору и была им доведена до 1113 г. До наших дней Повесть дошла в переработанном виде (вторая редакция – Лаврентьевская, от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра (до 1116 г.), третья редакция – Ипатьевская – доведена до 1118 г.).

Источники ПВЛ весьма разнообразны. Это и византийские хроники (прежде всего – хроника Георгия Амартола), которыми летописец пользуется, чтобы нарисовать картину расселения народов после вавилонского столпотворения (при этом славяне в летописи рассматриваются как равноправные потомки Иафета, сына Ноя), и цитаты из Библии, жития святых (агиография), славянские тексты (к примеру, южнославянское «Сказание об обретении грамоты словенской»), фольклор и дипломатические акты (договоры Олега и Игоря с греками).

Составитель Повести понимал свою задачу очень широко, что видно уже из самого названия произведения: «Се Повести Времянных Лет, откуда есть пошла земля Русская, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть», то есть целью ПВЛ ставилось освещение происхождения государства, русской народности и династии киевских князей. История Руси рассматривается в Повести на широком историко-географическом фоне, летописец даёт сведения о странах Европы, Азии и Африки, он был хорошо осведомлён о жизни ближних и дальних славянских соседей. Повесть была составлена в Киеве, поэтому в центре её внимания находятся киевские события и киевские князья, однако она проникнута идеей общности всех русских земель, в неё включены известия из новгородской, черниговской, переяславской, суздальской истории. Кстати, само понимание Русской земли, выходящее за рамки треугольника Киев-Чернигов-Переяславль, появляется в летописных текстах уже в конце XI – начале XII вв. Этому способствовали не только общие оборонительные задачи, но и распространение православной религии. Наличие центральной идеи единения русских земель делает текст ПВЛ связным, цельным, несмотря на погодный принцип изложения.

Итак, происхождение своего народа и государства, борьба с иноземными врагами и связи между русскими князьями, отношения князей и дружины, а иногда и события народной жизни – таково содержание древнейших русских летописных сводов.

В написании истории летописец руководствовался провиденциалистскими взглядами, он был убеждён, что добрые исторические события происходят потому, что «Бог хотяще бытии им», вместе с тем человек наделён свободой воли – выбора между добром и злом, а кара Божья (беды и несчастья) – это наказание за греховные человеческие предпочтения.

Важным вопросом для историков является степень влияния личности летописца на текст, беспристрастность в изложении событий. Например, А. А. Шахматов считал, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы», схожей точки зрения придерживались М. Д. Присёлков и Д. С. Лихачёв. Другое мнение выражал литературовед И. П. Ерёмин, видевший в летописце пушкинского Пимена, который придерживался принципа «описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь», и был, прежде всего, моралистом, формирующим и отражающим общественное мнение земли Русской. К точке зрения И. П. Ерёмина были близки взгляды А. Л. Шапиро, отмечавшего, что в пользу беспристрастности лето-

писцев говорит бережное отношение сводчиков к труду своих предшественников, господствующая идея божественного провидения над человеческой судьбой и сам принцип погодного расположения материала: «из сплава религиозно-провиденциалистских представлений и земных интересов к повседневным политическим событиям образовался тот событийно-перечневый стиль летописей и хроник, который отражал средневековую историографическую концепцию во всей её сложности и противоречивости».

Летопись была далеко не единственной формой исторического повествования на Руси. Необходимо вспомнить жития святых (княгини Ольги и князя Владимира, летописное сказание об убиении Бориса и Глеба, житие Феодосия Печёрского), церковную литературу («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. XI в.), которое, помимо прочего, содержало краткую характеристику русских князей от Игоря до Ярослава Мудрого), отдельные исторические повести или сказания (входящие в состав летописей рассказы типа повествований Гюраты Роговича о людях, живущих в «полуденных странах» и прочие фольклорные формы). В XI – XII вв. появляются первые переводные исторические сочинения – например, греческий «Летописец вкратце Никифора патриарха», переведённый в начале XII в., в котором кратко перечислялись события от сотворения мира до X в., дополненные некоторыми русскими известиями, средневековые романы «Троянская история» (о взятии Трои) и «Александрия» (об Александре Македонском), византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола и пр.

Завершая характеристику развития ранней древнерусской историографии, следует отметить, что русские исторические произведения X – начала XII вв. составлялись на родном языке, в отличие от латинской историографии Западной Европы и арабоязычной историографии Средней Азии, и поэтому были более доступны древнерусскому читателю.

Исторические произведения XII – XIII вв.

В XII – XIII вв. на Руси интенсивно протекал процесс обособления русских земель-волостей, влияние великого Киевского княжества заметно ослабло, а Киев утратил былую привлекательность старшего стола.

Господствующим видом исторических произведений в это время становятся не общерусские своды, вроде ПВЛ, а летописи и сказа-

ния, связанные с отдельными русскими землями. Местное летописание помимо старых центров – Киева и Новгорода, появилось в таких городах, как Владимир Залесский, Переславль, Ростов, Чернигов, Новгород Северский, Псков и др.

Характерной особенностью летописей этого времени становятся большая пространственность текстов, обстоятельность, а иногда и слитность изложения. Большой интерес у летописцев теперь вызывают не общерусские дела, а местные происшествия.

Важной особенностью отечественной историографии XII в. было появление *княжеских летописцев* – произведений, описывающих политическую биографию отдельного князя, его военные походы, дипломатические переговоры, события в семейной жизни (летописец князя Игоря Святославича (героя «Слова о полку Игореве»), летописец Данила Галицкого, Юрия Долгорукого).

Но не стоит думать, что общерусские проблемы совершенно выпали из поля зрения составителей летописей XII – XIII вв. Так Владимирский свод 1177 г. включал в себя сведения как о событиях северо-востока, так и южной Руси. В этом своде впервые высказывалась идея о произошедшем переносе политического центра всех русских земель из Киева во Владимир-на-Клязьме и превращении владимирских князей в единственно законных претендентов на великое княжение. Весьма настойчиво звучала здесь и важная для политической жизни северо-восточного региона мысль о первенстве Владимира перед Ростовом и Суздалем.

Тексты новгородских летописей можно считать самыми насыщенными местной проблематикой. Стиль изложения в них весьма демократичен, интерес составителей летописи привлекают такие далёкие от «высокой» политики темы, как цены на товары, необычные природные явления, постройка церквей, городские неурядицы и мятежи. Речь новгородского летописца проста, кратка и выразительна, далека от «плетения словес» (что было свойственно, например, авторам Галицко-Волынских летописей).

Между тем, общерусский элемент в летописях XII – XIII вв. оставался весьма заметным – сохранялось понимание этнической и религиозной общности русского народа, осознание общих для всей Русской земли иноземных врагов.

Помимо летописей в Древней Руси XII – XIII вв. были распространены и произведения, посвящённые одному или нескольким историческим событиям (сказания, повести, слова). Часть из них дошла до наших дней в составе летописей.

Особое место в развитии исторической мысли занимает «Слово о полку Игореве», описывающее неудачный поход русских воинов во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 г. против половцев (время создания этого памятника древнерусской литературы близко к самому событию и приходится на конец XII в.). «Слово» пронизано идеей необходимости единства Руси и совместной борьбы с внешними врагами.

С целью призвать князей к единению в период монголо-татарского нашествия обращается к прошлому Руси, к славным историческим традициям автор «Слова о погибели земли Русской» (первая половина XIII в.). Ссылки на исторические события более раннего времени имеются и в так называемом «Слове Даниила Заточника», сохранившемся в двух редакциях – XII в. («слово») и XIII в. («моление»).

Носителями исторических традиций и народной памяти в XII – XIII вв. продолжают выступать былины («народный устный учебник истории», по определению Б. Д. Грекова), песни, сказания. Даже жития обращаются к историческим параллелям для обоснования мысли о необходимости отпора иноземным захватчикам (житие Александра Невского, составленное в 1263 г.).

Исторические знания в XIV – XV вв.

В XIV в. шло возрождение страны после татаро-монгольского нашествия. Восстанавливались города, успешно и на новой экономической владельческой основе развивалось земледелие, XIV – XV вв. ознаменовались культурным подъёмом (чего стоят имена Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Дионисия!). Для развития исторических знаний важно отметить, что в это время возникает писчебумажное производство.

Монгольское разорение и упадок старых городов затруднили на время ведение летописного дела. Однако в XIV в. оно восстанавливалось, а в XV в. достигло невиданных ранее масштабов.

Общерусское летописание впервые после монголо-татарского нашествия возродилось в Твери. Здесь в 1305 г. при князе Михаиле Ярославиче появился общерусский летописный свод, ставший основой для Лаврентьевской летописи, содержавшей известия тверской, новгородской, рязанской и прочих русских земель.

Борьба за великокняжеский стол привела Михаила Ярославича Тверского к гибели в Орде в 1318 г., титул великого князя Владимирского вскоре перешёл в руки московского правителя – его принял

Иван Данилович Калита, внук которого – Дмитрий Иванович Донской – уже провозгласил великое княжество Владимирское своей отчиной. О наследственном праве московских князей на великокняжеский титул начали говорить и московские летописцы. Отсюда выросло и стремление москвичей к созданию собственных общерусских летописных сводов.

Один из таких сводов, составленный около 1418 г., известен под названием Троицкой летописи. Его появление связано с именем митрополита Киприана, который, по словам М. Д. Присёлкова, остановился на мысли о составлении общерусского свода, куда бы влились материалы всех местных летописцев его политически раздробленной митрополии, охватывавшей как земли северо-восточной и северо-западной Руси, так и территорию Литвы. (Надо отметить, что сама Троицкая летопись сгорела во время московского пожара 1812 г., но благодаря Присёлкову текст её в значительной мере восстановлен.) В этой летописи отчётливо виден мотив единения Русской земли под московской великокняжеской властью. И хотя составитель Троицкой летописи был довольно критично настроен к Дмитрию Донскому (с которым у Киприана были натянутые отношения), в осуждении новгородцев, которые «правают по князю великому и паки рогозятся» (т.е. присягают великому князю, а потом проявляют непокорность), слышится поддержка великокняжеской власти.

Значительным событием в развитии исторических знаний явилось составление общерусского летописного свода 1448 г., ставшего основой Новгородской IV и Софийской I летописей, где общенациональные мотивы и стремление к государственному единству Руси под главенством Москвы звучали уже совершенно отчётливо.

Московское летописание творчески переработало тезис Владимирского свода 1177 г. о переносе главного центра русских земель из Киева во Владимир, продлив эту цепочку до Москвы и показав московских великих князей прямыми наследниками князей киевских.

Противовесом посягательствам Москвы на политическое первенство было создание в других крупных русских центрах собственных летописных произведений общерусского плана (хотя зачастую в областном летописании местные сведения преобладали над общерусскими). Антимосковский летописный свод создаётся в Твери (кроме того, в 50-е гг. XV в. здесь появляется «Слово похвальное» инок Фомы о Борисе Александровиче Тверском, где князь Борис выступает как второй Константин Великий, а Тверское княжество рисуется преемником Византийской империи); в то же время появляет-

ся общерусский летописный свод, написанный с позиций Великого Новгорода.

В условиях соперничества русских земель политическое значение летописей многократно возрастает. Не случайно Иван III, отправляясь в поход на Новгород в 1471 г., взял с собой дьяка Степана Бородатого, который был горазд «говорити по летописцам русским», чтобы в спорах с новгородцами «говорити противу их измены давние, кои изменяли великим князем в давние времена, отцем его, и дедом, и прадедом».

Можно сделать вывод, что в XIV – XV вв. общерусские тенденции в летописании усиливаются, но до середины XV в. идея полного подчинения всех русских земель одному центру – великому князю Московскому – в историографии ещё не восторжествовала. Между тем политическое значение летописей становится всё более заметным: в межкняжеских спорах о столах летописи становятся источником, подтверждающим право того или иного Рюриковича на «отчину», на летописи ссылаются князья, добывая у хана ярлык на великое княжение. Спор рождает предложение: потребность в «правильной» летописи вела к составлению сводов, которые отвечали требованию заказчика, но не всегда соответствовали критериям исторической правды и истины.

Летописные своды, как правило, представляли собой обширные произведения, включавшие в себя многочисленные и разнообразные источники, в том числе исторические повести и сказания XIV – XV вв. (некоторые из них сохранились и в виде особых произведений).

Большой цикл замечательных повестей сложился вокруг Куликовской битвы 1380 г. Повести о Мамаевом побоище переделывались, дополнялись, становясь не только историческими, но и литературно-публицистическими произведениями с яркой патриотической окраской. С особой красотой и силой возвеличивание Русской земли проявилось в поэтической повести «Задонщина» (конец XIV – начало XV вв.): «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и возверзем печаль на восточную страну...».

Русские историки того времени не теряли интереса и к общемировому прошлому, о чём свидетельствует «Летописец Еллинский и Римский» (хронографический свод-компиляция, точное время создания которого трудно определимо, но его вторую редакцию большинство исследователей относит к XV в.) – это произведение основано на известиях греческих хроник и содержит сведения от сотворения мира до царствования римских и византийских императоров X в.

Итак, русская историография XIV – XV вв. была представлена разнообразными историческими произведениями, причём исторические сказания составляют всё более заметную конкуренцию летописным сводам, хотя всё ещё зачастую входят в их состав.

Начинает подвергаться изменениям летописная форма повествования:

- общерусские своды XV в. решительно отбрасывают второстепенные подробности своих источников, подвергая последние жесткой редакторской правке;
- местные летописи охотно обращаются за пополнением сведений к преданиям и разнообразному фольклору;
- новым явлением в историографии XIV – XV вв. является усиление гражданских мотивов, всё больший отход от церковного взгляда на события;
- растёт интерес к современным зарубежным событиям, имевшим важное значение для Руси (Повесть Нестора Искандера о взятии Царьграда турками; Повести о Флорентийском соборе; «Хождение за три моря» Афанасия Никитина).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните понятия: синкретизм мифологического сознания, цикличное и линейное представление о времени, античный прагматизм и средневековый провиденциализм в историографии.
2. Охарактеризуйте начальный этап развития русского летописания. Найдите в литературе его дополнительные характеристики.
3. Охарактеризуйте особенности русского летописания XII – XIII вв. Найдите дополнительные характеристики этого периода в литературе.
4. Охарактеризуйте особенности развития летописания в XIV – XV вв. Найдите дополнительные характеристики этого периода в литературе.

ИСТОЧНИКИ

Илларион. Слово о законе и благодати // Русская идея. М., 1992.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т.1.

Новгородская IV летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4.

Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI – начало XII века. М., 1978.

Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981.
Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. Я. Н. Щапова, М., 2003.
Повести о Куликовской битве. М., 1959.
Поучение Владимира Мономаха // Изборник. М., 1986.
Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985.
Слово о полку Игореве. М., 1985. (или любое издание)
Софийская I летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975.
Дмитриев Л. А. Повесть о житии Александра Невского // История русской литературы XI – XVII вв. М., 1985.
Ерёмин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966.
Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). Л., 1987.
Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986.
Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
Лихачёв Д. С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980.
Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X – XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1976.
Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976.
Молдаван А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
Прокофьев Н. И. Русские хождения XII – XV вв. // Литература Древней Руси в XVII в. М., 1970.
Пропт В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
Рыбаков Б. А. Автор «Слова о полку Игореве» и русские летописцы. М., 1972.
Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. М., 1974.
Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997.
Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л., 1938.

Лекция 3.

Развитие исторических знаний в XV – XVI вв.

Историографические идеи европейского Возрождения

Период XIV – XVI вв. характеризуется как эпоха Возрождения, Ренессанса. Это было время формирования новой культуры в Европе, культуры, обладающей светским характером, антропоцентризмом, интересом к наследию Античности. В своеобразной форме и относительно слабой степени эпоха Возрождения проявляется и в России.

Само Возрождение было высочайшим прогрессивным переворотом «из всех, пережитых до того времени человечеством» (Ф. Энгельс). Был сломлен духовный диктат церкви, и вместо господствовавшей в средневековую эпоху теоцентристской картины мира была выдвинута новая – антропоцентристская. Не Бог, а человек был поставлен в центр мироздания, новое мировоззрение получило название *гуманизм*.

Развитие современных европейских наций, складывание современных национальных литератур, языков и развитие национального самосознания (именно в XV – XVI вв. Англия, Франция, Испания стали едиными государствами) – всё это существенные особенности политической жизни эпохи Возрождения. Наряду со становлением единых национальных европейских государств на базе римского права формируется юридическое понятие частной собственности. Свободная личность эпохи Возрождения начинает по-иному относиться к понятию времени – человек отказывается от покорного принятия судьбы, становится инициативным творцом своей жизни, не ждёт изменений – он их делает.

Активной творческой личности Возрождения был чужд раннесредневековый аскетизм – отсюда признание права человека наслаждаться земными благами, не дожидаясь благ небесных, права любоваться красотой природы и произведениями искусства, заниматься научным творчеством и активно общаться с себе подобными.

Важнейшим достижением гуманистов в области историографии являлся отход от провиденциализма, возврат к принципам античного прагматизма и их развитие. Промысел божий перестал трактоваться как причина всех событий человеческой истории, события прошлого (и настоящего) начали оцениваться с точки зрения земных, а не небесных интересов.

Гуманисты настойчиво устраняли из исторического повествования всё, что не поддавалось рациональному объяснению, развивали критическое отношение к источнику. К примеру, итальянский эрудит и родоначальник историко-филологической критики **Лоренцо Валла** (1407 – 1457) объявил подделкой один из основополагающих документов папства и христианской церкви вообще – «Донацию» (Дар Константина), говорившую о том, что император Константин, спасшийся в крещении от проказы, в благодарность передал наместнику Бога на земле, папе, власть в Риме, Италии и западных провинциях империи, а сам перенёс свою столицу в византийскую часть – в Константинополь. Pamфлет Лоренцо возымел своё действие, папство вынуждено было отказаться от «Константинова дара» как обоснования своих претензий на светскую власть.

Самым выдающимся историком и философом эпохи Возрождения был **Никколо Макиавелли** (1469 – 1527) – автор «Истории Флоренции», «Государя» и других произведений. Наверное, никто до Макиавелли не давал такого глубокого политического анализа прошлого. В книге «Государь» он использовал опыт истории, чтобы рекомендовать, как должен действовать правитель, чтобы заслужить хорошую репутацию, при этом выводы выдающегося мыслителя разительно отличались от пустого морализаторства средневековых схоластов, он демонстрировал элементы диалектического подхода к истории. Впрочем, исследование Макиавелли порой переходило в прямые советы, выстроенные по принципу «хорошая цель оправдывает любые средства».

Из деятелей европейского Возрождения необходимо упомянуть и **Эразма Роттердамского** (1469 – 1536), автора острой сатиры «Похвала глупости» и других философских произведений. Говоря о свободе воли, Эразм ограничивал её не превратностями судьбы, как Макиавелли, а Божьей благодатью, руководствуясь при этом текстом Библии, по которому Бог сказал Моисею: «Я положил перед лицом твоим путь жизни и смерти: избери, что есть добро, иди за ним». Таким образом, вопрос о соотношении свободы воли и божественного предначертания остался в гуманистической литературе открытым.

Русская историография конца XV – XVI вв.

В XV – XVI вв. на Руси было заметно усиление интереса к всеобщей истории. При этом, составляя обширные исторические труды, отечественные сочинители стремились прежде всего показать величие

и всемирно-историческую роль России (Московии) – как носительницы чистой христианской веры – Православия, а московских государей – как истинных блюстителей этой лучшей религии, что иллюстрировалось отказом россиян принять Флорентийскую унию и подтверждалось падением Константинополя от турок в 1453 г.

Помимо традиционного летописания, обращавшего внимание главным образом на отечественные события, в России распространяются *хронографы* – исторические сочинения, знакомившие читателя со всемирной историей: от сотворения мира до правления византийских императоров и современных им событий славянской и русской истории. В начале XVI в. русские книжники создают компилятивный Хронограф, в котором повествовалось о ходе всемирной истории, начиная с вавилонского столпотворения. Источниками для него послужили библейские сказания, «Иудейская война» Иосифа Флавия, византийские хроники и южнославянские тексты, всё это дополнялось данными из русских летописей.

Периодизация всемирной истории была дана по четырём царствованиям: Вавилон – Персия – Македонское царство – Римская империя. Хотя, надо признать, что европейские гуманисты уже отходили от этой схемы. В Хронографе использовалась идея «длящегося Рима»: старый Рим пришёл к упадку вследствие отказа от Православия, но автор отмечает, что и Греческое и другие балканские царства «грех ради наших Божиим попусцием безбожние Турции поплениша», тогда как Россия «Божиею милостию... растёт и младает, и возвышается» и будет расти и расширяться до «скончания века».

Идея о преемственности Руси и Византии витала в воздухе – митрополит Зосима (к. XV в.) величал Ивана III, объединителя Русских земель под главенством Москвы, «новым Константином», а Москву и Русскую землю – «новым градом Константина» (как в своё время инок Фома уже называл тверского князя Бориса Александровича и Тверскую землю).

Дальнейшее развитие мысль о «богоизбранности Руси» получила в теории «Москва – третий Рим», сформулированной монахом псковского Спасо-Елеазарова монастыря *Филофеем* около 1524 г. Он писал Василию III: «Вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Стоит, однако, отметить, что теория «Москва – третий Рим» в момент своего возникновения служила главным образом укреплению авторитета Русской Православной Церкви, особого внимания со сторо-

ны светских властей не привлекала и на страницы летописей проникла не сразу.

Для связи русской государственности с мировыми державами прошлого и повышения собственного авторитета московское правительство использовало другую теорию, изложенную в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы (1510 – н. 1520-х.) и в «Сказании о князьях Владимирских». По этой легенде византийский император Константин Мономах передал непосредственно Киевскому князю Владимиру Мономаху царский венец и животворящий крест. Легенда на русской почве привилась, никого особо не смущал тот факт, что Константин умер в 1055 г., а Владимир Мономах княжил в Киеве в 1113 – 1125 гг. Версия о передаче регалий сочеталась с сообщением о происхождении московских государей от императоров первого Рима: наследником римского цесаря Августа объявлялся его мифический брат Пруст, а наследником Пруста в тринадцатом колене – основатель русской княжеской династии Рюрик (заодно уж легенда раскрывала тайну родословной литовских государей (московских конкурентов) – их предок Гедимин объявлялся простым конюхом). «Сказание о князьях Владимирских» получило довольно широкое распространение уже в 1530-х гг., осело на страницах летописей, а к середине XVI в. вошло во многие официальные документы (в том числе и дипломатические).

В XVI в. летописание продолжает сохранять значение одного из основных видов исторических произведений. Но в характере летописных сводов появляются новые черты – составление их теперь сосредотачивается при великокняжеском и царском дворе, в силу чего летописи приобретают всё более официальный характер. Сами летописные своды отличаются грандиозными масштабами и пышностью языковых форм.

К числу таких огромных по размерам и наполненных похвалами, обращёнными к князьям, произведений относятся Воскресенская (составлена в п.п. 1540-х гг.) и Никоновская летописи (составлена в 1526 – 1530 гг., доведена до 1520 г. в первой редакции, и до 1558 г. во второй). Тексты этих летописей широко используют не только данные предшествовавших летописных источников, но и актовый материал, жития, фольклор. Часто язык летописи становится неотличим от официального документа, например, когда речь идёт о назначении воевод в походы или появляется присущий для посольских книг сюжет об отпуске и приёме послов. Погодный принцип изложения постоянно нарушается вставками из нравоучительных или занима-

тельных рассказов. В ряде случаев заметен решительный отход от буквальной передачи исторических известий по подлиннику, стремление по-своему истолковать непонятные места в старых летописях, связать историю России с историей Византийского царства и южнославянских стран.

Никоновская летопись по сути заканчивает летописный период русской историографии. Отдельные летописные своды возникают и после неё и даже в XVIII в., но эти поздние летописи в большинстве случаев представляют собой переделку старых сводов, которые переписываются, дополняются или сокращаются.

Новым явлением в русской исторической литературе стал Лицевой летописный свод (летопись в лицах), составленный по указу Ивана Грозного в 40 – 60-е гг. XVI в. Эта рукопись создавалась в единственном экземпляре, в ней насчитывается 9 700 листов и более 16 000 иллюстраций. Изложение начинается от сотворения мира и через Евангелие ведётся к возникновению Русского государства, далее текст строится на основе Никоновской летописи и доводится до «счастливых событий» царствования Ивана Грозного. Лицевой свод – это официальное парадное произведение, созданное специально для того, чтобы показать величие Московского государства, подготовленное всей предшествующей историей человечества.

Копией части Лицевого летописного свода была Царственная книга – громадная иллюстрированная рукопись (1073 миниатюры), рассказывающая о правлении самого Ивана Грозного. В тексте Царственной книги содержится множество исправлений и приписок острого политического содержания, которые вносят существенные изменения в первоначальное описание событий. Есть устойчивое историографическое мнение, что Иван Грозный лично редактировал и вносил поправки в текст в целях более резкого обличения боярских смут и мятежей и оправдания собственной политики.

Ещё одним новшеством в русской историографии XVI в. стало составление исторических произведений не по погодному принципу, а в виде сплошного повествования, в котором хронология носит справочный характер и не является отправной точкой для рассказа о событиях. Появляются произведения, посвящённые ограниченному историческому периоду или отдельным выдающимся деятелям – государям и митрополитам. Для таких сочинений характерно и единство темы, и единство точки зрения на историческое событие.

Примером нового типа исторического произведения, сохранявшего, правда, летописную форму, но посвящённого ограниченному

историческому периоду, является составленный в середине 50-х гг. XVI в. «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Его текст отличается обилием подробностей о деятельности Грозного и придворной жизни, содержит множество сведений о дипломатических сношениях и событиях военной истории, причём составлен он на основании архивных документов, а в редактировании участвовали ближайшие соратники царя – митрополит Макарий, А. Ф. Адашев, И. М. Висковатый. Основные идеи «Летописца» очевидны – это необходимость утверждения самодержавной власти и историческая обусловленность победы Русского государства над Казанским ханством.

Другое крупное сочинение, не связанное формой погодных записей, – появившаяся в 1560-х гг. «История о Казанском царстве», автором которой был, по-видимому, служилый человек, побывавший в плену у татар и живший после освобождения где-то в пределах Казанского ханства. Эта «История» – масштабное произведение единой темы, которое рассказывает о прошлом Казанского ханства с его основания до взятия Казани Иваном IV. По всей видимости, Казанский летописец, как ещё называют это сочинение, пользовался успехом – до нашего времени «История» дошла в большом количестве списков (более 270). Автор полностью отказался от погодного изложения, его повествование разделено на главы, имеющие последовательную нумерацию и названия. По приёмам изложения и по патриотической задаче показать героическую борьбу воинов с врагами Отечества «Истории о Казанском ханстве» близка «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», написанная вскоре после осады города поляками в августе 1581 – феврале 1582 г.

В начале 1560-х гг. по инициативе митрополита Макария духовник Ивана IV Андрей (сам будущий митрополит – Афанасий) составил Степенную книгу («Книга степенная царского родословия»). Это была попытка систематического изложения истории Московского государства в форме генеалогической княжеской преемственности. По выражению Д. С. Лихачёва, Степенная книга представляет собой грандиозную портретную галерею деятелей русской истории. События здесь излагались не по годам, как в летописях, а по степеням – гралям. Всё сочинение было разделено на 17 степеней соответственно времени правления великих князей и митрополитов, начиная с княжения первых русских христианских государей – Ольги Святой и Владимира I Святославича и до царствования Ивана IV. Князья наделялись качествами идеальных мудрых правителей, смелых воинов и благоче-

стивых христиан. Составитель текста неукоснительно вёл читателя к мысли о том, что единодержавная форма правления изначально свойственна Русскому государству и установлена в нём ещё со времён Киевских князей, а история Русской земли неразрывно связана с историей русского православия, из чего следует необходимость укрепления церкви, умножения её богатств и почитания святынь. По идейной направленности, а также по интересу к биографиям, со Степенной книгой сближаются Великие Четьи-Минеи, составленные при митрополите Макарии.

Полностью отказался от летописной компоновки материала и князь Андрей Михайлович Курбский, написавший в 70-е гг. XVI в. «Историю о Великом князе Московском». «История» князя Курбского, бежавшего в 1563 г. к польскому королю, была рассчитана прежде всего на зарубежного читателя с целью воспрепятствовать избранию Ивана Грозного на польский престол, это политически ангажированное сочинение, не утруждавшее себя излишней достоверностью фактов. В своём сочинении Курбский настойчиво проводил мысль о том, что царь должен управлять, всегда и во всём советуясь с боярством. По мнению А. Л. Шапиро, взгляды Курбского – это своеобразное преломление гуманистических идей, которые на русской почве приобретают не буржуазную, а феодально-аристократическую окраску. Курбский говорит о «свободном естестве человеческом», имея ввиду недопустимость третирования царём свободных вельмож и «великих княжат», как «холопей, сиречь невольников», но не отрицает крепостного права и холопства вообще.

Помимо нового взгляда на природу царской власти, А. М. Курбский предложил свою периодизацию царствования Ивана Грозного, разделив его на периоды «добра» – годы правления Избранной рады, и «зла» – годы опричнины. Эта периодизация вошла затем в русскую дворянскую историографию (её, например, использовал Н. М. Карамзин) и последующие исторические труды.

Можно отметить, что по своим чертам «История» А. М. Курбского приближалась к мемуарам, распространившимся со времён Возрождения в Западной Европе. Заметны элементы мемуарной литературы и в сочинениях самого Ивана Грозного, прежде всего в его первом послании Андрею Курбскому. Послания царя выдают в нём недюжинного знатока отечественной истории. Он кратко и метко характеризует своих предшественников, называя князя Владимира просветителем Русской земли, Владимира Мономаха – принявшим «от грек достойнейшую честь», вспоминая, что Александр Невский

разбил немцев, а Дмитрий Донской победил татар, указывая на заслуги Ивана III в собирании прародительских земель. Обосновывая абсолютистский характер своей власти её божественным происхождением и высокородными предками, Грозный с изумительной изворотливостью находит доводы против оппонентов и оправдывает себя.

Вообще, официальная историография XVI в. грешила использованием политических легенд и прямого вымысла, отличалась большим произволом в отношении древних летописей, высокопарностью стиля, назойливо звучащей темой божественного происхождения царской власти и обещанием божеских кар за неверность царю.

Наряду с великокняжескими летописями существовало и неофициальное летописание (к примеру, общерусский свод Кирилло-Белозерского монастыря, где выражались взгляды, противоположные московским (например, говорилось, что Василий Тёмный виноват в гибели Дмитрия Шемяки, а Иван III – в отравлении первой своей жены). Новшеством в мировоззренческих установках неофициальных сочинителей XV – XVI вв. стала идея «самовластия» человека, т.е. его более или менее свободной и независимой от Бога деятельности. Она была следствием еретических мудрствований, развивавшихся на русской почве ещё со времён новгородских стригольников. Именно в еретической среде распространялось анонимное «Написание о грамоте», в котором утверждалось, что Бог создал человека «животна, плотна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приятна». По сути это были возрожденческие идеи, с которыми вела непрестанную борьбу официальная православная церковь.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните, что такое хронографы. Приведите характеристику хронографов из дополнительной литературы.
2. Охарактеризуйте особенности развития летописания в конце XV – XVI вв. Найдите дополнительные характеристики этого периода в литературе.
3. В чём состояли особенности изложения исторического материала в Степенной книге? Найдите в литературе дополнительные характеристики этого произведения.
4. Как характеризуются исторические взгляды Андрея Курбского и Ивана Грозного? Найдите в литературе дополнительные характеристики.

ИСТОЧНИКИ

Воскресенская летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. 7 - 8.

Казанская история / подгот. текста, вступит. статья и коммент. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 10 – 14.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1981.

Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. М., 2005. Т. 22.

Степенная книга // ПСРЛ. М., 2007. Т. 21, ч. 1.; М., 2008. Т. 21, ч. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII вв. М., 1973.

Ерёмин И. П. Литература Древней Руси. М.;Л., 1966.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М., 1980.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1976.

Лихачев Д. С. Русские летописи. М., 1973.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII – XVI вв. М., 1960.

Творогов О. В. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М., 1981.

Лекция 4.

Развитие исторических знаний в XVII в.

Отражение истории Смуты в исторических произведениях XVII в.

Смута начала XVII в. потребовала объяснения причин охвативших страну бурных и бедственных событий. Авторы исторических повестей вновь вспомнили божий гнев за грехи человеческие, да и просто дьявольские козни, но наряду с этим появлялись и совершенно иные трактовки произошедшего.

В «Сказании» келаря Троице-Сергиева монастыря *Авраамия Палицына*, составленном в 1620 г., описывались события 1584 – 1618 гг. Причинами начала «разбойничества» здесь были названы стихийные бедствия 1601 – 1603 гг., голод, катастрофическое положение холопов, изгнанных господами, и их дерзкое от отчаяния поведение, так что «всяк от своего чину выше начаша восходити: раби убо господине хотящее быти», а с другой стороны – непродуманные действия «начальствующих», «в неволю поработивающие, кого мощно», и «всего мира безумное молчание». Произведение открывалось поясняющим подзаголовком: «История вкратце в память предыдущим родом, како грех ради наших попусти Господь Бог праведное свое наказание по всей России».

Поучительное сочинение, написанное на животрепещущую историческую тему, в котором давался обзор событий в Российском государстве от опричнины до междуцарствия и избрания на царство Михаила Романова, представлял «Временник дней и царей и святителей Московских» дьяка *Ивана Тимофеева* (20-е гг. XVII в.). Автор пытался выяснить социальные причины охвативших страну неурядиц и приходил к выводу, что они проистекали не столько от плохого правления, сколько от пагубного стремления рабов сделаться равными своим господам. Вместе с тем, Тимофеев отмечал и вину властителей в небрежении старых порядков. Признавая государственные и военные заслуги Ивана Грозного («крепок во бранях и мудромен зело о всех»), автор подчёркивал историческую связь между опричной политикой и обрушившимися на страну бедствиями Смуты. Деятельность царя-«мирогубителя» ослабила «естественный страх» в черни и привела к возвышению «плошайших людей», а потом и к появлению «неистинных царей» – самозванцев.

С иных позиций объяснялась постигшая страну Смута в созданном около 1625 г. псковском сказании «О бедах и скорбех, и напастех, иже бысть в Велицей России». Здесь виновниками бед признавались бояре и «сильные градодержатели», которые довели ситуацию своими неправдами до народного бунта.

Официальная точка зрения на Смуту была выражена в «Новом летописце» (составлен в 20 – 30-е гг. XVII в. в кругу, близком патриарху Филарету), рассказывавшем о периоде русской истории от Фёдора Ивановича до Михаила Романова. Повествование в этом произведении не имело погодной разбивки, оно было разделено на главы. Особое внимание летописец отводил польской и шведской интервенции конца XVI – начала XVII вв., борьба с которой подана в русле противостояния православия с католичеством. Поэтому отнюдь не случайной для этого официального произведения была мысль о наследовании царской власти Романовыми от Рюриковичей как сохранении преемственности в соблюдении чистоты веры. Во второй половине XVII в. на основе переработки «Нового летописца» будет составлена «Летопись о многих мятежах», доведённая до середины 50-х гг. XVII столетия.

Расширение тематики исторических произведений XVII в.

Говоря об особенностях исторической литературы начала XVII в., стоит отметить, что в ней, под влиянием западноевропейских гуманистических идей, появились размышления над характером человека. Средневековые историки тоже описывали поступки исторических деятелей, но редко их объясняли качествами человеческой личности. В XVII в. трафаретная средневековая сетка, делившая людей на добрых и злых, уже не работала. Во второй редакции Хронографа 1617 г. отмечалось: «не бывает же убо никто из земнородных беспорочен в житии своем». В исторической литературе начинают создаваться образы, полные противоречивых человеческих качеств – письменность как бы повторяет путь живописи, развивавшейся от иконы к парсуне и далее к портрету.

Кстати, историческая литература не только образно, но и на практике развивалась в союзе с живописью. Заметное место в книгоиздании XVII в. занимала мастерская Посольского приказа, именно в ней в 1672 г. был издан самый известный и роскошный «Титулярник». Инициатива его создания принадлежала начальнику Посольского приказа боярину Артамону Сергеевичу Матвееву. Текст пред-

ставлял из себя краткие сведения по русской истории и нес справочную информацию о титулах зарубежных государей, гербах и печатях. Авторами были *Николай Гаврилович Спафарий* (выходец из Молдавии, талантливый дипломат и писатель) и подьячий Посольского приказа Пётр Долгово. Тематика и идейное содержание книги были направлены на доказательство законности и преемственности от рода Рюриковичей богоизбранной династии Романовых. Книга была издана в трёх экземплярах: один остался в Посольском приказе, второй – у царя Алексея Михайловича, третий предназначался наследнику престола – царевичу Фёдору. Титулярник был не только официальным справочником, содержащим информацию дипломатического характера, его можно считать первым учебным пособием по внешней политике России.

Вообще в XVII в. заметно увеличивается количество переводных произведений (хотя переводы Гваньини и Герберштейна появились уже в XVI столетии). В 1673 г. те же Спафарий и Долгово составили «Хрисмологийон» на источниках греческого происхождения. Это произведение новшеством идей не блистало, было написано по библейской схеме о четырёх царствиях и ставило своей целью показать, что монархическое правление «верхнейшее в мире».

Историки второй половины XVII в. не ограничивали себя рамками русской старины. Стараниями Спафария на большом количестве китайских источников было составлено «Описание Китайского царства». В 1692 г. стольник *Андрей Лызлов* закончил «Скифскую историю». Книга появилась как нельзя более кстати – накануне Азовских походов. В ней говорилось об истории восточных и юго-восточных соседей России. Много внимания уделялось Золотой Орде, Казанскому, Астраханскому и Крымскому ханствам и Османской империи. Главной темой «Скифской истории» выступала борьба славян с татарами и турками, хотя автор не замыкался только на ней, обращая внимание на извечное противостояние оседлых европейских народов натиску кочевников, начиная ещё с борьбы греков и римлян с кочевыми соседями в Северном Причерноморье и на Балканах. Работа Лызлова насчитывала почти 800 страниц и обладала некоторыми чертами научного произведения: в начале текста перечислялись источники, которыми пользовался автор (Степенная книга, Казанский летописец, Синописис, Хроники Алессандро Гваньини и Матяя Стрыйковского, «Универсальные реляции» итальянца Джованни Ботеро и т.д.). В тексте «Скифской истории» приводились ссылки на тома и страницы использованных источников.

Во второй половине XVII в. была продолжена практика создания официальных исторических произведений. По указанию Алексея Михайловича в 1657 г. создали специальный Записной приказ. Во главе приказа был поставлен дьяк Тимофей Кудрявцев, в задачу нового учреждения входило продолжение «Степенной книги» и отражение преемственности новой династии с Рюриковичами. Начался энергичный сбор материалов в различных приказах, монастырях, в библиотеках и у частных лиц. Работу Кудрявцева продолжил дьяк Григорий Кунаков, после смерти которого в 1659 г. Записной приказ, по всей видимости, прекратил свою деятельность. Дело по созданию официальной истории взял на себя дьяк Казанского дворца **Фёдор Грибоедов**, составивший в к. 60-х гг. XVII в. «Историю о царях и великих князьях земли Русской», выполнив тем самым задачу, стоявшую перед Записным приказом. Какое-то время (до появления «Синóписа») его «История» служила учебником для государевых детей.

В конце XVII в. появилось сочинение бывшего справщика и книгохранителя Московского Печатного двора **Сильвестра Медведева** (1641 – 1691) «Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся в гражданстве» о начале правления царевны Софьи. Автор описывал династическую бурю во время восхождения Петра I на престол не просто как свидетель и участник событий, но придавал своему произведению характер исторической работы, рассуждая о причинах социальных потрясений и роли верховных властей в сохранении государственного порядка. Матвеева тревожило проникновение на русскую почву иноземных законов и обычаев – «неслыханных дел», он предостерегал власть имущих от внутренних козней и междоусобиц, которые разрушают государство.

Особенности исторических произведений XVII в.

Во второй половине XVII в. возникают исторические произведения, внешне ещё сохранявшие вид летописей, но по сути совершенно отходившие от старой летописной традиции передачи информации. Характерным примером такого слитного исторического повествования является «Временник Русский», начинавшийся с рассказа о призвании князей и доводивший повествование до царствования Фёдора Ивановича.

Несомненным проявлением повышенного интереса к историческому знанию стало появление первого печатного пособия по русской истории – «Синóписа, или краткого собрания из разных лето-

писцев». Это произведение впервые было издано в Киеве в 1674 г., как значится на его заглавном листе «по благословению архимандрита Киево-Печерской Лавры *Иннокентия Гізеля*», которому обычно и приписывают авторство Синописиса. Благодаря доходчивости и краткости изложения это сочинение превратилось в учебник по русской истории, который был в ходу вплоть до 1760-х гг., когда на смену ему появился «Краткий летописец» М. В. Ломоносова. За столетие Синописис выдержал около 15 изданий.

Впрочем, будучи произведением, выросшим на южнорусской почве, Синописис сосредоточивал свой интерес на истории Киева, и почти ничего не говорил о Северо-Восточной Руси. Зато в нём много внимания уделялось происхождению славянского языка и названия народа, началу Киева и крещению Руси. Рассказ об истории Руси Гизель начинал задолго до призвания варягов, говорил об основании Киева в 431 году первыми князьями Кием, Щеком и Хоривом, пояснял, что приглашённые новгородцами варяжские князья «языка славянска бяху, и зело мужественны и храбры», правда тут же добавлял, что Рюрик, Синеус и Трувор «придоша... от немец».

Благодаря Синописису в исторической литературе прочно укоренилась мысль об утверждении самодержавства русских князей ещё в Киевском государстве при Владимире Святом. События после крещения излагались в основном по княжениям. Много места было уделено рассказам о монголо-татарском завоевании и борьбе с захватчиками (Куликовский цикл). Воссоединение Украины с Россией под скипетром Московского царя обосновывалось родственной близостью «российских народов» и их былым единством под владычеством Киевских монархов. Надо отметить, что доказательство необходимости воссоединения Украины с Россией, понимание единства истории Великой и Малой Руси было одной из политических целей составителей Синописиса.

Довольно широко Синописис использовал различные баснословные сведения о славянах и русской истории. Например, здесь содержалось известие о грамоте, написанной золотом по пергаменту, которую, якобы, выдал славянам Александр Македонский, утвердив за ними их землю и вольность.

Баснословные сюжеты были вообще широко распространены в русской историографии XVII в. К примеру, «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», известное ещё как «История, еже о начале Русския земли и создании Новаграда», содержало уверения о том, что некий Скиф был внуком легендарного Ноя, а его сыновьями были Словен,

Рус, Болгар, Коман и Истер. Старшие братья жили около озера Ильмень, «переписывались» с Александром Македонским («золотом по пергаменту») и основали город Словенск Великий. Затем Словенскую землю посетил мор, все разбежались, а много позже вернулись на родину и построили Великий Новгород, где княжил Гостомысл, а после его смерти – пришедший из Прусской земли великий Рюрик, родственник римского императора Августа. Тем самым автор объединял в своём тексте чуть ли не все известные к тому времени версии происхождения русского княжеского дома, сплетая их в фантастический узор. С другой стороны, стоит отметить, что во второй половине XVII в. из исторической литературы постепенно уходит легенда о происхождении Рюрика от кесаря Августа, угасает теория «Москва – третий Рим» (удерживаясь, правда, в раскольничьих рядах).

Одним из критиков устоявшихся исторических мифов выступал философ-миссионер **Юрий Крижанич** (около 1618 – 1683) – хорват, поборник единения славянства под главенством России и сторонник унии русского православия с католицизмом. Он более 20 лет прожил в России (15 из них в ссылке в Сибири). В своей книге «Политика» («Думы политичны») Крижанич не только не поддержал теорию о Москве как третьем Риме, но отверг родственные связи русских князей с Августом и оспорил достоверность летописного рассказа о призвании варягов на Русь (и мог бы считаться первым анти-норманистом, если бы «норманнская теория» уже была сформулирована). Критическое отношение к источнику вполне мирно уживалось у Крижанича с идеями провиденциализма, поскольку он считал, что «один Бог только государь всему свету», а «промысел Божий... – первая господствующая причина, располагающая и управляющая всеми человеческими действиями».

Однако то, что одни легенды уходили из историографии, лишь освобождало место для других. Всё большую популярность в исторической литературе приобретал тезис о происхождении Москвы, московитов и славян вообще от внука Ноя от его шестого сына Иафета – Мосоха (идею эту ещё в XVI в. выдвинули польские историки Бельский и Стрыйковский). Легенда «Москва – Мосох» указывает на историографическую тягу к символической этимологии, которая играла важнейшую роль при решении историками XVI – XVII вв. вопросов этногенеза и некоторых других исторических проблем (того же поля ягоды – примеры образования имени славян «от славных делес своих», или руссов «от цвету лица и власов», или россиян от того, что жили в рассеянии).

Завершая разговор об исторических произведениях XVII в., следует упомянуть, что в это время продолжают создаваться военно-исторические повести (например, «Повесть об Азовском сидении» Фёдора Ивановича Порошина, восхвалявшая героизм казаков в боях за Азов), сочиняются труды о Разинском бунте («Астраханское сказание», составленное сыном боярским Петром Золотарёвым в 1678 г.), появляются исторические труды о Сибири (летопись Саввы Есипова «Сибирское царство» 1636 г.; строгановская летопись 70-х гг. XVII в. «О взятии Сибирской земли»). Весьма своеобразным видом исторической литературы второй половины XVII в. были бытовые повести с включёнными в них рассказами об исторических событиях (например, «Житие Иулиании Лазаревской», написанное её сыном помещиком Дружиной Осорьгиным). Большая литература сложилась вокруг церковного раскола (главным произведением здесь выступало автобиографичное «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»).

В историографической литературе оценки русской исторической мысли XVII в. сильно варьируются. Дореволюционные авторы отмечали, прежде всего, распространение баснословия, «псевдонаучной болтовни», снижение достоверности исторических произведений. Оценки советских историков были менее эмоциональными: М. Н. Тихомиров называл XVII в. «новым периодом в русской историографии», с ним соглашался С. Л. Пештич, уточняя, что это был этап «переходный от летописного к научному».

Большинство исследователей отмечает, что в этот период развития исторических знаний значительно возрос интерес к человеку как творцу истории, как к субъекту, обладающему индивидуальными чертами характера и собственной мотивацией поступков. А. Л. Шапиро считал возможным признать «наличие в русской историографии вт. п. XV – н. XVII вв. таких гуманистических черт, как усиление внимания к реальным политическим мотивам человеческой деятельности, проявление интереса к античным философам и историкам, появление крупных исторических произведений, не связанных формой погодных записей, а главное – утверждение идеи политического единства русской земли и русского народа».

Можно заметить, что помимо духовных лиц авторами исторических произведений в XVII в. всё чаще становятся выходцы из других социальных групп. Историографию этого времени отличает не только регистрация фактов, но и стремление объяснить и осмыслить исторические события сквозь призму человеческой деятельности. Уже в XVI в. в русской историографии появляется, а в XVII столетии всё бо-

лее прочно утверждается *прагматизм*, т.е. такое понимание истории, в основе которого лежит представление о причинной связи событий как следствии деяния людей, а не божественной воли.

Характерной чертой историографии XVII в. (особенно его второй половины) является отход от летописной формы изложения и цельность содержания исторических произведений, посвящаемых, как правило, одной теме. Заметно стремление авторов реалистически объяснить описываемые события; намечается критический подход к источникам, исторические произведения снабжаются справочным аппаратом, вырабатываются приёмы деления сочинений на смысловые части (главы, параграфы – «титла»). Исторические знания получают более широкое распространение в обществе.

Одной из существенных особенностей историографии XVII в. было то, что наряду с мега-патриотической идеей исторической исключительности русского государства, династии, народа и религии, их богоизбранности и абсолютного превосходства над другими в некоторых исторических произведениях отмечались успехи учёных, в том числе и историков из других стран, говорилось о необходимости освоить их опыт (такая точка зрения была, например, представлена в Предисловии к историческому труду, составлявшемуся по приказу Алексея Михайловича).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте особенности русского летописания XVII в. Найдите дополнительные характеристики этого летописного периода в литературе.
2. Какие новые идеи при написании исторических произведений появляются в XVII в.? Проиллюстрируйте примеры цитатами из конкретных произведений.
3. Охарактеризуйте «Синописис» Иннокентия Гизеля как историографический источник. Найдите в литературе его дополнительные характеристики.
4. Охарактеризуйте «Скифскую историю» Андрея Лызлова. Найдите в литературе дополнительные характеристики этого произведения.

ИСТОЧНИКИ

Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.

Крижанич Юрий. Политика. М., 1997.

Лызлов А.И. Скифская история / Отв. ред. Е. В. Чистякова; сост. А. П. Богданов. М., 1990.

Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. Кн. 1.

Сказание Авраамия Палицына / подг. текста и коммент. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVIII в. М., 1973.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М., 1980.

Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. М.;Л., 1961-1971. Ч. 1-3.

Пушкарьёв Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: очерки истории. М., 1982.

Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988.

Лекция 5.

Развитие историографии в конце XVII – первой четверти XVIII в.

Историософские идеи

Философское осмысление истории человечества в XVII в. шло в русле развития идей рационализма и было связано прежде всего с учением о естественном праве и общественном договоре. Эта теория получила своё развитие благодаря трудам голландского юриста **Гуго Гроция** (1583 – 1645), его трактат «О праве войны и мира» около 1710 г. был переведён на русский язык, и английского философа **Томаса Гоббса** (1588 – 1679), издавшего в 1651 г. своё главное произведение – «Левиафан». Оба учёных пытались смотреть на историю сквозь призму естественнонаучных знаний, выводя законы развития государственных отношений из разума и опыта, а не из теологии.

Вслед за Аристотелем Гроций считал человека существом социальным и поэтому тягу к общению признавал важнейшим свойством человеческой природы. Схема исторического развития человеческого общества у него выглядела следующим образом: – в древности у людей не было частной собственности, существовало лишь право на вещи низшего порядка, т.е. право обладания вещью исходя из естественных потребностей; – люди пребывали в великой простоте и находились между собой в некоей «взаимной приязни»; – по мере развития земледелия, скотоводства и ремесла появилась «разнообразная изобретательность» и хитрость, «добрые осквернились сообществом злых», водворился «быт насильников и зверская дикость»; – чтобы противостоять насилию, отдельные рассеянные семейства решили создать государство – «союз свободных людей, заключённый ради соблюдения правды и общей пользы». Таким образом, «первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, а добровольно».

Схема исторического развития человеческих взаимоотношений, предложенная Гоббсом, существенно отличалась от построений Гроция, хотя приводила к схожим выводам. Гоббс считал, что людям во все не свойственно стремление к общению и в естественном состоянии первобытности человечество вело «войну всех против всех». Поступки людей определялись не принципами морали, а исходили из собственной пользы. Жизнь человека в естественном состоянии, ког-

да не было ни промышленности, ни обработки земли, ни науки, ни искусств, ни общества, была «бедной, грубой, бессмысленной», попросту говоря, невыносимой. Люди добровольно отказались от свободного состояния и заключили *общественный договор*, передав свои естественные права государству, которое должно было положить конец «войне всех против всех».

Таким образом, и Гроций и Гоббс сходились в объяснении происхождения государства, как результата добровольного общественного договора. Расхождение во взглядах у них было заметно при оценке прав и обязанностей государства и подданных. Гроций признавал за народом право противодействия властям, если те ведут себя «противно естественному праву и божественным заповедям». Гоббс выступал с тезисом о незыблемости и нерушимости права верховной власти. Для него государство – земной Бог, Левиафан – библейское морское чудовище, обладающее невероятным могуществом. Сила нужна государству, потому как оно, по Гоббсу, должно обеспечивать счастливую жизнь своих подданных, а значит: 1) защищать их от внешних врагов; 2) сохранять мир внутри страны; 3) поднимать народное благосостояние и богатство; 4) предоставлять каждому гражданину права пользоваться свободой без ущерба для других граждан.

Защитная функция государства привела Гроция к мысли о справедливых и несправедливых войнах. К справедливым он относил самозащиту, возвращение захваченного имущества, наказание за нарушение права. Эти оценки заметно повлияли на труды историков XVII – XVIII вв.

Существенный для всей предшествовавшей европейской историографии вопрос о соотношении божественного и человеческого начал в исторических событиях решался Гроцием и Гоббсом через наделение человека свободой воли. Бог, создав человека, предоставил людям право самим творить историю, вырабатывать законы, создавать государства. Он не вмешивается в человеческую природу и естественное право. Гроций даже заявлял, что «естественное право столь незыблемо, что не может быть отменено даже Богом».

Идеи западноевропейских рационалистов привились и развились на русской почве. Всё более привычным становилось деление истории не на священную и профанную, а на древний период, средние века и новое время. Поскольку творцом истории признавался человек, все исторические события определялись разумом и здравым смыслом и имели прагматический характер. Главным двигателем истории становились действия «славных мужей» – великих исторических лично-

стей. Естественные права человека, мотивы его поступков мыслились как неизменные во все времена и диктовали законы развития общества и государства, определяли ценностные оценки прошлого. Сама история становилась настоящей учительницей жизни, ценнейшей сокровищницей опыта и мудрости.

Западноевропейская теория естественного права в России использовалась для апологии абсолютизма. Её ярким сторонником выступал **Феофан Прокопович** (1681 – 1736) – один из виднейших публицистов и церковно-политических деятелей своего времени. Он был автором «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». Ему же принадлежат многочисленные похвальные слова, несколько произведений по риторике, стихи. По его мнению, народы, ещё не знающие государственных законов, «естественно законная творят», при этом первейший естественный закон есть закон «любить и бояться Бога» и повиноваться от Бога поставленным властям. Прокопович считал также, что «едва не всем народам природна есть монархия». С этой мыслью была связана и теория регулярного государства, которую в России развивал Пётр I. Суть этой теории в том, что первейшим признаком заботы государства об общем благе является постоянная и неусыпная правительственная регламентация жизни подданных, опека над ними и контроль за их поступками.

Прокопович был знаком с сочинениями античных авторов, от них он воспринял понимание истории, главная задача которой, по его мнению, заключается в том, чтобы учиться жизни на чужих примерах. Поэтому историческое знание должно быть достоверным, далёким от легенд и вымыслов. Историк должен быть беспристрастным в своих сочинениях, доверять только тем известиям о прошлом, которые не вызывают сомнений у большинства авторов, поскольку за разногласием мнений часто кроется ложь. Само историческое сочинение надо писать кратко и ясно, не увлекаться мелочами и красотой слога.

Петровские реформы и развитие исторических знаний

Появление новых учебных заведений, введение гражданского алфавита, издание светских книг и печатной газеты (на её заглавном листе значилось: «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во всех иных окрестных странах») – всё это способствовало дальнейшим

успехам в деле распространения исторических знаний. И тем не менее, именно развитие светского образования при Петре I, освобождение науки и культуры от неусыпного влияния церкви нужно отметить особо.

28 января 1724 г. Пётр I подписал устав Академии Наук, её первое организационное заседание состоялось уже после смерти великого императора 12 ноября 1725 г., а торжественное открытие произошло 27 декабря 1725 г. Создание Петербургской Академии Наук способствовало распространению и углублению исторических знаний, так как Академия стала основным учебным центром страны с постоянным штатом учёных, библиотекой, музеями и т.п. Издание крупнейших исторических трудов XVIII в. в России так или иначе связано с её деятельностью.

Впрочем, внимание Петра I к истории, его убеждённость в пользе исторических работ были заметны и до основания Академии. В 1708 г. Пётр поручил начальнику московского Печатного двора **Фёдору Поликарповичу Поликарпову** (? – 1731) написать руководство по истории России: «Понеже его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание, да имаши получить немалую милость; от гнева же сохрани тебя Боже!». Однако Поликарпов не справился с поставленной перед ним задачей, и его работа, представленная царю в 1715 г., Петра не удовлетворила, не понравилось государю и то, что Поликарпов создал ещё через семь лет – в 1722 г. Автор упорно следовал традиции, начиная писать историю России с библейских времен. В конце концов царь наградил Фёдора 200 рублями, но его «История» так никогда и не была напечатана.

Больше в этом отношении повезло «Ядру Российской истории», написанному **Алексеем Ильичом Манкиевым** (? – 1723), пока он пребывал в шведском плену во время Северной войны (Манкиев был переводчиком-секретарём при русском поселе в Швеции). «Ядро» состояло из семи книг – первые четыре были посвящены периоду до XVII в. Автор начинал русскую историю от Рюрика, считая самодержавие изначальной, древнейшей формой правления на Руси. Обращаясь к происхождению термина «славяне», он полемизировал с теми иностранцами, кто выводил такое название народа от «sklavus» (невольник, раб), сам Манкиев говорил, что славянами народ был назван за его славные дела и подвиги. Истории XVII в. отводилось три сле-

дующие книги, и лишь 8 глава последней седьмой книги рассказывала про «самодержавство царя Петра Алексеевича».

А. И. Манкиев старался излагать события кратко, чётко и вместе с тем давать самостоятельную трактовку фактам. Его оценки исторических событий даны в духе времени и вполне прагматичны. К примеру, раздробленность в русских землях наступила, потому что князья были «к властолюбию чрезмерно склонны», но когда требовалось, могли свои амбиции отложить, как это было, когда они пошли на помощь своим частым врагам – половцам, отражая общую опасность в битве на Калке – «как простая пословица гласит: до тебя дело доходит, коли у соседа стена горит».

Для написания «Ядра Российской империи» автор использовал как русские летописи и протографы, так и греческие и латинские книги. Завершённая в 1715 г. книга А. И. Манкиева доводила изложение фактов до 1712 г., однако издана была лишь в 1770 г. По мнению А. Л. Шапиро, «Ядро Российской истории» «к моменту издания уже безнадежно устарело, да и в момент написания не отличалось новизной трактовок», в тоже время А. М. Сахаров считал, что «в области расширения круга исторических источников, попыток критики их с рационалистических позиций... наконец, в создании общей концепции русской истории, как истории самодержавия... Манкиев являлся прямым и непосредственным предтечей дворянской историографии XVIII в.».

Новые по тематике и построению исторические произведения были посвящены современной истории – прежде всего Северной войне и, в меньшей степени, реформам Петра. Создателями этих трудов были видные военные и политические соратники императора, их работы носили ярко выраженный публицистический характер. Примером может служить «Гистория Свейской войны» или «Журнал, или поденная записка блаженной и вечнодостойной памяти Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Ништадского мира». В написании этого труда принимали участие П. П. Шафиров, Ф. Прокопович и другие авторы, а главным редактором всего произведения был сам царь. Исходя из новых представлений о справедливости или несправедливости войн, Шафиров доказывал в «Журнале», что Пётр I «не токмо должен, но и необходимо принужден был начать сию войну против короны шведской». «Гистория Свейской войны» со скрупулезной точностью излагала ход боёв, она до сих пор является ценнейшим источником по этой теме. Здесь же была отражена дипломатическая борьба периода Северной войны, состояние армии и т.п.

Известный петровский дипломат – *Пётр Павлович Шафиров* (1669 – 1739) был автором ещё одной работы, посвящённой причинам и обоснованию справедливости ведения войны со Швецией. Она была составлена с широким привлечением дипломатических документов и называлась «Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против Короля Карла XII Шведского в 1700 г. имел».

Интересную попытку изложить историю современных ему событий сделал князь *Борис Иванович Куракин* (1676 – 1727), написавший «Гисторию о царе Петре Алексеевиче», в которой рассказал о сложном периоде царствования Петра I с 1682 по 1695 гг. Замысел автора был шире, чем то, что увидело свет в конечном итоге. Куракин хотел написать «Гисторию Славянороссийской империи», где планировал осветить вопросы происхождения славянского народа и русской княжеской династии, остановиться на крещении Руси и переносе столицы из Киева во Владимир, а оттуда в Москву, описать правление Ивана III и Ивана Грозного, рассказать о Смуте и происшестви-ях XVII в.

Говоря о развитии исторических знаний в петровское время, необходимо отметить, что в конце царствования Петра Великого были впервые приняты меры по собиранию и обнаружению древнейших источников по русской истории. В декабре 1720 г. вышел указ «во всех монастырях и епархиях и соборах прежняя жалованная грамоты и другие куриозныя письма оригинальныя, такожде и исторические рукописные книги пересмотреть и переписать губернаторам, вице-губернаторам и воеводам и те переписанныя книги прислать в Сенат». Через два года (1722) велено было прислать в Синод для снятия копий с «древних лет рукописныя на хартиях и на бумаге церковныя и гражданския летописцы, степенные и хронографы и прочие». Подобные предписания издавались неоднократно.

Есть мнение, что древние рукописи собирались Петром для какого-то большого исторического произведения, составление которого было поручено Григорию Скорнякову-Писареву. По всей видимости, его предполагалось написать в виде «летописца», но попытка составить новую летопись окончилась неудачей – старые формы исторических произведений уже не отвечали реалиям Нового времени.

Период накопления знаний закончился, история превращалась в науку – под исторические факты подводилась определённая философская основа и вырабатывалось критическое отношение к источникам.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните, что средневековые мыслители понимали под теорией общественного договора.
2. Охарактеризуйте петровскую политику в области сохранения исторических памятников и написания истории.
3. Охарактеризуйте «Ядро российской истории» Алексея Ильича Манкиева. Найдите в литературе дополнительные характеристики этого произведения.
4. Охарактеризуйте произведения Петра Павловича Шафирова и Бориса Ивановича Куракина. Найдите для них дополнительные характеристики в литературе.

ИСТОЧНИКИ

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., Вып. 1,2., 2004.

Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // *Русская старина*, 1890. Т. 68. №. 10.

Прокопович Ф. Сочинения. М.;Л., 1961.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

Беляев А. С. Историческая периодика и издание документов по отечественной истории XVIII – XIX вв. Киев, 1988.

Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014.

Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. В 3 ч. М.;Л., 1961 - 1971.

Самарина Н. Г. Условия развития русской исторической науки в XVIII – начале XX вв. М., 1994.

Лекция 6.

Историческая концепция Василия Никитича Татищева

В петровское время и по распоряжению Петра I были начаты исследования выдающегося русского историка, географа и этнографа XVIII в. **Василия Никитича Татищева** (1686 – 1750).

В. Н. Татищев родился 19 апреля 1686 г. и по своему происхождению принадлежал к аристократическому роду смоленских князей. В молодости он принимал участие в боевых действиях при взятии Нарвы и в сражении под Полтавой. Позже, большую половину своей жизни, он служил по военному ведомству и только в конце царствования Петра I был назначен управляющим горными заводами на Урале. В послепетровское время В. Н. Татищев был членом Монетной конторы в Москве, в 1730 г. участвовал в составлении шляхетских проектов политического преобразования России, выступая за расширение сословных прав и привилегий дворянства и учреждение выборного от господствующего сословия Сената. Воцарение Анны Иоанновны стало благоприятным фактором для дальнейшей карьеры В. Н. Татищева, получившего чин действительного статского советника. В 1734 г. он был назначен главным начальником горных заводов Перми и Сибири, а в 1739 г. отстранён от должности по обвинению в злоупотреблениях властью. Свержение Бирона и новый дворцовый переворот, возведший на престол Елизавету Петровну, помогли Татищеву избавиться от преследований. В 1741 г. его отправили в Калмыцкую комиссию урегулировать дела между российской администрацией и местным населением, а несколько позже назначили астраханским губернатором. После отставки от этой должности в 1745 г. над ним вновь нависла угроза суда. Историк поселился в подмосковном имении Болдино, где и доживал свои дни. Лишь за день до смерти к нему приехал курьер с сообщением о снятии всех обвинений и награждении орденом Александра Невского. От ордена Татищев отказался, сказав, что дни его сочтены, и 15 июля 1750 г. скончался. Для истории здесь важно то, что вскоре после его смерти в Болдино произошёл пожар, уничтоживший практически всё рукописное и книжное богатство учёного, уцелело только то, что находилось в чужих руках.

В. Н. Татищев – яркий пример личности петровской эпохи. Это исследователь-практик, активный участник преобразований петровского времени, лишённый сибаритства и лени. Это историк-патриот,

для которого борьба с иноземными утверждениями, что Россия «историей древних не имела», была главной задачей, но, тем не менее, он не опускался до пренебрежительно-враждебного отношения к прошлому других государств и историкам других национальностей, стремясь заимствовать у них всё полезное.

Свою административно-научную деятельность В. Н. Татищев начал в 1719 г., когда Пётр I поручил ему, по рекомендации Якова Брюса, «сочинение обстоятельной российской географии с ландкартами», при работе над которыми у любознательного молодого человека и появилась необходимость серьёзно заняться отечественной стариной.

Так он приступил к написанию «Истории Российской с самых древнейших времен» – работы, которая отняла у него около 30 лет, но не была завершена, более того, детище Татищева увидело свет лишь через 18 лет после смерти своего создателя. Полное название первого издания звучало как «История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Первые три тома «Истории» были напечатаны Г. Ф. Миллером в 1768 – 1774 гг., четвёртый том появился в 1784 г., а пятый только в 1849 г.

В первой редакции «История» В. Н. Татищева была написана «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся», т.е. представляла собой погодное изложение событий, как в летописях, на языке близком к древнерусскому, хотя автор изначально хотел писать её на языке своей эпохи и не по годам, а сплошным текстом. Работу над первой редакцией учёный завершил к 1746 г. и сдал рукопись в Академию Наук. Она уже не удовлетворяла самого сочинителя – Татищев хотел написать «Историю» заново, на современном ему языке, но претворить этот замысел в жизнь не успел.

Всё произведение состояло из четырёх частей. Первая содержала обширное Введение («Предъизвещение о истории»), в котором автор объяснял принципы написания исторической работы, много внимания уделял обоснованию пользы истории: «...Ни каков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже какое-либо правительство, меньше человек единственный без знание оной совершен, мудр и полезен быть не может».

Введение с объяснением принципов исследовательской работы существенно отличало труд В. Н. Татищева от всего того, что было издано до этого русскими летописателями. Автор давал собственную классификацию истории вообще, подразделяя её на: 1) историю сакральную, святую (или божественную); 2) экклезиастическую – церков-

ную историю; 3) политику, или светскую историю; и 4) историю наук и учёных. При этом по изложению материала история бывает генеральной (общей), универсальной (пространной), партикулярной (частной) и специальной (особой), различается по времени – история древняя, средняя и новая и «порядку» описания – история областей, правителей (архонтов) или «по годам, мешая в одно время или год деяния всех областей и государей», как в летописях или хронографах.

В первой же части сочинения В. Н. Татищева, после Введения, освещалась древнейшая история страны (скифы, сарматы и славяне) до 860 г. Вторая часть охватывала время от Рюрика до татарского нашествия (первую и вторую части автор успел переработать в новом ключе, остальные так и остались в «древнерусском» варианте). Третья включала исторические сведения от нашествия монголо-татар до свержения ига Иваном III (Иоанном Великим, по Татищеву). Четвёртая повествовала о периоде от Ивана III и была доведена до 1577 г., хотя сохранились материалы, подготовленные В. Н. Татищевым и повествующие о XVII веке.

Четыре тома «Истории Российской» являлись, прежде всего, сводом того материала, который был набран историком из разных летописей. Не случайно С. М. Соловьев называл это издание «знаменитым Татищевским сводом летописей». Но от летописей произведение самобытного историка всё же отличалось, и отличалось принципиально. Во-первых, В. Н. Татищев ставил перед собой задачу собрать и систематизировать материал из разных источников, подвергнув их критическому разбору, а во-вторых, он стремился установить причинную связь событий, сопоставить русскую историю с зарубежной, дать оценку фактам и объяснить историческому процессу.

Кроме «Истории Российской» В. Н. Татищеву принадлежит «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», составленное в 1730 г. в смутные дни начала царствования Анны Иоанновны. Толкование исторических и историко-географических терминов содержал неоконченный «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской», который можно считать первой русской энциклопедией. Ряд соображений в пользу своей концепции русской истории учёный выдвинул в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ», появившемся под влиянием переведённых трудов немецкого историка барона Самуэля фон Пуфендорфа, но опубликованном лишь в 1787 г.

В своих работах В. Н. Татищев выступал сторонником теории общественного договора, поскольку «человек един бесполезен». Обо-

сновывая необходимость договорных отношений в людском обществе, начиная с простейшего договора мужа с женой, который лежит в основе сообщества родового, перерастающего затем в монархическое правление, где «монарх яко отец, а подданные яко чада почитаются...». Схема развития общественных структур при этом виделась учёному следующим образом:

- первой ступенью является семья (муж – глава);
- далее складывается родовое сообщество (глава – родовладыка, патриарх, старейшина);
- следующей стадией являются сообщества домовые (с появлением господ и холопов);
- потом формируются объединения домовых сообществ в городах и селениях (причины их возникновения заключались в необходимости давать отпор грабежам и убийствам и в развитии ремесла и торговли). Управлялись союзы домовых объединений по примеру греческих политий – собранием хозяев домов или решениями, принимавшимися на общих сходах. На этой стадии появляется государство как результат соглашения между народом и властью;
- затем возникло аристократическое управление;
- ссоры между аристократами привели к избранию монарха. История России, по В. Н. Татищеву, должна была показать, «сколько монархическое правление государству нашему прочих полезнее». На это была нацелена и авторская периодизация российского прошлого.

Первый период – с 860 г. до 1132 г., – господство *самовластия*. Когда умер славянский князь Гостомysl и «люди начали меж собой владеть», это привело к усобицам, так что воюя между собой, славяне причиняли своей земле больший вред, чем неприятели, пока принявший престол Рюрик «наипаче самовластие утвердил, которое до кончины Мстислава Первого ненарушимо содержалось».

Второй период – с 1132 г. по 1462 г., – *удельно-аристократический*, когда «князи разделились и сделалась аристократия или паче расчлененное тело». Вновь утратив монархию, Русь попала под власть татар.

Третий период – с 1462 г. по 1613 г., – *самодержавный*, когда «Иоанн Великий, опровергнув власть татарскую, паки совершенную монархию восстановил», а потеря царской власти в начале XVII века вновь привела к Смуте и утрате государством значительных территорий. Восстанавливать порядок принялась вновь избранная династия Романовых.

Таким образом монархическое правление В. Н. Татищев считал для России спасительным, искони характерным, обеспечивающим

спокойствие и безопасность государства. Вообще, по его мнению, демократия могла быть полезна и действенна разве что в городах-государствах, где без труда можно собрать всё взрослое население; в более крупных, но от нападения «не весьма опасных» странах, вроде Англии, власть может принадлежать и аристократии; в обширных же государствах с открытыми границами, которые необходимо постоянно оборонять, «нужно быть монархии».

В. Н. Татищев старался примирить теорию естественного права и рациональное осмысление истории с теологическими, провиденциалистскими концепциями прошлого: «причины же всякому приключению разные яко от бога или от человека». Уверяя, что естественный закон «во всем, паче же в главнейшем, согласен с письменным законом», т.е. Священным писанием, он, тем не менее, вполне рационалистически отмечал, что большинство человеческих деяний «от ума или от глупости происходит».

Различая причины исторических событий, исходящие от Бога и от человека, Татищев, однако, в своей «Истории Российской» никаких божественных причин так и не привёл. Более того, он довольно смело критиковал религиозные тексты и церковные легенды. Недаром даже столь прогрессивный церковный деятель как Феофан Прокопович, был поражён и возмущён его рассуждениями о том, что библейскую «Песнь песней» Соломон «разжизаяся похотию к невесте своей, царевне египетской сия писал, как то у прочих, любовию жжимых, обычай есть». Отрицал Татищев и известную легенду о крещении руссов от апостола Андрея, не без ехидства замечая, что по летописи Киев основан лишь в VIII в. язычниками-славянами и Андрей в своё время мог крестить разве что камни да деревья на здешних холмах. Досталось церковникам от историка и за упадок просвещения после татарского нашествия, когда светская власть ослабла и увеличилось значение духовенства, он припомнил священникам и судьбу Яна Гуса, Коперника и Галилея.

Критика церкви ни в коей мере не умаляла значения религии и в частности христианства, которому В. Н. Татищев отводил важное место в просвещении человеческого общества, выделяя три великих «способа всемирного умопросвящения» и связывая их с различными «возрастными» стадиями истории человечества: 1) «Обретение букв, через которое возымели способ вечно написанное в память сохранить и далеко отличным наше мнение изъявить» – время человеческого «младенчества»; 2) «Христа Спасителя на землю пришествие, которым совершенно открылось познание Творца и должность твари

к Богу, себе и ближнему» – «юность» человечества, когда «все науки стали возрастать и умножаться, а идолопоклонничество и суеверие исчезать»; 3) «Через обретение тиснения книг и вольное всем употребление, через которое весьма великое просвещение мир получил» – период «возмужания» человеческого общества.

Выдающейся заслугой В. Н. Татищева как историка являлось привлечение им к написанию своих произведений громадного количества разнообразных новых источников. В 1738 г. он представил в Академию Наук тексты Русской Правды и Судебника 1550 г. с собственными обширными комментариями. Впервые в научный оборот были введены два ценнейших памятника русской истории. Татищев не просто подготовил исторические документы к публикации, он предложил и схему их подразделения. По его мнению, следовало выделить две категории источников: 1) историописатели (к ним, располагая по степени достоверности, он относил: – очевидцев, участников событий; – современников, получивших сведения от очевидцев; – писателей, опиравшиеся на письменные материалы; – историков, пользовавшихся достоверными материалами; – историков пристрастных и чужеземцев; – баснословных писателей).; и 2) дипломатические документы.

От общей характеристики источников учёный переходил к их описанию (место и время создания, место хранения, язык и стиль памятника). Эта работа привела к тому, что В. Н. Татищев первым начал поиск предшественников Нестора (правда, ошибочно считая древнейшей русской летописью Иоакимовский свод, относящийся к сочинениям XVII в.).

Помимо сбора и публикации источников, создания обширного труда по российской истории, В. Н. Татищев занимался и конкретно-историческими проблемами. А. Л. Шапиро называл его первым историком русского крестьянства, первым исследователем сложнейшей проблемы крепостного права. Так, Татищев дал характеристику действовавшего в XVI в. права перехода в Юрьев день, закона 1597 г. о 5-летнем сроке сыска беглых крестьян и некоторых других указов о закреплении, но раскрыть на их основании вопрос о времени закреплении крестьянства он не решился. Оценивая же само крепостничество, историк отмечал пользу крестьянской вольности, оговаривая, правда, что она «с нашею формою правления монаршего не согласует, и вкоренившейся обычай неволи переменить небезопасно».

Несмотря на то, что «История Российская» В. Н. Татищева далеко не сразу стала достоянием широкого круга читателей, и даже после опубликования её мало кто осилил из-за громоздкости и слож-

ности изложения, она, тем не менее, оказала значительное воздействие на формирование отечественной историографии. По оценке К. Н. Бестужева-Рюмина, Татищев «поставил науку русской истории на правильную дорогу собирания фактов; он обзрел, насколько мог, сокровища летописные и указал дорогу к другим источникам, он тесно связал историю с другими, сродными ей знаниями».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте схему развития человеческого общества, предложенную В. Н. Татищевым. Приведите аргументы автора при выделении стадий его развития (см. В. Н. Татищев. История Российская. Кн.1, Ч.II. 1769, глава 40 «О древнем правительстве русском и других в пример»).
2. Найдите, какие версии о происхождении названия Русь приводит В. Н. Татищев в «Истории Российской».
3. Найдите, что В. Н. Татищев говорит в «Истории Российской» о варягах и происхождении Рюрика.

ИСТОЧНИКИ

Татищев В. Н. История Российская: Кн. 1 – 5. СПб., 1769 – 1784.
Татищев В. Н. История Российская: В 8 т. М.;Л. 1962 – 1979.
Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л., 1978.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.
Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская: В 8 т. М.;Л., 1962. Т. 1.
Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики: Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьёв, Ешевский, Гильфердинг. СПб., 1882.
Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1987.
Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. В 3 ч. М.;Л., 1961 - 1971.
Самарина Н. Г. Условия развития русской исторической науки в XVIII – начале XX вв. М., 1994.
Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор “Истории Российской”. СПб., 2009.
Сухов А. Д. Русские философствующие историки. М., 2016.
Шакинко И. М. Василий Татищев. Свердловск, 1986.

Лекция 7.

Роль Академии Наук в развитии российской историографии второй четверти – середины XVIII в.

Научно-историческая деятельность Академии Наук

Основанную по желанию Петра Великого и открытую в декабре 1725 г. Академию Наук задумывали как научное учреждение, при котором должны были функционировать гимназия и университет, где студенты проходили бы предварительное обучение, а затем академики-профессора читали бы им лекции. Первых академиков, естественно, предполагалось вызвать из-за границы. Не случайно поэтому и то, что первым Президентом Академии Наук был назначен обрусевший немец, сподвижник Петра – лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич Блументрост. В царствование Петра II Блументрост вместе с двором перебрался в Москву, передав заботу об Академии в руки своего секретаря Ивана Даниловича Шумахера, который и управлял научным заведением до 1757 г.

Профессорский состав АН отличался пестротой не только в плане национальной принадлежности входивших в неё ученых, но и в отношении их реальных профессиональных заслуг. Хотя уже в первые годы существования этого научного учреждения её членами были такие светила, как астроном Николай Делиль (француз), математики Даниил Бернулли и Леонард Эйлер (оба швейцарцы).

Академия вела разностороннюю научную деятельность. Что касается истории, здесь с 1732 г. (правда, на немецком языке) издавался первый российский исторический журнал, а среди работавших в ней учёных-историков можно назвать Г. З. Байера, И. Э. Фишера, Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлёцера.

Упомянув Иоганна Эбергарда Фишера и Фридриха Генриха Штрубе де Пирмонта, можно отметить, что особого следа в истории исторической науки они не оставили. Первый издал на немецком языке сокращённый вариант «Истории Сибири», написанной Г. Ф. Миллером, второй в основу своих работ по истории русского права положил неопубликованные труды В. Н. Татищева. О Г. З. Байере и Г. Ф. Миллере, а позже и об А. Л. Шлёцере стоит поговорить подробнее.

Готлиб Зигфрид Байер

Этот немецкий учёный был приглашён в Академию Наук ещё в 1726 г. **Готлиб Зигфрид Байер** (1694 – 1738) был весьма способным лингвистом – ещё со школы прекрасно владел латынью, затем изучал древние и восточные языки, читал в подлинниках произведения античных, византийских и северных средневековых писателей, свободно изъяснялся на китайском языке. При этом Байер остался равнодушным к русскому языку, хотя 10 лет провёл в России, занимаясь её историей (пользуясь латинскими переводами летописей). В Академии он занимал кафедру по восточным древностям и языкам, ещё ему был поручен надзор за академической гимназией.

В «Комментариях» Академии Наук Г. З. Байер напечатал статьи «О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы», «О варягах», «Происхождение руссов» и др. Он по сути стал основателем норманнской теории в отечественной историографии. Как отмечал В. О. Ключевский, «Байер ставит тезис, что варяги были из Скандинавии и Дании; это были воины благородного происхождения, союзники руссов, нанимавшиеся на военную службу к ним. Они же были царскими телохранителями, оберегателями границ, и по ним все шведы, норвежцы и датчане стали слыть за варягов. Трактат о варягах, открывший длинный ряд исследований по этому вопросу, послужил краеугольным камнем целой норманнской теории».

Г. З. Байер считал, что «дикие» славяне не могли без внешнего вмешательства более просвещённого и развитого народа образовать и развить собственное государство. Логическое заключение историка, что Рюрик был варяг и, следовательно, пришёл из Скандинавии, разрушало привычную, построенную на «Сказании о князьях Владимирских» концепцию о происхождении Рюрика как потомка Августа из Пруссии.

За свои выводы историк подвергся жёсткой критике со стороны антинорманистов (М. О. Коялович считал его «совершенным невеждой в области русской исторической письменности», а советский учёный М. Н. Тихомиров называл «бездарным и малоразвитым»). Для современников, однако, Байер как учёный представлял несомненный интерес. Так, В. Н. Татищев, указывая на ошибки и неточности, допущенные в его статьях из-за незнания русского языка, тем не менее признавал, что труды этого историка открыли ему много нового.

При создании своих работ Г. З. Байер широко пользовался принятыми тогда в науке приёмами символической этимологии, превращая

княгиню Ольгу в Аллогию, Владимира в Валдамара и т.д. Но в сравнительной символической этимологии в это время появляются новые черты: – большая осторожность при выведении тех или иных народов от библейских персонажей (к примеру, Татищев писал, что нельзя выводить Москву от библейского Мосоха, так как это «с древними писатели не согласует»); – расширяется источниковая база для символической этимологии (труды Байера насыщены ссылками на античных историков и географов, историческую и географическую литературу средневековья); – повышается критичность по отношению к разным басням и легендам (так Байер считал вымыслом легенду об основании Ливонии неким римлянином Либоном, приплывшим на Балтику с флотом из Италии. Учёный справедливо отмечал, что искоренить басню гораздо труднее, чем её выдумать, хотя сам был не чужд придать исторической фантазии).

Герард Фридрих Миллер

Герард Фридрих Миллер (или в русифицированном варианте Фёдор Иванович Миллер) (1705 – 1783) приехал в Россию в 1725 г. недочувшимся 20-летним студентом. Он рассчитывал сделать быструю служебную карьеру в столь благосклонной к иностранцам стране. В Петербурге Г. Ф. Миллер вскорости занял должность библиотекаря при АН и подумывал уже жениться на дочери самого секретаря Академии Ивана Даниловича Шумахера, но «семейная» карьера не удалась, и Миллер подался в науку.

Сферу научных интересов Г. Ф. Миллера сформировал Г. З. Байер, привлёкший его к занятиям российской историей. На первых порах, впрочем, Миллер был больше увлечён практической стороной дела – благодаря ему начали издаваться научно-литературные «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания» к газете «Санкт-Петербургские ведомости», с 1732 г. стало выходить «Собрание российских историй» («Sammlung russischer Geschichte») – первый исторический журнал в России (на немецком языке). Позже, в 1755 – 1765 гг., его же стараниями публиковались научно-популярные «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие».

В 1733 г. 28-летний Г. Ф. Миллер стал участником Великой Сибирской экспедиции. Путешествие по Сибири заняло у него 10 лет, а результатом стало монументальное «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Миллеровская «История

Сибири» в неполном объёме была напечатана в Петербурге в 1750 г. В основу своего сочинения учёный положил многочисленные архивные документы, собранные им во время экспедиции – одних копий актового материала набралось 38 томов. Был среди использованных историком источников и «Сибирский летописец» Семёна Ульяновича Ремезова, источником информации служили для него и собранные в Сибири устные предания и письменные памятники местных народов («из тангутских и мунгальских книг»). Кроме того, как отмечал Н. Л. Рубинштейн, Миллер «впервые в России приступил к разработке археологических памятников и оставил первые описания древних курганных погребений в Сибири и других остатков старины».

Кстати, вместе с Г. Ф. Миллером по Сибири путешествовал студент Академии Наук *Степан Петрович Крашенинников* (1711 – 1795), который в ходе Камчатской экспедиции собрал отличавшиеся необыкновенной точностью и ясностью известия географического, естественно-научного, этнографического и исторического плана. В 1750 г., уже став профессором ботаники и директором Санкт-Петербургского Ботанического сада, Крашенинников начал писать свой труд «Описание земли Камчатки», закончив работу перед самой смертью в 1755 г. О научной значимости этого произведения говорят его многочисленные, вплоть до настоящего времени, переиздания и переводы.

В 1743 г. Г. Ф. Миллер вернулся из Сибири в Петербург. Здесь во второй половине 1740-х гг. у него вспыхнул конфликт с П. Н. Крекшиным, который представил в Сенат «Родословие великих князей, царей и императоров». Доказывая, что Романовы происходят непосредственно от Рюриковичей, Крекшин возводил их родовые корни то к Роману Васильевичу Ярославскому, то к Роману Ростиславичу Смоленскому, которого ещё и путал с Романом Мстиславичем Галицким. Миллер, естественно, раскритиковал всю эту галиматью, а Крекшин подал на него донос с обвинением в «собрании хулы на русских князей» и в том, что Миллер, якобы, дерзнул высочайшую фамилию писать «просто дворянскою», а это тянуло уже на неуважение к царствующей императрице. Сенат и Академия Наук долго разбирались с этой тяжбой. Учёному помогло то, что М. В. Ломоносов признал необоснованными доказательства Крекшина о происхождении Романовых от Рюриковичей. Дело против Миллера было прекращено. Конфликт забылся, и в 1748 г., когда Миллер принял русское подданство, он даже получил звание историографа с обязательством сочинить «генеральную российскую историю».

Однако вскоре между М. В. Ломоносовым и Г. Ф. Миллером возникли серьёзные разногласия, связанные с диссертацией последнего «Происхождение имени и народа Российского», которую автор хотел прочесть на публичном собрании в Академии Наук 25 ноября 1749 г. – в день празднования вступления Елизаветы Петровны на престол. В речи Миллера говорилось о дикости, в которой пребывали восточные славяне до прихода к ним варягов, причём учёный говорил о завоевании варягами русских земель. Он полагал, что Рюрик пришёл в Новгород из Скандинавии и был норманном, а название «Русь» происходит от термина «россолайна», которым финны именовали шведов (позже Миллер сменит родину Рюрика на Пруссию).

Эти положения не понравились М. В. Ломоносову, который заявил, что диссертация Миллера враждебна русскому народу и должна быть запрещена. С заключением Ломоносова полностью согласилась и Канцелярия Академии Наук, постановив диссертацию Миллера уничтожить и выступление его не заслушивать. Миллер обвинялся в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнём и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили». Несмотря на столь резкую отповедь, Миллер, тем не менее, опубликовал значительную часть диссертации в «Собрании российских историй». С полемики Миллера и Ломоносова о древнейшей русской истории начался знаменитый спор норманистов и антинорманистов в отечественной историографии.

Сам Г. Ф. Миллер потерял должность историографа, его отстранили от Академии, правда, потом везде восстановили (ему благоволила Екатерина II). В 1765 г. он перешёл на работу в Москву главным надзирателем Московского воспитательного дома, а в 1766 г. ему было дозволено находиться при архиве Московской конторы Коллегии иностранных дел, в середине 1770-х гг. Миллер даже стал его директором, положив начало научному архивоведению. Он продолжил составление «Истории Сибири», написал «Опыт новейшей истории России», обращая внимание на Смутное время, и «Известие о дворянах российских», собрал массу документов и написал специальный труд по истории Пугачевского восстания. Московский период в жизни Миллера был ознаменован изданием целой серии ценных памят-

ников и трудов русских учёных. При его участии вышли «Судебник царя Ивана Грозного», «Степенная книга», «Письма Петра Великого графу Б. П. Шереметеву», «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева, «История Российская» В. Н. Татищева, «Географический словарь» Ф. А. Полунина, «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

В 1772 г. Г. Ф. Миллера разбил паралич, но он упорно работал до самой смерти в 1783 г. Его имя навсегда связано с началом норманнской дискуссии в отечественной исторической науке, но для историографии Миллер памятен не только этим. Можно сказать, что он первым приступил к полномасштабному сбору и публикации источников по русской истории, многое сделал, чтобы сохранить их для потомков, а Н. Л. Рубинштейн указывал, что именно Г. Ф. Миллер «положил начало научной критике источника, в полном объёме развернутой уже Шлёцером, через которого лежал дальнейший путь к исторической науке XIX в.».

Михаил Васильевич Ломоносов

Этот русский учёный-энциклопедист не был историком-профессионалом, но **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711 – 1765) отличался необычайной многосторонностью дарований. Смысл занятий историей он для себя определял достаточно чётко: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу, и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, чья натура долгою времени разделила».

В 1730 г. Ломоносов из Холмогор пришёл в Москву и поступил в Духовную академию (Славяно-греко-латинскую), в 1735 г. он был вызван в Петербург для поступления в гимназию при Академии Наук, оттуда отправился в Германию в Марбургский университет. В 1741 г. вернулся в Россию, был назначен адъюнктом Академии Наук, а в 1745 г. стал полноправным членом Академии и профессором химии.

Историческими исследованиями М. В. Ломоносов занялся во второй половине 1740-х гг. Во многом это было связано с неприятием диссертации Г. Ф. Миллера. К его основным историческим трудам можно отнести: «Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера “Происхождение имени и народа Российского”», сочинение «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г.» и «Краткий российский летописец с родословием».

Критикуя взгляды Г. Ф. Миллера на древнейшую русскую историю, М. В. Ломоносов противопоставлял им собственное видение событий, заняв жесткую антинорманнскую (а по сути антинемецкую) позицию.

Спор антинорманистов с норманистами длится в отечественной исторической науке уже не одно столетие. В современной историографии он включает несколько сложных и важных проблем (по А. Л. Шапиро): 1) о роли внутренних и внешних причин в процессе формирования и развития древнерусского государства; 2) о степени норманнского влияния на развитие социальных отношений и культуры; 3) о происхождении имени Русь, русского народа.

В середине XVIII в. вопрос о происхождении государства фактически сводился к этническому происхождению династии. Ни Ломоносов, ни Миллер не сомневались в существовании самого Рюрика, спорным был вопрос о том, кем он был по происхождению, откуда пришёл на Русь и как появилось само название Руси?

Г. Ф. Миллер доверял сообщению «Повести временных лет», что «от тех варяг прозвася Русская земля», и пояснял, как это произошло. По его мнению, славяне усвоили название “русь” от финнов, поскольку «финны шведов, неведомо по какой причине, и поныне называют *россами*, по их языку *россалайне*», следовательно «новгородские славяне, услышав имя россов от финнов, оным всех из северных стран пришельцов нарицали, почему и варяги от славян россианами названы. А потом и сами славяне, будучи под владением варягов, имя россиан приняли». Впрочем, уже Байер заметил, что имя “русь” в Скандинавии было неизвестно, а потому «не от скандинавов было дано имя руссам», да и сам Миллер признавался, что не смог обнаружить в Скандинавии «сего имени следов».

Возмущённый измышлениями Г. Ф. Миллера М. В. Ломоносов говорил, что Рюрик пришёл с юго-восточных берегов Варяжского (Балтийского) моря, где между Вислой и Двиной проживало славянское племя русь, призванное в 862 г. в Новгород – «прежде Рюрика жил тут народ руссы или россы, или по-гречески роксоланы называемый». Подтверждением этому служило наличие около Новгорода Старой Руссы. Тезис Ломоносова разрушал уверения иностранных авторов в абсолютной дикости славян до прихода Рюрика и ставил вопрос о «дальней древности словенского народа».

Учёный признавал, что некоторые имена первых русских князей были явно скандинавскими, но тут же заявлял: «из этого отнюдь не следует, чтобы они были скандинавами... Варяги, называемые Русь, словенского колена,.. жившие на восточно-южных берегах Варяжско-

го моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князя их и знатные люди нередко женились у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские».

Аргументация М. В. Ломоносова не всегда была доказательной, источники не всегда достоверны, а их трактовка – объективной, но его убеждённость в том, что древние славяне сами выстроили собственное государство, давала науке импульс искать истоки русской истории на местной почве, создавала эволюционную картину развития российской государственности.

Наряду с М. В. Ломоносовым антинорманистские позиции занимал *Василий Кириллович Тредьяковский* (1703 – 1769). Известный поэт, переводчик и филолог тоже считал славян роксоланами, говорил, что они занимали громадные пространства от Чёрного до Балтийского моря. Рюрик и его братья-варяги несомненно были славянами. Само слово «варяг», по мнению Тредьяковского, происходит от славянского глагола «варяю», т.е. предворяю, что вполне логично, поскольку варяги-славяне были здесь первопоселенцами. Учёному-филологу было совершенно очевидно, что будь варяги скандинавами, они оставили бы заметный след в языке новгородцев, поскольку иначе иноземные правители попросту не смогли бы понимать своих славянских подданных.

Спор М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера интересен не только тем, что лёг в начало историографической дискуссии вокруг норманнской теории, высказывания обоих учёных касались и принципиальных убеждений в том, как должно писать историю. По мнению Г. Ф. Миллера, историк должен: «быть верным истине, беспристрастным и скромным. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что он должен казаться без Отечества, без веры, без государя». М. В. Ломоносов, напротив, считал, что историк должен быть прежде всего гражданином своей Родины и свой труд и жизнь посвятить Отечеству. История – наука политическая, а потому накладывает большую ответственность на тех, кто ею занимается. Учёный даже выработал чёткие требования к историку, который может быть допущен в государственные архивы для написания истории страны: «1. Чтобы он был человек надёжный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел практического состояния; 2. Природный россиянин; 3. Чтобы не был склонен в своих исторических сочинениях к шпионству и посмеянию».

Около 1751 г. М. В. Ломоносов начал работу над «Древней российской историей», трудился долго и систематически, много внимания уделяя работе с источниками, причём не только российского происхождения. В 1754 г. он писал Эйлеру: «Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но целиком почти уйти в историю».

Вообще, замысел М. В. Ломоносова был много шире того, что в конце концов увидело свет. Изложение в рукописи он довёл до 1452 г., однако напечатан был только первый том его «Истории» (до 1054 г.) – исправленный вариант этого тома был отдан в печать в 1763 г., вышел он только в 1766 г., уже после смерти автора. Остальная рукопись и авторские примечания к тексту исчезли.

Тем не менее, большая заслуга М. В. Ломоносова состояла в том, что он отошёл от привычного изложения русской истории от Рюрика (как у большинства иностранцев), посвятив значительную часть напечатанной книги доваряжскому периоду, доказав древность славянских племён. Учёный считал, что «в России той великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние писатели». Для сравнения: А. Л. Шлёцер, описывая Древнюю Русь, замечал: «конечно, люди тут были, Бог знает с каких пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам».

Поставив вопрос о происхождении русского народа, М. В. Ломоносов указывал, что процесс этот очень сложен и в нём участвовали не только восточнославянские племена, но и скифы, сарматы и другие народы. Славяне оказывались автохтонами Восточной Европы, по своему уровню развития они были схожи с теми народами, которые проживали в Европе Западной. Мысли великого русского учёного об отсутствии «чистых» в расовом и этническом отношении народов, об изменчивости быта и нравов славян как во времени, так и в пространстве, были действительно прорывом в науке, особенно учитывая непрофессионализм автора в исторической сфере.

Большое значение для русской истории и культуры имело то, что М. В. Ломоносов обратил внимание на огромную ценность древнерусской живописи. В 1760 г. им даже был представлен проект о снятии копий с памятников древнерусского искусства.

Видя, как медленно идёт издание его работы, М. В. Ломоносов вместе с А. И. Богдановым написал и в 1760 г. издал «Краткий Российский летописец с родословием», в котором был дан хронологический список князей и царей до Петра I с их жизнеописаниями, а также родословные таблицы. «Краткий летописец» служил руководством по

изучению прошлого России для великого князя Павла Петровича, но превратился в настоящий учебник по русской истории для молодого поколения второй половины XVIII – начала XIX в.

Важное значение для историографии имели мысли М. В. Ломоносова относительно Петра I. Учёный ещё в 1755 г. написал «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому», наметившее то направление, по которому пойдет апологетика Петра в отечественной исторической науке. Пётр для Ломоносова – великий государь, личным примером способствовавший успеху своих начинаний. Он даровал России «науки и художества», правил твердой рукой и успевал везде и всюду. Даже учитывая, что «Слово похвальное» – панегирик по своей сути, степень восторженности Ломоносова впечатляла: «Ежели человека Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю!» Из русских исторических деятелей академик выделял ещё и Ивана Грозного, считая его предшественником Петра.

При всём стремлении направить свои исторические изыскания на возвеличивание России, М. В. Ломоносов не отказывался от критического отношения к ряду баснословных известий, но от некоторых легенд отходил весьма неохотно. Например, он допускал, что доля истины есть в происхождении Рюрика от Августа, и жёстко критиковал за недоверие к русским легендам иностранцев – объявил Г. З. Байера «полоумным» за то, что тот опровергал достоверность пребывания Андрея Первозванного в Киеве и Новгороде (хотя известно было, что В. Н. Татищев тоже не доверял этой легенде).

Впрочем, даже если признать, что в исторической критике М. В. Ломоносов отставал от своего старшего современника В. Н. Татищева, то в литературности, доступности и красоте изложения он шёл намного впереди прочих своих коллег. Да и имена Татищева и Ломоносова отнюдь не случайно стоят рядом – как писал С. М. Соловьев: им «принадлежит самое почётное место в истории русской науки в эпоху её начальных трудов».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие положения, содержащиеся в трудах Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера легли в основу норманнской теории?
2. Найдите, что М. В. Ломоносов говорил в «Кратком российском летописце» о варягах и происхождении Рюрика.

3. Найдите, что М. В. Ломоносов имел в виду, говоря в «Кратком российском летописце», что до Владимира христианство на Руси «прежде сего троекратно начиналось». Что он говорил о сопротивлении россиян крещению?

ИСТОЧНИКИ

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.;Л., 1952. Т. 6.
Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и русская история // Вопросы истории. 1961. №. 11.

В поисках истины: ученый и его школа: [коллективная монография] / Матросов В. Л. (отв. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Джаксон Т. Н. Герард Фридрих Миллер // Историки России XVIII – XIX вв. Вып. 1. Архивно-информационный бюллетень. №. 9. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995.

Клейн Л. С. Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Научное сообщество Санкт-Петербурга, XVIII – начало XXI века: энциклопедический справочник / М. Ф. Хартанович (отв. ред.) и др. СПб., 2013.

Шанский Д. Н. Запальчивая полемика: Г. Ф. Миллер, Г. З. Байер и М. В. Ломоносов // Историки России XVIII - начало XX века. М., 1996.

Лекция 8.

Развитие русской историографии в эпоху «просвещённого абсолютизма». Дискуссии и новые направления в науке

Просветительские идеи в историографии XVIII в. Состояние методологии истории

XVIII в. ознаменовался активной ломкой старых феодальных порядков и развитием новых буржуазных отношений. Новое общество нуждалось и в новой идеологии. Главным источником просветительских идей была Франция, в которой были изданы «Дух законов» Монтескье и «Философские размышления» Дидро, выходили сочинения Руссо, произведения Гельвеция, Гольбаха, Кене, Бомарше и других авторов, громивших феодализм, легитимизм (легитимисты – сторонники легальной королевской власти) и католицизм.

Мерилом для оценки исторического процесса стал разум, а не божественная воля. Человеческая личность, индивид объявлялся ценным сам по себе, без включённости в феодальные корпорации в виде сословий, цехов, гильдий и т.п. Теория естественного права объявляла людей равными по рождению, что служило обоснованием притязаний на политическое равенство, а теория общественного договора не только раскрывала новый порядок создания государства (людьми, а не Богом), но и наделяла человека правом менять государственное устройство, если оно не отвечает понятиям общественного блага. Ясно вырисовывался и путь достижения всеобщего благоденствия – это просвещение народа. А даровать своим подданным свет разума и обеспечить исторический прогресс становилось обязанностью мудрого и могущественного правителя. Идеал просветителей – просвещённый монарх, окружённый сонмом советников-философов, идея великой личности прочно вошла в философские и исторические труды. Все французские просветители выступали против феодализма, его сословного строя и идеологии. На передний план выходила борьба за равенство людей перед законом, за свободу совести и политическую свободу.

Фридрих Энгельс, характеризуя просветителей XVIII в., писал: «Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам», стало очевидно, что «всё прошлое достойно лишь сожаления и презрения». Никто до просветителей XVIII в. не решался так

беспощадно критиковать традиционные, но устаревшие общественные институты.

Вместе с тем с критическим отношением к прошлому сочеталось стремление понять законы, по которым идёт жизнь общества. Аналогии с законами природы приводили иногда учёных-просветителей к механическим представлениям об устройстве общественной жизни, но одновременно с этим развивалась мысль и о коренном различии природных и социальных закономерностей. Вместо средневековых представлений о цикличности, постоянном круговороте человеческого бытия появилось учение о прогрессе как неуклонном движении к разумному и совершенному порядку вещей.

Критика и опровержение феодальных порядков, идеологии и понимания истории, идеи закономерности и прогресса в общественной жизни – всё это было для своего времени крупным научным достижением. К другому новаторству просветительской историографии XVIII в. надо отнести расширение тематики исторических трудов. В поле зрения их авторов теперь попадали не только правительственная хроника и деяния государей, но также нравы и обычаи разных народов, сословный строй, состояние торговли, финансов, земледелия, ремесла и мореплавания, численность армии и состояние военного дела, а успехи науки, искусства и просвещения вообще становились чуть ли не главными предметами исторического исследования.

Существенной особенностью просветительской идеологии являлся отказ от средневековых теорий избранных народов, от теории четырёх царств, от евроцентризма (что проявлялось в интересе к истории Индии, Китая и других стран).

На новый уровень просветители подняли и источниковедческие приёмы исследования, критику исторических источников. Вольтер призывал историков обращаться к архивам, проверять подлинность исторических сведений. Главным критерием оценки достоверности того или иного факта, события признавался здравый смысл, то есть вероятность факта с точки зрения научных знаний (опыта). Пришло время решительного отрицания легенд, в том числе и библейских.

Впрочем, развенчивая божественную идею истории, просветители зачастую предлагали взамен собственные, всеобъемлющие и обобщающие исторические теории. Например, *Шарль Луи де Монтескье* (1689 – 1755) был автором теории климата, оправдывающей природными условиями все закономерности в развитии человеческих обществ: слишком большая жара или холод приводят к деспотизму и неограниченной государственной власти, умеренный климат обуслав-

ливал политическую свободу и республиканский строй. Правда, в ответ на это уже Вольтер возражал, что при одном и том же географическом климате общественный и политический строй может существенно различаться.

Сам **Франсуа-Мари-Аруэ Вольтер** (1694 – 1778) успешно занимался историческими изысканиями. Его перу принадлежат «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «История Российской империи при Петре Великом», «Философия истории» (как введение к «Опыту о духе и нравах народов»). В «Истории Российской империи» знаменитый энциклопедист оставался при убеждении, что царь один преобразовал страну, превратив свой народ в «настоящих людей» (тем более, что, по мнению французского мыслителя, Россия во времена Петра I была менее цивилизована, чем Мексика в момент открытия её европейцами). Однако в позднем творчестве стремление к созданию образов всемогущих мудрых правителей у Вольтера ослабло, уступив место *детерминизму*. Свобода воли сильной исторической личности сменилась убеждением, что «каждое событие в настоящем рождается из прошлого и является отцом будущего». По образному выражению А. С. Пушкина, Вольтер «первый внёс светильник философии в тёмные архивы истории». К этому можно добавить, что французский просветитель не только умно объяснял ход и смысл человеческой истории, но делал это ярко, в талантливой литературной форме.

Менее радикальным идеологом просвещения, чем Вольтер, был англичанин **Давид Юм** (1711 – 1776). Этот философ вообще выступал против радикализма в политике и истории. Основным законом, управляющим человеческим обществом по Юму, была привычка. Привычки образуют нравы, а нравы – общественную жизнь и общественное устройство. Чтобы изменить устройство общества, надо изменить привычки, а это можно сделать лишь постепенно. Кто не понимает природы привычки – не сможет понять и историю. Базируя свои исторические представления на тезисе о постепенности, отрицая возможность внезапного и одновременного перехода от догосударственного к государственному состоянию, Юм пересмотрел тезис об общественном договоре: власть верховного главы сначала могла проявляться только по отдельным, частным поводам, потом люди стали замечать от этого пользу, – так постепенно сложилась привычка народа к власти и появилось государство. Говоря об историософии Юма, надо отметить, что в поисках причин исторических событий он обращался к психологическим характеристикам и индивидуальным целям правителей. История для него оставалась индивидуалистичной.

Проблема закономерности исторического процесса нашла своё отражение в схеме развития человеческого прогресса, предложенной *Анн Робером Жаком Тюрго* (1727 – 1781). Она выглядела следующим образом: собирательство сменяется скотоводством (формируется «дух собственности»), затем появляется земледелие, полученный дополнительный прибавочный продукт позволил выделиться горожанам, торговцам, учёным – развилось неравенство среди людей. Эта схема была дополнена *Адамом Смитом* (1723 – 1790) идеей о роли разделения труда в развитии человеческого общества.

Популяризация исторических знаний, собирание и публикация источников во второй половине XVIII в.

Российское просветительство испытало большое влияние западноевропейской литературы, произведений Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Мабли, Руссо и др. Мода на философию и историю стала особенно заметна во время правления Екатерины II, когда появилось большое количество переводной литературы, знакомившей читателя с новейшими достижениями мировой мысли, увлекавшей его рассказами об истории и быте зарубежных стран Запада и Востока. Наряду с этим публикуются классические произведения, наследие античных авторов – «История» Геродота в переводе А. А. Нартова, «Известия византийских историков, объясняющих российскую историю» в публикации И. М. Шриттера. Довольно широко печатались и издания энциклопедического характера по самым разным отраслям знаний: «Географический лексикон Российского государства», выпущенный Ф. А. Полуниным и Г. Ф. Миллером, неоконченный «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева и др.

Вторая половина XVIII в. – благодатное время для дилетантов от науки и разного рода любителей старины. Их деятельность состояла в сочинительстве посредственных пьес, одобренных драматическими сюжетами из родного прошлого, в бессистемном собирательстве предметов старины, но действительно полезной была работа по коллекционированию «восточных» и «инородных» редкостей, снятию копий и публикации ценнейших исторических документов, созданию библиотек.

Примером, показывающим настоящего любителя истории Отечества, может служить *Алексей Иванович Мусин-Пушкин* (1744 – 1817). Он был обер-прокурором Святейшего Синода, Президентом Акаде-

мии художеств и в то же время являлся обладателем одной из крупнейших в России библиотек и коллекции письменных и материальных исторических памятников, слыл превосходным знатоком древнерусского языка и российских древностей. Именно А. И. Мусин-Пушкин нашёл и опубликовал «Слово о полку Игореве», издал «Русскую Правду».

Вокруг А. П. Мусина-Пушкина сформировался целый кружок любителей старины (И. Н. Болтин, И. П. Елагин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Н. П. Румянцев, А. Р. Воронцов). «Эти археологические Плюшкины, – как писал о членах кружка В. О. Ключевский, – были не простые любители-собиратели старины от скуки или по дурной привычке, а набожные поклонники Отечественной старины; собирание древнего письменного тряпья и металлического хлама было для них не развлечением от нечего делать, а делом пиетета, нравственно-патриотического влечения, одним из способов служения человечеству, как тогда любили говорить». С 1767 г. стараниями кружковцев стали выходить тома «Библиотеки русской истории», содержавшие в себе ценнейшие исторические источники, например, Радзивилловскую и Никоновскую летописи, Царственную книгу и многое другое. Кроме столицы, любители старины создавали свои группы и в других городах – Архангельске, Казани, Нижнем Новгороде.

Помимо частных кружков, делу распространения исторических знаний служили и вполне официальные научные сообщества. После того как в 1755 г. был основан Московский университет, на его философском факультете появилась кафедра истории (универсальной, российской, древности и геральдики), а в 1771 г. возникло Вольное Российское собрание – литературно-историческое общество, занимавшееся «обогащением русского языка через издание полезных сочинений и переводов», выявлением и публикацией древнерусских и исторических источников.

В XVIII в. происходят существенные изменения в области архивного дела, собственно, с петровского времени хранилища документов, законченных в делопроизводстве, и стали называться архивами. Это были не просто центры хранения деловых бумаг, здесь проводилась огромная работа по систематизации исторических материалов. В XVIII в. появились и исторические архивы, которые хранили документацию, утратившую практическое значение, но имевшую огромную ценность для учёных и исследователей – в 1724 г. возник Московский архив Коллегии иностранных дел, в 1726 г. – Архив Оружейной палаты, в 1780 г. по указу Екатерины II был создан Петербургский

государственный архив старых дел, а в 1782 г. появился такой же московский.

Получить доступ к архивам было непросто, а работа и публикация документов была возможна лишь под присмотром «надёжных лиц». Не случайно, по-видимому, такое распространение в XVIII в. получают частные коллекции различного рода древних рукописей и старопечатных книг – собрания В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, И. И. Голикова и других любителей старины.

Существенный вклад в развитие исторической науки внёс известный просветитель XVIII в. *Николай Иванович Новиков* (1744 – 1818). Образование он получил в Московской университетской гимназии, а затем самостоятельно приобрёл обширные знания в области истории и литературы. С 1762 по 1768 гг. Н. И. Новиков служил в Измайловском полку, после отставки занялся интенсивной журналистикой и издательской деятельностью – выпускал газету «Московские ведомости» и 11 журналов. Его издания составляли третью часть всей книжной продукции России 80-х гг. XVIII столетия.

Н. И. Новиков был критиком столь распространённой в дворянской среде того времени «галломании» и с этих позиций подходил к изучению родной истории. Он писал: «похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным, но стыдно презирать своих соотечественников, а ещё паче и гнушаться оными». Политические взгляды Новикова были пронизаны либерализмом, который проявлялся в том, что он выступал сторонником конституционной монархии, ратовал за широкое участие третьего сословия в политической жизни и управлении государством. Главным источником общественного прогресса Новиков считал просвещение и нравственное воспитание личности.

Особое внимание известный просветитель уделял собиранию и публикации памятников русской истории. Отыскивая их в частных коллекциях, государственных и монастырских архивах, он организовал издание «Древней Российской Вивлиофики». В 1773 – 1775 гг. было опубликовано десять томов этого ценнейшего собрания исторических документов, а в 1788 – 1791 гг. ещё двадцать томов. Сюда вошли многие источники по русской истории от Киевских времён до XVIII в. В розыске и публикации документов помощь Н. И. Новикову оказывали Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов и другие историки и архивисты. Издатель с большим вниманием подходил к публикации источников, не допускал их исправления или редактирования, сопровождал издание справочным материалом о месте хране-

ния, составлял примечания, указатели разночтений, хронологические таблицы.

Ещё раньше, чем началось издание «Вивлиофики», Н. И. Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772). Это был один из первых в России биографических словарей деятелей культуры, содержащий в себе сведения о 317 писателях и учёных, творивших с X по XVIII в., здесь сообщалось о Несторе и Сильвестре, говорилось о Щербатове и Миллере, Ломоносове и Татищеве. Словарь Новикова был составлен в алфавитном порядке, и из деятелей допетровской поры в нём было упомянуто только 50 имен.

И всё же главная заслуга Н. И. Новикова перед исторической наукой состояла в том, что он ввёл в научный обиход огромное количество самых разнообразных источников по русской истории, и тем самым существенно облегчил её изучение.

Михаил Михайлович Щербатов

Князья Щербатовы происходили от Михаила Черниговского и были отраслью князей Оболенских. По выражению Г. В. Вернадского, сам М. М. Щербатов «был пропитан чувством достоинства своего аристократического происхождения».

Михаил Михайлович Щербатов (1733 – 1790) родился в Москве 22 июля 1733 г., в 13-летнем возрасте его определили в гвардию, но сразу после издания в 1762 г. «Манифеста о вольности дворянской» он оставил военную службу. В 1767 г. князь стал депутатом от ярославского дворянства в екатерининскую комиссию по составлению нового Уложения. Там он выступал за расширение дворянского самоуправления, высказывался против «Табели о рангах», открывавшей доступ в дворянство недворянам, и защищал крепостничество от любых на него посягательств.

Несмотря на то, что М. М. Щербатов был какое-то время президентом Камер-коллегии, ведавшей денежными доходами государства, а затем сенатором, он не стал поборником екатерининских порядков и даже выступал их критиком. Князь клеймил массовые злоупотребления властей, беззаконие и произвол, взяточничество и казнокрадство, фаворитизм и угодничество по отношению к государыне и вельможам – всё это особенно ярко отразилось в брошюре «О повреждении нравов в России» (правда, этот труд был мало кому известен, пока его во второй половине XIX в. не опубликовал А. И. Герцен в своей Вольной типографии).

М. М. Щербатов различал четыре формы государственного устройства: 1) монархическое; 2) аристократическое; 3) демократическое (народное); 4) самовластное (деспотическое). При этом любую форму народоправства князь считал ложной формой правления, саму демократию называл строем, при котором народ использует власть для уклонения от необходимых повинностей. Демократия, по его мнению, гонит людей справедливых и возвышает людей пронирыливых. При аристократическом правлении государственные дела вершатся «по здравому рассуждению разумнейших людей», но интересы аристократии часто становятся выше государственных, из чего историк заключал, что народ «нигде столь ни несчастлив», как при аристократии у власти. Лучшим политическим строем признавалась монархия, когда государь опирается на родовитую знать и постоянно с ней советуется. При этом М. М. Щербатов с нескрываемой антипатией относился к самовластию – монархии, которая характеризуется пренебрежением к законам и законности.

Эти взгляды нашли отражение не только в публицистических работах князя, но и в его исторических трудах. Историей М. М. Щербатов плотно занялся после того, как в 1764 г. Г. Ф. Миллер представил его Екатерине II и императрица разрешила князю брать нужные для работы материалы из Патриаршей и Типографской библиотек, которые были главными хранилищами летописных списков, а также пользоваться документами московского архива Коллегии иностранных дел. В 1768 г. Щербатов получил должность историографа, ранее принадлежавшую Миллеру, и поручение привести в порядок бумаги архива Кабинета Петра I. Кроме того, князь стал герольдмейстером Сената. С этого времени он вёл активную работу историка-исследователя.

Наиболее крупным историческим сочинением М. М. Щербатова стала «История Российская от древнейших времен». Работу над ней он начал во второй половине 1760-х гг. и не прекращал до конца своих дней, хотя так и не смог воплотить задуманное и довести изложение до времени Петра I. «История» Щербатова обрывается на событиях Смутного времени.

Всё произведение М. М. Щербатова имело довольно сложную структуру: состояло из семи томов, каждый из которых делится на части и книги, а каждая книга на главы, соответствующие отдельным княжениям (до XVI в.). При этом историк счёл необходимым снабдить текст специальным «рассмотрением о состоянии России, её законов, обычаев и правлений», то есть дать очерк внутреннего состо-

яния страны (правда, сделано это было лишь однажды – после рассказа о Юрии Долгоруком, но традиция в историографии появилась).

Своей собственной периодизации отечественного прошлого М. М. Щербатов в общем виде нигде не сформулировал, но её можно выделить, ориентируясь на структуру его «Истории Российской».

Первый том содержал российскую историю «от начала оныя» до смерти Ярослава Мудрого. В первой книге тома сочинитель обращался к русским и иностранным источникам по истории древней Руси. М. М. Щербатов не ставил под сомнение призвание Рюрика с братьями, но обращал внимание, что варяги согласились на это предложение неохотно, потому что княжеская власть заключала в себе прежде всего обязанность защиты границ. В последующем повествовании он особо останавливался на вопросах престолонаследия киевских князей, называя странным порядок передачи правления от брата к брату, а не от отца к сыну, и объясняя это влиянием горожан, желавших видеть в восприемнике власти зрелого мужа, а не юного княжича. Состояние Руси до крещения изображалось Щербатовым как крайне примитивное, и лишь принятие Владимиром христианства коренным образом изменило развитие Руси. Князь оригинально объяснял причину отсутствия у славян собственных мифов – так, по его мнению, сложилось потому, что русский народ от состояния невежества перешёл к высшей культуре (христианству) не постепенно, а вдруг. Он сомневался в правдивости некоторых летописных сюжетов, задаваясь, к примеру, вопросом, мог ли византийский император свататься к почти 70-летней княгине Ольге во время её пребывания в Константинополе? Впрочем, тут же совершенно справедливо замечая, что «политические виды могут, конечно, и престарелому лицу красоту придать».

Второй том начинался со времени политической раздробленности русских земель, наступившей после смерти Ярослава Мудрого, и доводил текст до татаро-монгольского нашествия. Автор смягчал оценку последствий раздачи Ярославом русских земель по детям тем, что, разделив землю, великий князь перепоручил высшую власть одному старшему сыну. Гораздо более пагубную роль, чем раздробление Руси на отдельные княжества, имело, по Щербатову, своеволие городов – обычай избрания и замены князей по решению горожан. Особое значение поэтому историк придавал правлению Андрея Боголюбского, с которого, по его мнению, началось возрождение княжеского самодержавия и укрепление государства.

Третий том охватывал период с начала монголо-татарского нашествия до княжения Дмитрия Донского. Интересно, что, говоря о при-

чинах ордынской победы, М. М. Щербатов совершенно не касался политических смут и раздробленности страны, указывая прежде всего на неоднородность состава русского войска и природные катаклизмы – моральную подавленность в следствии неожиданных землетрясений, затмений солнца и появления кометы и прочих «чудес», которые «в крайнюю робость сии непросвещённые народы привели».

Четвёртый том давал историю борьбы с татарским игом от Дмитрия Донского до Ивана III, которого автор считал истинно великим государем, собравшим Россию своими мудрыми действиями воедино без кровопролития.

Пятый том освещал «царский период», который М. М. Щербатов, в отличие от В. Н. Татищева, начинал не с Ивана III, а с Ивана IV. Венчание Ивана Грозного на царство расценивалось им как событие, свидетельствующее о восстановлении русского самодержавия и выделяющее тем самым время Ивана IV в особую историческую эпоху. Весь период царствования Ивана Грозного Щербатов, вслед за князем Курбским, делил на две половины – до и после опричнины (это деление затем подхватил Н. М. Карамзин, и оно прочно укоренилось в отечественной историографии). Противопоставляя первую половину правления Грозного последовавшему затем террору, историк объяснял всё тем, что царь стал править «не яко правосудный судья, но яко раздражительный самовластитель».

Шестой том заканчивал историю династии Рюриковичей, которая пресеклась со смертью Фёдора Ивановича в 1598 г.

Седьмой том остался незаконченным, но должен был охватить весь период от Смуты до избрания Михаила Романова на царство. В действительности рассказ в нём доведён до свержения с престола Василия Шуйского в 1610 г.

После «Истории Российской» В. Н. Татищева «История» М. М. Щербатова выступала новой попыткой создания широкого исследовательского полотна по отечественному прошлому. Работа Щербатова отличалась от произведения Татищева тем, что была не просто сводной летописью с элементами критики, а единым историческим рассказом, первым в русской историографии подробным прагматическим изложением хода русской истории, основанным на широком круге источников. Так, к III – IV томам своей «Истории Российской» Щербатов приложил более 300 актов, среди которых были впервые введённые в исследовательский оборот грамоты Великого Новгорода, договорные грамоты Московских князей и ханские ярлыки.

«История Российская» не доходила до времени Петра I, но М. М. Щербатов обращался к характеристике первого русского императора и его преобразований в ряде других произведений (например, в очерке «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого»). Отношение к Петру I не было здесь столь однозначно-восторженным, как, например, у М. В. Ломоносова. Князь пытался показать как положительные, так и отрицательные стороны петровской политики и, таким образом объективно её оценить – «в каждом пороке есть порок, то и в сём благодетеле России он свойства своего не перемяет». Он признавал, что царя «нужда заставила быть деспотом», но при Петре стали почётными не роды, а чины, заслуги и выслуги, что привело государство к пагубным последствиям – взяточничеству и беззаконию, нравы и умонастроения в XVIII в. повредились. Именно нравами, обычаями и обстоятельствами Щербатов объяснял грубость самодержца, что же касается его преобразований, то они выступали как личное дело Петра I и не обуславливались больше никакими причинами. Историк попадал в типичную просветительскую западню – стремясь раскрыть закономерные причины крупных исторических событий, сводил их к замыслам и деятельности великой личности.

Князь старался соблюдать критическое отношение к историческим источникам и даже сформулировал собственные чёткие правила, по которым оценивал достоверность и объективность содержащихся в древних документах сведений: «Неоспоримые правила в разборе древних сочинений суть: что, дабы какому приписуемому древнему писателю списку яти веру, надлежит первое: чтобы он в таком месте был найден, где бы не можно было сомневаться о его справедливости; второе, чтобы древность его письменами и всеми видимостями соответствовала времени, в котором полагают, что он был писан; третье, чтобы слог его и описуемые деяния согласны были с тем, что вероятнейшие современные или близковременные писатели повествуют о том; четвёртое, чтобы кто-то из писателей ближайших веков поминал о сём писателе».

К недостаткам работы М. М. Щербатова можно отнести общую громоздкость его сочинения наряду с тяжеловесным стилем изложения, что существенно затрудняло чтение – А. Л. Шлёцер называл труд Щербатова «неудобоваримым». Кроме того, встречались у князя и нелепые фактические ошибки: он путал, например, Владимир Суздальский с Владимиром Волынским, перемещал вятичей с Оки на Вятку и т.д. Эти огрехи замечали и высмеивали ещё его современники, И. Н. Болтин, например, иронично говорил: «описано у Щербатова обыкновенным бестолковым его слогом».

Между тем, М. М. Щербатов был отнюдь не «бестолков» – получил прекрасное образование, кроме обычного тогда в русской дворянской среде французского языка, знал немецкий и итальянский, прошёл курс философии, всеобщей истории, литературы, разбирался в экономике, финансах, медицине. Завершая разговор о его вкладе в развитие отечественной историографии, следует отметить, что именно стараниями князя Щербатова был впервые издан целый ряд ценных исторических источников, в том числе «Царственный летописец», «Царственная книга», «История Свейской войны».

М. М. Щербатов определял историю как «науку причин», а задачу историка – «изыскивать причины деяний», причём эти «деяния» объяснялись им не с позиций провиденциализма, а с точки зрения здравого смысла и естественно-психологических причин. Князь чётко представлял себе, для чего нужно изучение истории: «Познание истории есть необходимо каждому благородному человеку, ибо чрез знания древних деяний не токмо научается человек, как ему в разных обстоятельствах направлять свой поступок, как в политических и военных делах поступать, но, просвещая свой разум, научается из примеров древних добродетели, и к омерзению пороков сердце его обращается».

Определяя значение трудов М. М. Щербатова для русской историографии, С. М. Соловьёв был комплиментарен, но довольно жёсток: «“Истории” Щербатова принадлежит почётное место в нашей исторической литературе. Хотя собственный ход русской истории остаётся для него тайной, но... он останавливается на явлении, думает над ним, старается объяснить его». Более мягко характеризовал щербатовскую «Историю» Н. Л. Рубинштейн: «Неблагодарный, невыигрышный по своим внешним качествам, но большой и полный труд Щербатова, собравшего воедино “огромные припасы” исторических знаний о России и связавшего их в одно целое, был, однако, серьёзной и необходимой ступенью в формировании исторической науки в России».

Иван Никитич Болтин

Иван Никитич Болтин (1735 – 1792), в отличие от М. М. Щербатова, хотя и принадлежал к дворянскому сословию, к титулованной знати не относился. Родился он 1 января 1735 г. в родовом имении в Нижегородской губернии, получил хорошее домашнее образование, служил в Конногвардейском полку, где познакомился с Гри-

горием Потёмкиным, некоторое время был начальником Васильковской таможни и хорошо знал Украину. Службу свою закончил в чине генерал-прокурора Военной коллегии.

Особый интерес И. Н. Болтин проявлял к русской истории, всю жизнь он упорно учился, читая отечественную и западноевропейскую историческую литературу и делая многочисленные выписки из неё и, в конце концов, стал одним из крупнейших знатоков отечественного прошлого. Однако, как писал В. О. Ключевский, «ему было уже 50 лет, а в русской литературе ещё не появлялось прямых следов, накопленных его многолетними трудами исторических знаний. Вероятно, эти знания вместе с ним и умерли бы...». Так вполне могло сложиться, тем более, что строгий и принципиальный Болтин считал, что историк должен служить выявлению истины, «если же говорить правду настанёт опасность, то лучше умолчать».

Проявиться его научно-историческим талантам помог случай. В 1783 – 1792 гг. во Франции вышла написанная Николаем Леклерком шеститомная «Естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и новая история России», работа весьма недобросовестная, враждебная, содержащая массу ошибок. Её автор почти 10 лет прожил в России и даже был когда-то личным лечащим врачом Павла Петровича. Неприязнь, с которой Леклерк писал о России, уязвила саму Екатерину II. Дерзкое сочинение требовало убедительного ответа. О желании Екатерины дать отповедь зарвавшемуся иностранцу знал светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин, который и подал И. Н. Болтину идею сделать возражения на оболганный Леклерком российскую историю. В результате тот написал двухтомные «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочинённые генерал-майором Болтиным», которые были изданы за личный счёт императрицы.

Критикуя Леклерка, И. Н. Болтин волей неволей задел М. М. Щербатова, который снабдил француза своим резюме по русской истории и некоторыми другими материалами в помощь при написании работы. Поэтому в ответ на критические замечания Болтина появилось сначала «Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории к одному его приятелю в оправдания на некоторые сокрытые и явные охуления, учинённые его истории от господина генерал-майора Болтина, творца “Примечаний на историю древняя и нынешняя России” Леклерка», а затем ещё «Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, також истинные оправдания и прямые доказательства про-

тив его возражений, критики и охулений». Болтин немедленно ответил Щербатову резкой отповедью на 180 страницах («Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова»), а затем начал писать «Критические примечания генерал-майора Болтина на I и II тома “Истории” князя Щербатова». Обе части этого труда появились уже после смерти самих участников дискуссии в 1793 – 1794 гг. (Щербатов умер в 1790 г., Болтин в 1792 г.).

На базе критических работ И. Н. Болтина можно составить вполне определённое представление о его мировоззрении. Свою точку зрения на характер исторических трудов он формулировал следующим образом: «Не краткость и не пространство составляют достоинства историка, но избрание приличных веществ, точность, беспристрастность в повествованиях, дельность и важность в рассуждениях, ясность и чистота в слоге». В. О. Ключевский называл Болтина «умеренным вольтерянцем», и действительно, тот многое почерпнул у французского мыслителя, видя суть исторического процесса не только в деятельности царей и полководцев, но и во влиянии обычаев, нравов, идей, страстей, пытался выяснить «механику всемирной истории и физиологию общежития», связать их с «климатом, религией, образом правления».

Выступая с критикой Н. Леклерка и М. М. Щербатова, И. Н. Болтин сформулировал собственное понимание задач истории. Прежде всего он выдвигал требование критического отбора исторических источников и фактов и устанавливал принципиальное различие между научным исследованием и простым повествованием – летописью: «Не всё то пристойно для истории, что прилично для летописи». Конкретный фактический материал в историческом труде должен быть подчинён общей концепции исторического процесса.

И. Н. Болтин выступал сторонником разработки специальных исторических дисциплин – исторической географии и этнографии, отмечая, что надо знать ту страну и тот народ, о котором пишешь, чтобы понять его историю. Ему была знакома идея единства закономерностей исторического развития разных народов, он писал: «правила природы повсюду суть единообразны»; «во всех временах и во всех местах человеки, находясь в одинаких обстоятельствах, имели одинакие нравы». С этой идеей был тесно связан сравнительно-исторический метод, который учёный довольно широко применял в своих трудах.

Обращаясь непосредственно к мыслям И. Н. Болтина по русской истории, можно заметить, что он был знаком с трудами предшествен-

ников, но в то же время выдвигал целый ряд новых идей и подходов. К примеру, вслед за Ломоносовым, Болтин доказывал, что до Рюрика не было «столь великой тьмы невежества, какую представляют многие внешние писатели». В ответ на заявление Леклерка о жестокости и безнравственности древнерусских князей, он приводил сведения о непрерывном кровопролитии и «ужасных бытиях» ранней французской истории. Интересны замечания Болтина о варягах, которые «не просвещеннее были русских... общие и одинаковые имели с ними познания», а «образ жизни, правления, чиновности, воспитания, судопроизводства тогдашнего века русских таков был, каков первобытных германцев, британцев, франков и всех вообще народов при первоначальном их совокуплении в общества». Вместе с тем историк отмечал, что Россия ни в чём не похожа на страны Европы и это совершенно естественно вытекает из её природы, обширности территории и малочисленности населения.

Смелым и оригинальным был взгляд И. Н. Болтина на принятие Русью крещения – он не соглашался с М. М. Щербатовым, что христианство на Руси распространялось мирным путем, говоря, что оно насаждалось насильственно и встречало сопротивление со стороны славянских племен. Решительная критика обрушилась на Щербатова и за его попытки смягчить пагубную роль раздробленности в русской истории, сам Болтин усматривал главную причину монгольского ига в разделении страны на множество частей, в «несоюзстве» и «ненавидении между князей». Любопытны мысли историка о феодализме, появление которого он связывал с государственными пожалованиями и постепенным превращением помещиками своих поместий в наследственные вотчины. Признавая феодализм характерным периодом для истории всех европейских народов, он в духе просветительской философии считал его временем падения человеческого разума в глубочайшее невежество.

Как и другие историки XVIII столетия, И. Н. Болтин уверял, что лучшей формой правления является монархия, признавая однако, что при этом в истории случается и «деспотизм» (для России – это царствование Ивана Грозного, царя, по мнению Болтина, великого, но неоправданно жестокого). Говоря о государственной политике, историк отмечал, что в ней необходима осторожность, а в проведении реформ – постепенность, поэтому петровские реформаторские затеи казались ему необдуманными и чрезмерно радикальными – «захотели то в несколько лет сделать, на что потребны веки». Зато Екатерина II, по его мнению, предпринимает меры к исправлению повреждённых петровским

временем нравов, и потомки ещё «возчувствуют благодарность» к мудрости императрицы.

Вслед за В. Н. Татищевым И. Н. Болтин продолжил изучение русского крестьянства и проблемы закрепощения. Он утверждал, что крестьяне пользовались полной свободой передвижения до конца XVI в., а основные этапы закрепощения крестьян связывал с введением Юрьева дня, с запрещением крестьянского перехода в 1597 г., и наконец, с введением подушной подати и рекрутских наборов и уравнением поместья с вотчиной при Петре I, что привело к слиянию крепостных крестьян с холопами. Наблюдения историка за становлением крепостничества шли вне руслу дворянских сословных интересов, он, например, признавал, что превращение крестьян в полную собственность их хозяев произошло в интересах помещиков, но «нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными».

Из достижений И. Н. Болтина в области исторического источниковедения можно выделить его критичный подход к источнику и более верное толкование терминологии древних документов. Кроме того, он принимал участие в публикации исторических памятников – составил ценные комментарии к «Русской Правде», помогал в издании «Книги большому чертежу» и «Поучений Владимира Мономаха».

Оценивая роль И. Н. Болтина в отечественной историографии, можно отметить, что уже историки XIX в. считали его важнейшей заслугой применение сравнительно-исторического метода. В. О. Ключевский писал: «...поставленные Болтиным вопросы стали после него очередными задачами русской историографии, а высказанные им мысли незаметно проникли в общество и литературу, оторвались от своего источника и безыменными каплями затерялись в общественном сознании. У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это».

«Литературное» направление в отечественной историографии

Увлечение историей во второй половине XVIII в. получило довольно широкое распространение. Сама императрица *Екатерина II* (1729 – 1796) на досуге сочиняла исторические опусы. Её «Записки касательно русской истории» выходили по частям с 1783 г. и были продиктованы просветительским желанием венценосного автора показать, что «род человеческий везде и по вселенной одинакия имел страсти, желания намерения и к достижению употреблял не редко одинакие способы».

В эти годы в историографии складывается своеобразное литературное (риторическое) направление, как его охарактеризовал Н. Л. Рубинштейн. Его приверженцем был журналист и переводчик в Коллегии иностранных дел **Фёдор Александрович Эмин** (1735 – 1770). Он выпустил трёхтомную «Российскую историю», в которой широко использовал такой литературный приём, как драматизация изложения, вносил в текст додуманные речи исторических персонажей, ссылаясь на выдуманные источники. Эмин был антинорманистом, выводил происхождение Рюрика от Августа, склонен был доверять тому, что апостол Андрей бывал в Киеве, а сам Киев действительно основан Кием. В целом он ставил перед своим трудом вполне просветительские задачи: «показать каждому гражданину начало его отечества, оного свойства, различность народов, оных происхождение, действие, склонности, нравы», и в этом отношении следовал принятым в исторической науке правилам. Литературный стиль изложения позволял автору изображать «следствия, которые хотя, может статья, по случаю и не были, однако легко бы быть могли», что конечно же снижало достоверность его сочинения, но, с другой стороны, стоит помнить о том, каким тяжеловесным слогом были написаны «настоящие» исторические работы этого периода, так что беллетристика Эмина сыграла свою положительную роль в пробуждении интереса широкого читателя к отечественной старине.

Занимался отечественной историей и управляющий императорскими театрами **Иван Перфильевич Елагин** (1725 – 1794). По роду своей деятельности он должен был снабжать Екатерину Великую историческими сюжетами для её драматических сочинений, результатом чего стал составленный им «Опыт любопытного и политическоего о государстве российском повествования». Уверенность в неизменности человеческой породы приводила Елагина к выводам типа того, что «Иоанн в Москве таков же тиран, каков и Нерон был в Риме. Следовательно, разность токмо в перемене одежд и явлений, кои иногда смех, иногда слезы в зрителях производят». В печатном виде «Опыт» появился на свет уже после смерти автора, вызвав довольно резкую критику со стороны А. Л. Шлёцера и отрицательный отзыв Н. М. Карамзина – «писана слогом надутым, отчасти неправильным».

Особого влияния на историческую науку все эти околотитулярные сочинения не оказали, но сама их форма, стремление придать отечественному прошлому определённые черты классической «героики», найти параллели с античной историей, красноречиво характеризует особенности историографии второй половины XVIII в.

Новые тенденции в русской историографии второй половины XVIII века

В XVIII в., особенно во второй его половине, в числе лиц, писавших исторические произведения, появилась значительная прослойка из представителей купечества, мещанства и разночинной интеллигенции. Дворянская монополия на историю была сломлена. Новые тенденции проявились в подрыве того главенствующего положения, какое на протяжении столетий занимала в русской историографии государственно-монархическая тематика. Во второй половине XVIII в. стали появляться работы, в которых рассматривалась история коммерции, история «сельского домостроительства», промышленности и «художеств», составлялась история русских городов.

Среди сочинителей, стоявших у истоков нового направления в историографии, был *Иван Иванович Голиков* (1735 – 1801). Этот выходец из семьи разорившегося курского купца, сам неудавшийся купец, стал автором огромного 30-томного труда о Петре Великом. По преданию, Голикова, осуждённого за злоупотребления по винным откупам и приговорённого к ссылке в Сибирь, помиловали в день открытия памятника Петру Великому, и он, стоя на коленях перед Медным всадником, дал клятву написать подробнейшую историю Петра I.

Двенадцать томов голиковской работы составляли «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», а ещё восемнадцать томов представляли из себя дополнения к ним. В этом исследовании, печатавшемся с 1788 по 1797 г., деятельность Петра I рассматривалась с позиций сторонника абсолютной монархии и защитника интересов купечества. Характеризуя экономическую политику первого российского императора, Голиков обращался к истории мануфактур, развитию внутренней и внешней торговли, обеспечению твердого курса рубля и т.д. В его оценках Пётр выступает в роли рачительного хозяина своего государства, который «неусыпное имел попечение как о внешней, так и внутренней торговле, а вместе и о приведении российских своих купцов в лучшее познание и состояние».

Несомненно, И. И. Голиков являлся продолжателем апологетической традиции в характеристике Петра I, уже довольно прочно укоренившейся в исторической литературе. По его мнению, политика царя полностью отвечала интересам народа: «Правосудие его было ко всем равное, без наималейшего послабления и лицемерия: богатые и убо-

гие, знатные и низкие, чужестранцы и свои, одинаковую ощущали правду. Престол его был престол Правды».

Однако главной заслугой И. И. Голикова, который сам себя называл «человеком неучёным, следовательно, незнающим никаких критических правил», было то, что он собрал многочисленные архивные и печатные источники петровского царствования, обработал огромное количество народных преданий и анекдотов о первом русском императоре. Меткую характеристику ему дал Л. В. Черепнин: «Чертами, характеризующими Голикова как историка, является неуклонное собирательство нового архивного материала, изложение его в простой, описательно-повествовательной форме, отличающейся известной примитивностью, панегирический тон изложения с неумеренным восхвалением Петра I».

Значительное количество трудов, посвящённых местной истории и экономической тематике, создал другой выходец из купеческих кругов – **Василий Васильевич Крестинин** (1729 – 1795). Он написал «Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого», а в «Начертании истории города Холмогор», «Краткой истории о городе Архангельском» обращался к прошлому родного Подвинья, закладывая тем самым основы исторического краеведения. Кроме того, Крестинина интересовали судьбы «частных родов», не имевших княжеского титула и дворянского достоинства, но, тем не менее, выделившихся из своей среды людей достойных благодарной памяти потомков – так он прослеживал историю зажиточной крестьянской фамилии Вахониных-Негодяевых, ставших богатыми купцами и скупщиками земли и одновременно занимавших посты земских старост и целовальников. На основании старинных актов, хранившихся в крестьянских семьях, им был составлен «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере». То, что Крестинин начал широко вводить в научный оборот этот материал, позволило крупнейшему отечественному археографу и архивисту С. Н. Валку назвать его основоположником дипломатики частных актов, историком, который предложил первую методику обработки и изучения купчих, духовных, закладных, деловых крепостей, кабал и тому подобной документации.

Стоит упомянуть и то, что В. В. Крестинину принадлежит заслуга создания первого российского исторического общества, которое существовало в Архангельске в 1760-х гг. Оно было известно как «Историческое архангелогородское клевретство», «Вольное историческое для архангелогородских древностей собрание» или «Общество любо-

пытных людей». Целью этого неформального объединения было всестороннее освещение истории русского Севера, хотя на первых порах всё сводилось к регулярным заседаниям два раза в неделю и к сбору и сохранению исторических материалов.

Местная история интересовала и первого русского члена-корреспондента Академии Наук (и тоже выходца из купечества) – **Петра Ивановича Рычкова** (1712 – 1777). Он составил «Историю Оренбургскую» и «Топографию Оренбургского края» с историческими известиями, написал, с привлечением источников на татарском языке, «Опыт Казанской истории древних и средних времён», в «Описании шестимесячной оренбургской осады» обратился к осмыслению пугачёвского восстания.

Заметным явлением в исторической науке второй половины XVIII в. стал труд разночинца **Михаила Дмитриевича Чулкова** (1743 – 1793) «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времён до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой». Работа состояла из семи томов (21 книга, больше 14000 страниц) и вышла в 1781 – 1786 гг. Она носила историко-экономический характер и по своей тематике отличалась от того, что присутствовало в дворянской историографии. Здесь рассматривалась не только такая «неблагородная» тема, как история торговли, но и история промышленности, транспорта, кредита и т.п., давались практические сведения о порядке ведения торговли в разных портах. М. Д. Чулков писал, что купечество «составляет благополучие общества не потому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но потому более, что сей класс ободряет земледельство, служит ко обогащению общественному и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам». При создании своего труда автор использовал широкий круг источников – правительственные указы, ведомственные материалы и статистические сведения (в основном из фондов Коммерц-коллегии). Ему же принадлежит работа 1788 г. – «История краткая Российской торговли» с хронологической таблицей.

Кроме того, М. Д. Чулков был известен и как собиратель и издатель русских народных сказок, а в 1767 г. им был выпущен «Краткий мифологический лексикон», в котором объяснялись имена героев и термины античных и древнеславянских легенд и мифов. Одновременно с выходом «Исторического описания российской коммерции» он издал «Словарь русских суеверий», а потом «Абевегу русских су-

еверий» – книги, в которых приводились сведения о русских народных обрядах, обычаях, приметах, народных праздниках и верованиях.

К представителям эпохи просвещения в русской историографии можно отнести первых русских профессоров права *Семёна Ефимовича Десницкого* (1740 – 1789) и *Ивана Андреевича Третьякова* (1735 – 1779). По окончании Московского университета они продолжили образование в Глазго в Англии, где слушали лекции Адама Смита, получили здесь учёные степени докторов наук, а вернувшись на Родину, стали преподавать в Московском университете. Обоих можно считать основателями историко-правовой науки в России.

О взглядах С. Е. Десницкого можно судить по нескольким речам, из которых, собственно, и состоит его научно-литературное наследие: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности», «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства» и др. В них С. Е. Десницкий говорил, что важнейшим свойством природы человека является постоянное стремление к «лучшему способу жития». Оно привело к тому, что род человеческий в ходе своей истории сменил ряд последовательных этапов. По Десницкому их было четыре: 1) состояние народов, живущих ловлей зверей и плодами, саморождающимися на земле; 2) состояние народов, живущих скотоводством; 3) хлебопашественное состояние; 4) состояние коммерческое. Каждый из этих периодов закономерно развивался из предшествующего, и каждому из них соответствовала особая форма собственности. На первом этапе, как писал Десницкий, «самое употребление вещей бывает в большей части нераздельное и общее всем», поэтому право собственности было неразвито. На «пастушеском» этапе развивается право собственности в форме владения (иногда семейного или общинного – на стадо, например). Землевладельческий период характеризуется зарождением частной собственности на землю, но без понятия об отчуждении земли. Законченные формы отношения собственности получают лишь с наступлением коммерческого состояния.

Наряду с развитием отношений собственности, С. Е. Десницкий прослеживал и становление семейных отношений. Семья возникает, по его мнению, на «пастушеской» стадии развития человечества и характеризуется рабским положением женщины и многоженством. Дальнейшее изменение супружеских отношений происходило с переходом к хлебопашеству, а затем – к коммерческому состоянию общества.

С развитием права собственности С. Е. Десницкий связывал и «непосредственное происхождение и самых правлений государственных». По его мнению, «от введения собственности в земле родились оные древние... чиновачальства..., от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах феодальное правление». Под феодализмом он понимал крупное землевладение и соединённую с ним правительственную власть крупных землевладельцев. По его мнению, из-за того, что феодализм являлся правлением аристократическим, «без полномощного государя», он характеризовался неустойчивостью и «междоусобными враждами», которые и привели к распаду феодальных отношений и становлению современных европейских государств.

Значение С. Е. Десницкого в русской историографии определяется прежде всего тем, что он создал целую систему взглядов на общественное развитие, в основу которой положил вопрос об эволюции хозяйственных отношений.

В наследии его коллеги, профессора И. А. Третьякова, особый интерес представляют высказывания о разделении труда, содержащиеся в «Рассуждении о причинах изобилия и медлительности обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов». Разделение труда автор понимал как явление историческое, ведущее к значительному усовершенствованию производственной деятельности, к росту промышленности и обогащению ремесленников и промышленников. С разделением труда было связано и социальное расслоение на хозяев и работников, при этом историк выступал сторонником свободно-го труда и решительным противником крепостнических отношений.

Александр Николаевич Радищев и начало революционной историографии в России

А. И. Герцен опубликовал в одном переплёте рукопись М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, объясняя это тем, что «князь Щербатов и Александр Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию... Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны».

Сам *Александр Николаевич Радищев* (1749 – 1802) специальных исторических работ, кроме неоконченного «Сокращенного повествования о приобретении Сибири», не оставил, однако в его публицистических и художественных произведениях имеются многочислен-

ные высказывания по вопросам истории, на основании которых можно судить о его взглядах на прошлое. К тому же имя Радищева прочно вошло в историографию, поскольку именно с него в советское время было принято начинать и выделять отдельный революционный этап в русской исторической науке.

Главной движущей идеей исторического процесса у А. Н. Радищева выступала борьба народа за свободу. Он не считал самодержавие исконно присущим Русскому государству политическим устройством и высказывал предположение о существовании народоправства не только в древнем Новгороде, но и в других древнерусских городах. Однако к вольному Новгороду мыслитель питал особые чувства – он говорил, что там «народ в собрании своём на вече был истинный государь». Оценивая присоединение Новгорода к Москве, Радищев доказывал, что Иван III не имел права «присвоить Новгород» и разорять его (кстати, Екатерина II, не согласная с этим, отмечала, что древность владения давала царю право наказывать новгородцев – «бунтовщиков и от церкви отступников»). С радищевских работ вообще заметно появление в отечественной историографии тезиса, противопоставлявшего обычай новгородской вольности и вечевое народоправство деспотическому и жестокому самодержавию, не свойственному древнерусской традиции.

Конечно, прежде всего, А. Н. Радищев являлся носителем просветительских идей, присущих русскому дворянству второй половины XVIII в., но его взгляды отличал известный радикализм – он не признавал рабство и крепостничество (как его разновидность) необходимой и закономерной ступенью общественного развития. Революционность взглядов Радищева проявлялась, главным образом, в его отношении к самодержавию, которое мыслитель считал «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Признавая теорию общественного договора, отечественный вольнодумец, вслед за Ж.-Ж. Руссо, видел её смысл не в безграничных правах, приобретаемых государем, а в существенных обязанностях государя по отношению к народу. У Радищева народ имеет право даже свергнуть царя, который не исполняет своих обязанностей – не соблюдает равенства в обществе, не предупреждает зло и не хранит в чистоте нравы.

Как просветитель А. Н. Радищев большую роль в истории человечества отводил великим личностям, появление которых готовит сам ход истории, поскольку «обстоятельства делают великого мужа» и «Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были».

Наивные и часто противоречивые взгляды А. Н. Радищева, изложенные в его «Путешествии из Петербурга в Москву», «Песне исторической» и других работах, мнение о том, что история движется борьбой двух общественных сил – стремлением народа к вольности и стремлением отдельных личностей к самовластию, широкого отклика среди историков XVIII в. не нашли. Имя А. Н. Радищева будет активно востребовано лишь советской историографией, хотя его идеи, несомненно, оставили свой след в истории русской философии и общественной мысли, нашли отражение у А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и других революционеров-материалистов XIX в.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выделите и охарактеризуйте основные идеи философов просветителей, повлиявшие на становление и развитие исторической науки.
2. Сравните оценку вклада М. М. Щербатова в развитие исторических знаний, данную С. М. Соловьёвым и Н. Л. Рубинштейном. Найдите в дополнительной литературе и проанализируйте оценку трудов М. М. Щербатова у других историков.
3. Приведите оценку вклада И. Н. Болтина в развитие исторических знаний, данную В. О. Ключевским. Найдите в дополнительной литературе и проанализируйте оценку трудов И. Н. Болтина у других историков.
4. Какие новые черты приносят в исторические произведения труды И. И. Голикова, М. Д. Чулкова, В. В. Крестинина, С. Е. Десницкого? Найдите в дополнительной литературе и проанализируйте, как оценивается их вклад в отечественную историографию.
5. Сравните оценку вклада А. Н. Радищева в развитие исторических знаний, которая содержится в трудах советских и современных историков.

ИСТОЧНИКИ

Болтин И. Н. Примечания на «Историю древняя и нынешняя России г. Леккера», сочиненные генерал-майором И. Н. Болтиным // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1990.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т.1-30. СПб., 1788-1797.

Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952.

Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.

«О повреждении нравов в России» кн. М. М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева: Факсимильное издание. М., 1984.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. М.;Л., 1938.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 1-7. СПб., 1785-1786.

Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1936.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

Бондарева Е. А. Исторические воззрения М. Д. Чулкова // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России. XVII – XVIII вв. М., 1983.

Виленская Э. Исторические взгляды А. Н. Радищева // Вопросы истории. 1949. № 9.

Дербов Л. А. Общественно-политические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

Куратов А. А. Архангельский историк Василий Крестинин. Страницы жизни // Отечество. М., 1993. Вып. 4.

Научное сообщество Санкт-Петербурга, XVIII – начало XXI века: энциклопедический справочник / М. Ф. Хартанович (отв. ред.) и др. СПб., 2013.

Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия: М. М. Щербатов. М., 1967.

Черепнин Л. В. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Международные связи России в XVII – XVIII вв. М., 1966.

Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983.

Шанский Д. Н. Что должно историку: М. М. Щербатов и И. Н. Болтин // Историки России XVIII – начало XX в. М., 1996.

Лекция 9.

Историческая концепция Н. М. Карамзина и её критика

Николай Михайлович Карамзин

Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826) – одна из ключевых персон русской историографии. Весьма символично, что жизнь его захватывает и конец XVIII и начальные годы XIX столетия – это было время, когда история из искусства собирания сведений о прошлом превращалась в науку, и сама фигура Карамзина, прошедшего путь от писателя-сентименталиста до учёного-историографа, является яркой иллюстрацией этого процесса. Предельно точно о значении Карамзина для отечественной исторической науки сказал П. Н. Милоков: «Карамзин писал не для учёных, а для большой публики, как критик он только воспользовался тем, что было сделано до него; образцами для Карамзина остались историки XVIII в., с которыми он разделял все их недостатки, не успев сравниться с достоинствами; прочитайте его 12 томов и вы убедитесь, как было чуждо Карамзину понятие об истинной истории. Карамзин не начал собою нового периода, а закончил старый, и роль его в истории науки не активная, а пассивная». Между тем, величайший современник Н. М. Карамзина А. С. Пушкин восхищался его талантом и восклицал с полным на то основанием: «Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом!».

Как философу Н. М. Карамзину более близки были идеи тех просветителей, которые полагали за основной критерий ценности не разум, а чувство. Это течение получило наименование *сентиментализм*, а его выдающимся представителем являлся французский мыслитель **Жан-Жак Руссо** (1712 – 1778), утверждавший, что истина постигается не рассудком, а сердцем, разум подавляет и принижает человека, а внутреннее чувство возвышает и облагораживает.

Удивительно, сколь живой отклик эти мысли нашли в далёком потомке крымско-татарского вельможи Кара-Мурзы – родовые корни великого русского историка уходили именно в древние тюркские степи. Н. М. Карамзин родился 1 декабря 1766 г. в семье симбирского помещика. Образование получил в частном московском пансионе. После кратковременной военной службы в Петербурге и недолгого пребывания в Симбирске молодой человек переселился в Москву и стал

сотрудником журнала «Детское чтение для сердца и разума», издававшегося Н. И. Новиковым. Здесь он сблизился с масонами – участниками новиковской «Типографской компании», они оказали сильное влияние на мировоззрение и литературные вкусы Карамзина.

После продолжительного путешествия по Европе с мая 1789 по ноябрь 1790 г. (Германия, Швейцария, Англия, революционная Франция) Н. М. Карамзин вернулся в Москву и вновь занялся литературной деятельностью. В 1791 – 1792 г. он издавался в «Московском журнале», ставшем центром русского литературного сентиментализма. Свои впечатления от европейского путешествия писатель изложил в «Письмах русского путешественника», где, насмотревшись на революционную Европу, говорил, что во всём нужна умеренная добродетель: «всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот».

После воцарения Александра I Н. М. Карамзин вернулся к журналистской деятельности («Московский журнал» закрылся в 1792 г. с арестом Н. И. Новикова), став в 1802 – 1803 г. издателем и редактором литературно-политического журнала «Вестник Европы». Одновременно его увлекает задача создания труда по русской истории, в одном из своих писем тех лет он признаётся: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором...». В 1803 г. Карамзин предложил Александру I свои услуги для написания полной истории России, с просьбой назначить его, подобно Г. Ф. Миллеру и М. М. Щербатову, официальным историографом с жалованием и правом доступа к архивным материалам. 31 октября 1803 г. специальным императорским указом просьба 37-летнего Карамзина была удовлетворена, и он приступил к работе над «Историей государства Российского».

«История государства Российского»

В 1818 г. вышли в свет первые 8 томов «Истории». Сочинение Н. М. Карамзина имело колоссальный успех: за три с половиной недели было распродано 3000 экземпляров. Как отмечал А. С. Пушкин: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества», сам поэт также не остался к «Истории государства Российского» равнодушным, признавшись, что вышедшие в феврале 1818 г. книги прочёл «с жадностью и со вниманием».

Н. М. Карамзин писал свою главную работу до конца жизни, доведя изложение до свержения царя Василия Шуйского и наступивше-

го затем междуцарствия. Свой труд историограф посвятил Александру I, закончив посвящение показательными словами: «История народа принадлежит царю!».

«История государства Российского» представляла собой исключительное произведение: в ней было названо 350 авторов и исторических произведений, для создания своего детища Карамзин использовал 40 летописей (у Щербатова – 21), некоторые из них впервые в историографии (например Лаврентьевскую), кроме них он привлёк к исследованию памятники древнерусской литературы (сочинения Кирилла Туровского, Даниила Заточника) и права («Кормчая книга» и церковные уставы, Новгородская Судная грамота, Судебник Ивана III и Стоглав). Специальную главу Н. М. Карамзин посвятил «Русской правде», ряд страниц – только что открытому «Слову о полку Игореве», были задействованы и известия иностранцев о России.

Многочисленные источники, использованные в работе, критические замечания историка по их поводу были приведены им в иностранных примечаниях к томам «Истории государства Российского». Выделив примечания, Н. М. Карамзин с большей свободой обращался с самим текстом «Истории», вёл изложение событий на художественный манер, сохраняя в то же время документальное обоснование своего рассказа. Примечания Карамзина сохранили свою самостоятельную ценность и по сей день, поскольку часть источников, которыми пользовался историк (например Троицкая летопись), впоследствии оказались утраченными.

Свою историко-политическую программу, руководствуясь которой он писал «Историю государства Российского», Н. М. Карамзин подробно изложил в «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 г. императору. Центральным элементом этой программы являлось становление русского государства в монархической форме. «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», – писал Карамзин. В современной ему России самодержавие опиралось на дворянство, чьи исконные права и привилегии историк обосновывал тем, что «Дворянство и Духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми – Государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской Монархии».

Развитием монархической власти определяется у Н. М. Карамзина и периодизация русской истории. В вводной части своей «Истории», критикуя А. Л. Шлёцера за его периодизацию от России рождающей-

ся к России процветающей, автор отмечал: «Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на древнейшую – от Рюрика до Иоанна III, на среднюю – от Иоанна III до Петра I и новую – от Петра до Александра». Характерной особенностью первого периода историк считал присущую ей систему уделов, второго – единовластие, и третьего – изменение гражданских обычаев.

В конкретном освещении русской истории Н. М. Карамзин, однако, не соблюдал собственной периодизации и всё изложение своего труда делил на главы, соответствовавшие великим княжениям. Исходя из структуры текста «Истории государства Российского», можно выделить ту периодизацию отечественного прошлого, которой в действительности пользовался Карамзин:

Время до 862 г. относилось к древнейшему периоду русской истории. В восточных славянах писатель видел «естественных людей», не испорченных цивилизацией, но не диких, а добродушных, гостеприимных и целомудренных. Приведя летописное известие о расселении восточных славян, Н. М. Карамзин делал вывод об их происхождении: «...Ежели славяне и веныды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юг от моря Балтийского».

Период расцвета Русского государства длился с 862 по 1015 гг. – от «призвания князей» до смерти Владимира Святославича, разделившего государство на уделы. Н. М. Карамзин признавал норманнскую теорию «призвания» князей, отмечая, что новгородцы, пригласив варягов, положили основание монархическому государственному строю в России: «Отечество наше, слабое, разделённое на мелкие области до 862 г., обязано величием своим счастливому введению монархической власти». Другим важным событием этого периода стало крещение Руси, в котором Карамзин видел нравственную основу благоденствия страны.

На время с 1015 по 1238 гг. пришлась пора угасания самодержавия, удельных междоусобиц и монголо-татарского нашествия – от Святополка Владимировича до Ярослава II Всеволодовича. Внутри этого периода Н. М. Карамзин особое внимание уделял Ярославу Мудрому, разделившему государство между сыновьями, так что раздробленная страна «терзала собственные недра, пила слёзы и кровь собственную». Спасти Русскую землю установлением единовластия пытался Андрей Боголюбский, но с его смертью вновь начались усобицы, приведшие к завоеванию Руси монголо-татарами, что стало причиной её отставания от стран Европы.

Период падения Русского государства, монголо-татарского ига и начавшегося объединения и возрождения России под властью московских князей продолжался с 1238 по 1462 г. – от Ярослава II Всеволодовича до Ивана III. Татарское иго, по Карамзину, привело не только к утрате государственной независимости, но и к нравственному угнетению народа: «мы выучились низким хитростям рабства». Но был у ига и положительный момент – «Москва обязана своим величием ханам», а иначе Россия погибла бы от княжеских междоусобиц и была растерзана соседями. С Ивана Калиты стала крепнуть и развиваться верховная монархическая власть.

Период утверждения самодержавия пришёлся на 1462 – 1533 г. – это княжения Ивана III и Василия III. Иван III Н. М. Карамзин считал героем не только российской, но и всемирной истории, отдавал ему предпочтение пред Петром Великим – с него «история наша приемлет достоинство истинно государственной».

Время царствования Ивана Грозного и Фёдора Ивановича охватывает период с 1533 по 1598 г. Годы малолетства Ивана Грозного историк характеризовал как аристократический этап правления. Оценивая само царствование Ивана IV, Н. М. Карамзин укрепил традицию его деления на две противоположных части: до 1560 г. (смерть царицы Анастасии) – время мудрого правления страной при помощи Сильвестра и Адашева, и с 1560 г. по 1584 г., когда самодержавие царя превратилось в тиранию.

Выхода в свет 9-го тома, содержащего описание царствования Грозного, публика ждала с особым нетерпением. Как признавался сам Н. М. Карамзин Александру I, в 9-м томе его «Истории» описывались столь ужасные события, что ему трудно было решиться на публикацию. Однако, взяв в цензоры собственную совесть, автор издал этот том, в котором, будучи поборником самодержавия, резко осуждал такое его проявление, как тирания. Царствование Грозного, по Карамзину, показало, «сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидением страха, мертвит силы в Государе и в государстве». Разоблачения царя-мучителя сочетались с прославлением народного долготерпения – 24 года Россия «сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы в лучшие времена иметь Петра Великого, Екатерину II». Общество восприняло очередной том карамзинской «Истории» с восторгом – будущий декабрист Кондратий Фёдорович Рылеев восклицал: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита!».

Описание «Истории государства Российского» обрывалось на Смутном времени (с 1598 по 1613 гг.), описание которого Н. М. Карамзину не удалось довести до конца. Здесь он осуждал царя-убийцу Бориса Годунова и говорил, что «многоглавая гидра аристократии» после свержения с престола Василия Шуйского привела страну на грань гибели.

Об отношении Н. М. Карамзина к истории России XVII—XVIII вв. можно судить по его «Записке о древней и новой России». Он отмечал, что царствование первых Романовых характеризовалось сближением России с Западом, которое происходило «постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание... Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя всё к нашему и новое соединяя со старым».

С Петра I началась насильственная ломка старых учреждений и порядков, так что «страсть к новым для нас обычаям преступила в нём границы благоразумия». После Петра началось ослабление самодержавия, подкреплённое, помимо ломки традиционных устоев, отменой патриаршества и введением Табели о рангах, наносившей удар по сословной замкнутости аристократов. И всё же Пётр I «мощною рукой [держал] кормило государства», после него «пигмеи спорили о наследии великана».

Новой преобразовательницей России стала Екатерина II, хотя в годы её просвещённого царствования в государственных учреждениях содержалось «более блеска, нежели основательности».

Надолго и прочно укоренил Н. М. Карамзин в отечественной историографии оценку царствования Павла I, который, по словам историка, «начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти» и тем самым подорвал престиж царской власти.

Концепцию самодержавия без тиранства Н. М. Карамзин пытался внушить и Николаю I. Потрясённый и возмущённый выступлением декабристов, этой «нелепой трагедией русских либералистов», как историк характеризовал восстание 1825 г., он, тем не менее, нашёл мужество обратиться к Николаю I с оправданием восставших, заявив царю, что «заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века». Впрочем, Николай, очень уважавший учёного, был уже человеком новой эпохи, далёкой от романтических сантиментов.

Незадолго до своей кончины Н. М. Карамзин писал: «Может быть я заблуждаюсь, но совесть моя спокойна. Любезное Отечество ни в чём не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не

унижая своей личности». Эти слова были ответом историка на спор, который возник вокруг его «Истории государства Российского» сразу после её выхода в свет. Спор был не случаен и вызван противоречиями во взглядах самого Карамзина, у которого республиканские симпатии сочетались с верноподданническим отношением к царю, порицание тиранства с осуждением реформ.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина завершает период становления отечественной исторической науки, ту его стадию, которая характеризовалась собиранием исторического материала и первыми попытками осмысления накопленного материала. Очень точно и афористично это выразил А. С. Пушкин: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец».

Критика Н. М. Карамзина. Николай Алексеевич Полевой

Уже многие современники, восхищаясь талантом Н. М. Карамзина, признавали в нём более литератора, нежели историка. Как отмечает В. А. Бердинских: «В прошлом Карамзин искал событий ярких, характеров героических, происшествий драматически-театральных. Писатель-художник побеждал в нём учёного». Многие ему эту слабость прощали, иные же принципиально не хотели видеть в «Истории государства Российского» работу, достойную представлять историческую науку. Среди самых непримиримых критиков Карамзина можно выделить *Николая Алексеевича Полевого* (1796 – 1846), которого иногда причисляют к «скептической школе», хотя в русской историографии у него был свой собственный путь.

Н. А. Полевой был сыном небогатого курского купца (родился 22 июня 1796 г. в Иркутске). В юношестве получил довольно беспорядочное и по большей части самостоятельное образование. Отец готовил его к коммерческой деятельности и сделал своим приказчиком, с 15-летнего возраста юноша ездил по торговым поручениям в Москву и Петербург. В Москве он прослушал несколько лекций М. Т. Каченовского, а к 1817 г. относятся уже первые литературные опыты самого Полевого, принёсшие ему новые знакомства с представителями тогдашней русской интеллигенции. После смерти своего отца в 1822 г. молодой человек переселился в Москву и больше уже не занимался торговыми делами, уйдя в журналистику и создав в 1825 г. один из самых блестящих журналов эпохи – «Московский телеграф».

В 1829 г. в «Московском телеграфе» Н. А. Полевой поместил статью «Об “Истории государства Российского” Карамзина», в которой

заявлял, что сочинение это устарело, что Карамзин был «литератор, философ, историк прошедшего века, прежнего, не нашего поколения», что «истинная идея истории не доступна Карамзину». Кстати, появление этой резко критической статьи в «Московском телеграфе» спровоцировало уход отсюда А. С. Пушкина и П. А. Вяземского.

В противовес «государственной» истории Н. М. Карамзина Н. А. Полевой задумал создать собственный исторический труд и даже объявил подписку на его двенадцать томов (опубликованными в конце концов оказались только шесть, в которых изложение доведено до взятия Иваном Грозным Казани). Свою работу, противопоставляя её «Истории государства Российского», Н. А. Полевой назвал «Историей русского народа», заявив в предисловии, что «...может быть только история российского народа, а не история русского государства». Впрочем, обосновывался такой подход ещё и тем, что история государства Российского, по мнению автора, начинается только со времени свержения монголо-татарского ига, а раз до этого государства не существовало, то говорить надо об истории народа. Стоит, однако, отметить, что от «государственной» трактовки русской истории творцу «народной» истории уйти так и не удалось.

Н. А. Полевой говорил о необходимости философского подхода к истории, заключавшегося в обосновании и раскрытии глубинных основ, определявших ход событий, противопоставляя такой подход Н. М. Карамзину, у которого история рассматривалась лишь как смена отдельных событий и отдельных государственных деятелей.

«Историю русского народа» Н. А. Полевой посвятил Бартольду Георгу Нибуру (немецкий историк-античник, новатор в области критики источника), назвав его «первым историком нашего века» и заодно причислив себя к поборникам критического источниковедения. Сам Полевой действительно лучше Карамзина разбирался в идеях передовых западноевропейских мыслителей XVIII – начала XIX в. Его «философия истории» гораздо богаче взглядов и идей официального историографа. Он говорил о единстве законов и путей исторического развития государств и народов, указывал на то, что все явления в истории составляют единую цепь, каждое из них имеет причину и следствие, по его мнению, развитие человеческого общества идёт вверх по спирали, не повторяя пройденное, но стремясь в своем развитии к новому и совершенному, и этот закон прогрессивного развития имеет всеобщий и обязательный характер для любого народа. Задачи историка Полевой усматривал в раскрытии одинаковых этапов развития России и западных стран («дух века») и в определении сущности каждого

народа («дух народа»). Если история человечества, по Полевому, есть борьба Востока и Запада, то Россия «образовала совершенно отдельный мир, нечто посредническое между Европой и Азией, самобытный с обликом Востока, но способный принять образование».

Методологические приёмы и конкретно-исторические выводы Н. А. Полевого во многом опережали время. Правда, свои идеи он излагал языком, который вряд ли был понятен любителям художественной карамзинской словесности, наверняка засыпавшим от его рассуждений о том, что «Прошедшее составляет историю предмета и в соображении с настоящим являет *жизнь предмета*, ведущую нас к познанию *форм и условий, по которым предмет существует в пространстве и времени*. Сообразив отношения сего производимого предмета к его производящему, находим *причину и закон явления*».

Связывая русскую историю с западноевропейской, Н. А. Полевой предложил собственную периодизацию отечественного прошлого:

- первый исторический период (862 – 1054) он считал «периодом норманнской феодальной истории» (понимая под феодализмом не способ производства, а государственную раздробленность);
- второй период (1055 – 1224) называл «феодализмом семейным» – начало ему положил Ярослав, раздавший русские земли своим сыновьям;
- третий период (1224 – 1505) наступил в результате монгольского завоевания и длился до смерти Ивана III, при котором Россия освободилась от ига и превратилась в государство;
- четвертый период – единой державы – продолжался до Петра I;
- пятый период начался с Петра Великого, когда наступила история России «как государства европейского»;

Таким образом, в своей периодизации Н. А. Полевой оказался весьма близок к тем традиционным схемам деления русской истории, которые присутствовали у его предшественников, хотя сам он и заявлял, что будет делить историю «не по княжениям, а по событиям». В этом отношении более интересным было предложенное им деление всей русской истории на три больших этапа: 1) древнерусская история, как история русского народа, а не государства, основание которому положили варяги (причём Полевой говорил не о призвании последних, а о завоевании славян варягами, которые мечами положили здесь основание общественным институтам); затем 2) история русского царства, которое начинается вместе с борьбой с татаро-монгольским нашествием; и 3) история империи, начиная с Петра I.

Большую роль в истории Н. А. Полевой отводил *Провидению* как двигателю исторических событий, что тоже новизной не блистало. Вслед за раскритикованным им Карамзиным Полевой сам с увлечением писал о княжениях и князьях, правда, часто давал отрицательные оценки тем персонажам, о которых положительно отзывался Карамзин.

Появление «Истории русского народа» в образованном обществе было встречено весьма враждебно – Н. А. Полевому не могли простить ни посвящения Нибуру, ни резких нападок на Карамзина. М. П. Погодин отмечал, что работу Полевого характеризуют «самохвалство, дерзость, невежество и шарлатанство», А. С. Пушкин считал «Историю русского народа» книгой, написанной «без смысла, без изысканий и безо всякой совести». Ходила даже довольно злая эпиграмма на Полевого:

*«Увы, российский наш Леклерк,
Упал, смутился и померк
За то, что посвятил Нибуру
Двенадцать книг. Чего? Сумбуру!»*

Однако, справедливости ради, говоря о Н. А. Полевом, стоит помнить слова П. Н. Милюкова, что «"Историю русского народа" больше читали, чем цитировали, поскольку считалось как бы неприличным её упоминать». Роль и место карамзинского оппонента в отечественной историографии точно установила А. Е. Шикло: «Полевой определяет историю как науку, как систему знаний, "пропитанную духом философии", построенную на едином теоретическом методе».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя дополнительную литературу, охарактеризуйте приёмы работы Н. М. Карамзина с историческими источниками.
2. Охарактеризуйте периодизацию отечественной истории, которой придерживался Н. М. Карамзин. Найдите в дополнительной литературе оценку периодизации отечественной истории у Н. М. Карамзина.
3. Найдите, что Н. М. Карамзин говорит в «Истории государства Российского» о варягах и призвании Рюрика. Что он говорит о развитии Руси к этому времени? Как историк оценивает принятие христианства?
4. Сравните методологический подход Н. А. Полевого к написанию истории с подходом Н. М. Карамзина.

ИСТОЧНИКИ

- Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений. М.;Л., 1966 (или другое издание).
- Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1829 – 1833. Т. 1-6. (или М., 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.
- Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785 – 1803). М., 1976.
- Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке историков. М., 1989.
- Лотман Ю. М.* Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина. М., 1957.
- Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. СПб., 2015.
- Николай Карамзин:* сб. статей. М., 1998.
- Николай Карамзин и исторические судьбы России: к 250-летию со дня рождения.* М., 2016.
- Сахаров А. Н.* Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Сухов А. Д.* Русские философствующие историки. М., 2016.
- Шикло А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981.
- Шикло А. Е.* Предчувствие истины: Н. А. Полевой // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Эйдельман Н. Я.* Последний летописец, или Две жизни Николая Карамзина. СПб., 2016.

Лекция 10.

Организация исторической науки в первой половине XIX в. Расширение источниковой базы и тематики исследований

Общее состояние исторической науки

Качественные изменения в исторической науке, которые происходят в XIX в., были бы невозможны без изменений в системе образования. И если в XVIII в. в России был лишь Петербургский университет при Академии наук, Московский университет и Академия художеств, то уже в первые годы XIX в. открылись Казанский, Харьковский, Юрьевский (Тартуский) и Виленский (затем переведённый в Киев) университеты – они были не только образовательными центрами, но являлись средоточиями научно-исследовательской работы. Появляются лицеи в Царском Селе, Нежине, Ярославле и Одессе.

Высшие учебные заведения становятся центрами научной жизни, большое значение приобретают возникающие при них научные общества. В 1804 г. образовалось Московское общество истории и древностей российских, членами которого, наряду с представителями Московского университета, были Н. М. Карамзин, А. Л. Шлёцер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин и др. С 1846 г. общество издавало периодический орган – «Чтения в Московском обществе истории и древностей», а также «Учёные записки Московского университета». В дальнейшем аналогичные научные общества были созданы в Казани (1805), Харькове (1817) и Одессе (1839).

Большое значение в развитии науки приобрело расширение издательской деятельности – книжной и особенно журнальной. Проблемы истории освещались не только в специальных изданиях («Чтениях»), но и в литературных журналах. Первый крупный литературный журнал в России XIX в. поначалу возглавлял Н. М. Карамзин, а затем М. Т. Каченовский – это был «Вестник Европы». Издателями журналов выступали М. П. Погодин («Московский вестник» и «Москвитянин»), Н. А. Полевой («Московский телеграф»), издателем «Телескопа» в 30-е гг. XIX в. был Н. И. Надеждин. Существенную роль в распространении исторических знаний сыграло начавшееся в 40-е гг. XIX в. издание «Губернских ведомостей», которые широко публиковали исторические материалы, главным образом из местной истории.

Расширение тематики и заметный рост количества научных и публицистических работ привели к оформлению специализированных исторических дисциплин: история экономики, права, языка и литературы, этнография, археология и т.д.

В первой половине XIX в. издаются крупнейшие историко-статистические труды – например, «Землеописание Российской империи» Е. Ф. Зябловского, в котором содержалась попытка дать сводную характеристику экономического развития России, или «Начертание статистики Российского государства» и «Статистические очерки России» крупного русского экономиста и статистика К. И. Арсеньева.

Историю права развивали в своих работах И. Ф. Г. Эверс, К. А. Неволин, Н. В. Калачов, И. Д. Беляев и Б. Н. Чичерин.

Одно из ведущих мест среди новых исторических дисциплин начинает занимать археология. Первоначально крупные работы по археологии развернулись на юге России, в Причерноморье, на территориях античной культуры (П. Дюбрюкс, И. А. Стемпковский). К началу 50-х гг. XIX в. относятся первые раскопки графа А. С. Уварова на территории Владимирской губернии. В 1846 г. был создан первый общероссийский центр по руководству археологическими работами – Императорское русское археологическое общество в Петербурге.

Значительное развитие в первой половине XIX в. получила русская этнография. Если в начале столетия она была связана, прежде всего, с деятельностью путешественников, изучением новых земель и описанием их населения, то во второй четверти XIX в. учёные-этнографы сосредоточилась на изучении памятников русского народного быта и народного творчества. Обширную деятельность по собиранию фольклорно-этнографического материала развернули И. П. Сахаров (песни и сказки русского народа), И. М. Снегирёв (пословицы), В. И. Даль, получивший широкую известность благодаря уникальному «Толковому словарю русского языка». В развитии русской фольклористики заметная роль принадлежала Ф. И. Буслаеву, А. Н. Афанасьеву, собирателям русских народных песен И. В. Киреевскому, А. Ф. Гильфердингу. Способствовало развитию этнографических знаний и созданное в 1845 г. Русское географическое общество, которое с 1853 г. выпускало специальные «Этнографические сборники».

Первыми серьёзными исследованиями по вопросам истории быта и материальной культуры стали работы В. В. Пассека «О городищах и курганах южной России», А. Н. Оленина «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян», И. Е. Забелина «До-

машний быт русских царей в XVI – XVII веках» и «Домашний быт русских цариц в XVI – XVII веках» и др.

Широкий размах в первой половине XIX в. получила работа в области археографии и источниковедения. Первым крупным научным центром в этой области явился кружок графа Николая Петровича Румянцева, стоявшего во главе МИДа в александровское царствование. Граф, большой любитель русской истории, был обладателем одного из ценнейших исторических собраний, содержавшего почти 28 тысяч книг, около 200 рукописей, многочисленные карты, монеты и медали (книжный фонд Румянцева лёг в основу нынешней Российской государственной библиотеки). В кружок Румянцева входили археографы К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, историк церкви Е. А. Болховитинов (митрополит Евгений), филолог-славист А. Х. Востоков и др. Деятельность кружка была ознаменована рядом ценных научных публикаций, среди которых выделяется капитальное издание – «Собрание государственных грамот и договоров», чей первый том увидел свет в 1813 г. В 1826 – 1834 гг. в двух частях вышел подготовленный П. М. Строевым «Софийский временник» – первое издание летописи, отвечающее научным требованиям XIX в.

В 1828 г. Академия Наук утвердила разработанный П. М. Строевым проект Археографической экспедиции, деятельность которой охватила 12 губерний и продолжалась до 1834 г. Собранная в результате её работы обширная коллекция рукописей привела к преобразованию Археографической экспедиции в Археографическую комиссию, открытую в 1837 г. Практическая деятельность Археографической комиссии развернулась по двум направлениям: 1) издание актов («Акты исторические» (5 томов и 12 томов Дополнений), «Акты юридические» и т.д.); 2) издание летописей: ещё в 1813 г. Н. П. Румянцева передал Академии Наук огромную сумму в 25 тыс. рублей на издание летописей, в 1814 г. первый том Полного собрания Русских летописей (ПСРЛ) был издан, а к 1863 г. было выпущено 15 томов, затем их количество было доведено до 21.

Благодаря деятельности Археографической комиссии было опубликовано и первое издание Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), имевшее крупное научное значение как собрание источников для разработки русской истории.

Дополняя общую характеристику развития исторической науки в первой половине XIX в., следует сказать, что именно в это время были заметно усовершенствованы приёмы работы с историческими источниками, начали разрабатываться некоторые вспомогательные

исторические дисциплины – палеография, дипломатика, сфрагистика и др. Именно в этот период оформляется и историография как самостоятельная отрасль исторической науки (А. Зинovieв, А. Фёдоров, А. Старчевский).

Методологические основы исторической науки в первой трети XIX века

В первой половине XIX в. на смену назидательным рассказам прежних историков, их склонности следовать стилю летописей и хроник, приходит критический метод работы с источниками и философское осмысление прошлого. «Наш век – век по преимуществу исторический, – писал В. Г. Белинский. – Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве... Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Новый этап в европейской историографии наступил после Великой Французской революции 1789 – 1794 гг. и был связан с разочарованием в просветительских надеждах на победу разума. На смену Просвещению пришел Романтизм, уверенность в том, что для изменения общества нужно распространять идеи добра, справедливости, научные знания, была поколеблена. Романтики решительно заменяли разум фантазией, логику – чувством, законы мышления – гениальными прозрениями, казалось, что с рационализмом просветителей было покончено, мир погрузился в «грусть по утраченному счастью» (определение В. Г. Белинского).

Романтическое направление в философии и историографии не было однородным – оно включало в себя и консерваторов, и либералов. Для философии эпохи романтизма характерно присутствие противоречивых подходов: *агностицизм* (направление в философии, считающее невозможным объективное познание окружающей действительности посредством собственного опыта), *позитивизм* (направление в методологии науки, объявляющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические исследования и отрицающее познавательную ценность философского исследования), *иррационализм* (направление в философии, предполагающее существование областей миропонимания, недоступных разуму и достижимых только через такие качества, как интуиция, чувство, инстинкт, откровения, вера и т.п.).

Консервативные романтики противопоставляли общественным идеями просветителей старые добрые феодальные устои, революционным преобразованиям – легитимизм, а критике религии – ортодоксальный католицизм. К примеру, *Франсуа Рене де Шатобриан* (1768 – 1848), выпустивший в 1802 г. трактат «Гений христианства», доказывал, что разум не способен правильно руководить действиями людей и им необходимо вернуться к авторитету веры, к папству, к идеальному прошлому.

В развитии исторической науки особенно большое значение сыграли французские историки-романтики периода Реставрации. Они не идеализировали средневековый политический строй и культуру, но и не отрицали огульно всего прошлого, а искали в нём корни современных им социальных институтов и идей. По их мнению, нужно рассматривать всё новое, как традиционно развивающееся из старого.

Из представителей историков этого романтического толка следует назвать *Франсуа Гизо* (1787 – 1874). Именно он ввёл в историографию понятие о трёх важнейших признаках *феодализма*: 1) условный характер земельной собственности; 2) слияние государственной власти с земельной собственностью (феодал – земельный собственник и государь для тех, кто сидит на этой земле); 3) иерархия землевладельцев (феодалная лестница). Эта характеристика феодализма получила широкое распространение в научной среде, в том числе и среди русских историков.

Если просветители пытались объяснить состояние общества законами, которые издавали правители, то романтики, наоборот, выводили правительственные законы из состояния общества, а изменения в его состоянии объясняли историческими обстоятельствами. Важнейшим из этих обстоятельств выдвигалась *классовая борьба*. «Отцом классовой борьбы» Карл Маркс называл *Огюстена Тьерри* (1795 – 1856). Правда, у романтиков-французов классовая борьба рассматривалась как результат произошедшего завоевания: борьба угнетённых галлов против завоевателей-франков продолжалась в течение 13 столетий, и кульминацией её можно считать революцию 1789 – 1794 гг.

В ходе классовой борьбы общество совершенствовалось, появлялись права и свободы граждан. Силой, которая вела общество по пути прогресса, было Провидение. Именно оно (или Бог) даёт народам «разное происхождение и разные судьбы» (Гизо), и сама «тайна истории заключается... в национальных исторических особенностях народа» (Тьерри). Не случайно под влиянием идей романтизма нача-

лось энергичное и плодотворное изучение обычаев, обрядов разных народов, песен, преданий и т.д.

Помимо французских романтиков первостепенную роль в развитии методологии исторической науки сыграли представители немецкой классической идеалистической философии.

Проблемами закономерного развития человечества и национальными особенностями исторического развития занимался **Фридрих Вильгельм Иозеф фон Шеллинг** (1775 – 1854). Он считал, что ход общественного развития человечества диктует Абсолют. Человек только думает, что действует в соответствии с целями, которые себе ставит. В действительности в человеческую свободу внедряется продиктованная Абсолютом необходимость. Человечество идёт по пути прогресса не по воле людей, а потому что по пути прогресса его ведёт Абсолют. Прогресс истории, по Шеллингу, состоит в постепенном продвижении к всемирному правовому строю.

Идеи о необходимости исторического прогресса, зависящего от Абсолюта, а не от желания исторической личности, а также идеи Шеллинга и романтиков о своеобразии истории разных народов в России получили особенно широкое распространение в 1820 – 1840-е гг.

Высшим достижением немецкой классической философии стало творчество **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля** (1770 – 1831). Великая заслуга которого, по словам Фридриха Энгельса, «состоит в том, что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития».

Одна из основополагающих идей историософии Гегеля состоит в том, что историческое развитие необходимо понимать как саморазвитие, как движение, происходящее по внутренним законам. Причём развитие «является движением вперёд от несовершенного к более совершенному, и несовершенство прошлой эпохи содержит в себе свою собственную противоположность» – совершенство будущей эпохи в зародыше, в стремлении.

В своей «Философии истории» Гегель делал попытку проследить закономерные этапы в развитии человечества, причём каждый из этих этапов связывался с историей определённого народа. Говоря о ходе всемирной истории, он писал: «Восток знал и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны. Итак, первая форма, которую

мы видим во всемирной истории, есть деспотизм, вторая – демократия и аристократия, третья – монархия».

Значение Гегеля в истории философии и в истории исторической науки определяется прежде всего его *диалектическим методом*. Для историков большой интерес представляли диалектические идеи всеобщей связи явлений, единства и борьбы противоположностей, как источника развития, закон перехода количества в качество, осуществляемый в виде скачка.

Таким образом, гегелевская философия вооружила национальные историографии двумя важнейшими идеями: во-первых, идеей внутренне обусловленного исторического процесса и, во-вторых, идеей государства, которое рассматривалось как естественно-необходимая и высшая форма социальной организации. По мысли Гегеля, всеобщая история начиналась лишь там, где возникало государство, и протекала лишь там, где существовала государственность. Что касается догосударственного развития человечества, его описание Гегель дал в «Философии права»: род и семья; гражданское общество и, наконец, государство – вот переходящие диалектически одна в другую закономерные стадии общественного развития в догосударственную эпоху.

Гегель был необычайно популярен у российской интеллектуальной молодежи 30-40-х гг. XIX в., им зачитывались, его имя служило паролем, открывавшим образованного человека. Философ вошёл в моду, хотя был не всегда и не всем понятен. С. М. Соловьёв писал: «Гегель кружил нам всем голову, хотя очень немногие читали самого Гегеля. Пользовались им из лекций молодых профессоров. И моя голова работала постоянно; схватив несколько фактов, я уже строил из них целое здание. Философия истории произвела на меня сильное впечатление».

Новые идеи в историографии первой половины XIX в. коснулись и проблем источниковедения. Показания источников в критических исследованиях стали проверяться общими соображениями об историческом этапе, к которому данные источники относились, хотя выводы о том, что могло и чего не могло происходить на разных этапах истории, часто носили субъективный характер. Огромное значение в переменах, произошедших в отношении историков к источникам, и в целом к написанию истории оказало такое философское течение, как позитивизм. Его создателями были *Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт* (1798 – 1857) и *Джон Стюарт Милль* (1806 – 1873), но широкое распространение позитивизм получает во второй половине XIX столетия благодаря трудам *Герберта Спенсера* (1820 – 1903) и *Инполита Тэна* (1828 – 1893).

Позитивизм – очень сложное явление, но можно выделить некоторые основополагающие принципы, важные для понимания истории с точки зрения его последователей: 1) Исторический процесс – многофакторное явление: на историю одновременно влияют экономические, политические, культурные, идеологические и другие составляющие общественной жизни; 2) Исторический процесс закономерен: реконструкция и изучение фактов позволяют установить закономерности; 3) История идёт по пути прогресса: от простого к сложному, от однородного к неоднородному; 4) История человечества есть отражение коллективного сознания. Позитивизм исключал божественное, чудесное, необъяснимое из исторического процесса, серьёзнейшим образом расширял проблематику и создавал культ источника. Подробнее разговор о позитивизме впереди, в темах по историографии второй половины XIX – начала XX вв.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте развитие специальных исторических дисциплин в России первой половины XIX в.
2. Пользуясь дополнительной литературой, охарактеризуйте развитие исторического образования в российских университетах первой половины XIX в.

ИСТОЧНИКИ

Тьерри О. Избранные сочинения. М., 1938.

Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель. Сочинения: В 14 т. М., 1953. Т. VIII.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

Володина Т. А. «Дилетанты» и «профессионалы»: к вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVIII – первой трети XIX в. // Отечественная история. 2003. №. 4.

Шикло А. Е. История русской исторической мысли последней трети XVIII – второй трети XIX в. в современной историографии // История СССР. 1987. №. 4.

Лекция 11.

Совершенствование работы с историческими источниками. Критическое направление и скептическая школа

Август Людвиг Шлёцер

Несмотря на то, что в России *Август Людвиг Шлёцер* (1735 – 1809) провёл всего лишь несколько лет, этот немецкий учёный-просветитель внёс ощутимый вклад в развитие русской историографии и особенно российского источниковедения. Шлёцер был выходцем из небогатой пасторской семьи в Германии. Он получил образование на богословском факультете в Виттенберге, а затем перебрался в Гёттинген – один из крупнейших центров германской науки того времени.

В Россию А. Л. Шлёцера забросил случай. Ещё будучи студентом Гёттингенского университета, он заинтересовался историей библейского Востока, для изучения которого собирался поехать в Палестину, но у него не было денег, заработать которые он решил в России и оттуда уже перебраться на Восток. Шлёцер написал письмо Миллеру и был приглашён им в 1761 г. в Петербург. Миллер предложил ему место домашнего учителя для своих детей и помощника по изданию исторического журнала при Академии Наук с жалованием 100 рублей в год, Шлёцер охотно согласился.

Остановившись у Г. Ф. Миллера, молодой учёный отметил про себя его отсталость от исторической науки на Западе, но в то же время поражался профессорскому трудолюбию и «неисчерпаемым богатствам сведений о России». Шлёцер имел право давать такие оценки – в Россию он приехал уже сформировавшимся исследователем, имевшим печатные научные труды, претендовавшие на самостоятельность. К тому же он был очень строг не только к другим, но и к себе, когда говорил, например, что «без истории древних европейских народов... без истории древней Швеции, без знания греческого языка (из-за византийских писателей), без знания Востока (из-за татарского периода в русской истории) и, наконец, без критического знания славянских языков – в русской истории делать нечего...». У Миллера Шлёцер долго не задержался, довольно быстро он сблизился с И. А. Таубертом – секретарём Академии Наук и врагом Миллера, и через него получил должность адъюнкта Академии.

Устроившись в России, А. Л. Шлёцер сразу же начал изучение русского и церковнославянского языков. Успехи его в этой области были настолько очевидны, что Екатерина II даже поручила ему в 1763 г. составить грамматику русского языка, что он и сделал, построив её на базе сравнительного языкознания. В ней он с полной серьёзностью утверждал, что слово «боярин» происходит от слова «баран» или «дурак», «князь» от немецкого «knecht» («холоп»), слово «дева» от немецкого «dieb» («вор») и т.д. Против этих измышлений Шлёцера бурно выступил М. В. Ломоносов, писавший по поводу упомянутой «Граматики»: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная до них скотина».

Между тем, А. Л. Шлёцер сосредоточился на изучении русских летописей. Он ознакомился с Повестью временных лет и заметил зависимость начальной летописи от византийских источников. Историк создал свою гипотезу, говорящую о том, что разночтения в разных летописных списках произошли главным образом из-за ошибок невежественных переписчиков. Исходя из этого, он определил свою цель – восстановить первоначальный текст «очищенного Нестора».

В 1764 г. А. Л. Шлёцер подал в Академию Наук план своей работы по русской истории. М. В. Ломоносов, не простивший ему издевательств над грамматикой и вообще недолюбливавший иностранцев, выступил против. Указывая на слабое знание Шлёцером русского языка, Ломоносов подчёркивал неуместность его просьбы о разрешении писать русскую историю. Особенно возмутило русского академика стремление немецкого коллеги использовать для этого материалы В. Н. Татищева, возражал Ломоносов и против разрешения Шлёцеру преподавать историю, аргументируя это тем, что «позорно было, когда природные Россияне принуждены были учиться разуметь Российския исторические книги у иноземца, который недавно при их глазах сам начал учиться по Российски...».

И все же А. Л. Шлёцер не бросил занятия российской историей. В 1764 г. он выпустил работу на латинском языке «Обзор русских древностей в свете греческих материалов» – свой первый опыт приложения к летописям методов филологического и сравнительно-исторического изучений. В это же время вышла и другая его работа, небольшой экскурс к летописному рассказу об Аскольде и Дире с критическим разбором этого известия и интерпретацией упомянутых событий путём сравнения их с данными иностранных исторических источников. Наконец, в 1765 г., несмотря на возмущение Ло-

моносова, Шлёцер был назначен профессором истории при Академии Наук.

Впрочем, неудовлетворённый своим положением в Санкт-Петербурге, он уехал в 1767 г. в Гёттингенский университет и в Петербург больше не вернулся, но занятия русской историей не прекратил. Более того, в письме к своему коллеге по Петербургской Академии, физику Францу Эпинусу, писал: «Русская история стала моим любимым занятием в такой степени, что я без колебаний решил заняться ею библейскую филологию».

При участии А. Л. Шлёцера был подготовлен к печати и издан ряд важнейших исторических источников: первый том Никоновской летописи, Русская Правда по Академическому списку Новгородской I летописи, Судебник 1550 г. Однако его роль в русской историографии определяется, прежде всего, источниковедческим анализом Повести временных лет. В 1768 г., уже в Германии Шлёцер издал «Опыт изучения русской летописи», основные положения этой работы он впоследствии развил в 3-томном исследовании «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличённые, переведённые и объяснённые А. Л. Шлёцером».

При работе с источником (летописью) учёный выделял три уровня критики:

1. «Малая (низшая) критика» – непосредственное восстановление текста первоисточника (Нестора), его очищение от позднейших наслоений. *Что Нестор писал действительно?* «Ему ли принадлежит такое-то слово, такая-то строка, такое-то целое место?» (путь: сличение всех имеющихся списков);

2. «Толкование текста» (грамматическая критика), т.е. установление истинного смысла, вложенного в него автором. Текст, по Шлёцеру, должен быть объяснён грамматически, «потому что в нём встречаются многие слова, которые уже стали непонятны для русских, и которых значение должно определять» *Что Нестор под сим разумел?*

3. «Высшая критика», основанная на здравом смысле и позволяющая отнести факты, содержащиеся в историческом сочинении к достоверным или недостоверным. *Правильна ли его мысль?*

Именно исходя из здравого смысла, А. Л. Шлёцер полагал, что период дикости длился у восточных славян вплоть до Рюрика, и люди, жившие тогда на Руси, не знали ни торговли, ни просвещения. Логические построения историка отвергали и возможность существования торгового пути из Варяг в Греки, и подлинность договоров Олега и Игоря с византийцами.

Учёный был убеждён в скандинавском происхождении имени Русь и говорил о значительной роли скандинавов в деле создания княжеского правления и распространения культуры у славян и их соседей. Цепочка рассуждений у него была следующей: первые настоящие руссы были не славянами, а шведами, но шведы себя руссами никогда не называли, это название объясняется тем, что местное славянское население пришло из Дакии, перемешалось здесь с финнами, которые давно знали шведов как морских разбойников и называли их «круотси», почему это имя для варягов и переняли славяне. Варяги пришли в Новгород из Швеции как вспомогательная наёмная военная сила, «хотя намерение призвать защитников от жестоких грабителей из сих же самых грабителей было странно и опасно», – писал Шлёцер. Потом, закрепившись здесь, они получили княжескую власть: «скандинавы или норманны основали русскую державу, в этом никто не сомневается». Сочинитель «Нестора» учёл замечание М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского о том, что в русский язык вошло мало слов скандинавского происхождения, и расценивал это как доказательство того, что варяги-скандинавы пришли на русскую землю в небольшом количестве и быстро растворились в местной среде.

В своих исторических изысканиях А. Л. Шлёцер не замыкался только на древнерусском периоде. То непродолжительное время, что он был в России, было использовано им, чтобы познать страну, познакомиться с её народом, хозяйством, внутренним устройством. Результатом этого стало издание в Германии в 1769-1772 гг. описания современной ему России под названием «Преображённая Россия» с представленной собственной периодизацией русского прошлого:

1. Рождающаяся Россия (862 – 1015 гг.) – с призвания Рюрика до смерти Владимира Святого;
2. Разделённая Россия (1015 – 1216 гг.);
3. Угнетённая Россия (1216 – княжение Ивана III) – с начала княжения Юрия Всеволодовича, при котором произошло татарское завоевание, до княжения Ивана III, при котором иго было свергнуто;
4. Побеждающая Россия (от Ивана III до Петра I);
5. Цветущая (Преображённая) Россия (с Петра I).

Место А. Л. Шлёцера в русской историографии определяется, главным образом, его отказом от отношения к историческому источнику как безусловно надёжному поставщику объективных сведений о прошлом, и тем источниковедческим методом, которым он вооружил русских историков для выявления истинного содержания древних манускриптов (не случайно его «Нестор» сразу же после публи-

кации в Германии был издан на русском языке). Особо ценным в методике Шлёцера было то, что он сопоставлял все доступные ему летописные списки, разбирал каждое слово, нуждавшееся в объяснении, сличал показания летописей с данными других источников. Однако в этом заключалась и серьёзная опасность «исправления» источника на нужный лад. В поисках «чистого Нестора» Шлёцер не учёл, что летописи имели разные источники, составлялись не одним автором и преследовали разные цели, так что «очищая» летопись, он зачастую искажал её.

Избежать ошибок всегда трудно тому, кто начинает новое дело. Не был исключением и А. Л. Шлёцер, но его как исследователя извиняет само понимание смысла труда историка. Он писал: «Сочиняйте, выдумывайте, мечтайте, пишите романы, но и называйте их романами: имя истории священо, не оскверняйте его!».

Иоганн Филипп Густав Эверс

Сын лифляндского помещика *Иоганн Филипп Густав Эверс* (1781 – 1830) получил образование в Гёттингенском университете. Он был учеником Августа Людвиг Шлёцера. В 1803 г. Эверс вернулся в Эстонию, поселился около Дерпта, поступил домашним учителем в семью местного ландрата и начал заниматься русской историей. В 1810 г. его назначили профессором русской истории Дерптского университета, а в 1818 г. он стал его ректором. В 1814 г. вышла первая научная работа Эверса – «Предварительные критические исследования для российской истории» (русский перевод 1825 г.).

Своё внимание И. Ф. Г. Эверс сосредоточил на древней истории Руси. В противовес взглядам Байера – Шлёцера, учёный поначалу искал родину руссов в Причерноморье (считая Хазарию Черноморской Русью), т.е. выступал как антинорманист. Развивая высказанные ранее идеи М. В. Ломоносова, он отстаивал ту точку зрения, что государство не есть результат единовременного призвания, оно возникло в силу внутреннего развития страны и, следовательно, не может быть выведено из иноземного завоевания: «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрика единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело».

В 1816 г. И. Ф. Г. Эверс выпустил большую работу общего характера «История руссов» (на немецком языке), в 1826 г. на немецком же вышла вторая его крупная работа – «Древнейшее русское право

в историческом его раскрытии» (русский перевод 1835 г.), где содержался анализ русско-византийских договоров, Русской Правды (прибегнув к текстологическому анализу, Эверс смог выделить в ней 3 части – Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Пространную Правду) и других юридических актов.

Внешне «История руссов» повторяла привычную схему описания прошлого по княжениям. Но политическая история княжений свелась у И. Ф. Г. Эверса к кратким справкам об основных событиях, а на первый план выступало изучение внутреннего состояния народа – история общественного развития. Поэтому и точкой отсчёта русской истории стало для учёного не призвание варягов и становление государства, а первое известное ему упоминание о славянах под 552 г.

В «Древнейшем праве» И. Ф. Г. Эверс раскрыл, как он сам писал, «на основании истории России постепенный ход права, возникшего из так называемого патриархального состояния гражданского общества». Процесс возникновения государства историк рисовал так: первоначальной ячейкой общества является семья (во главе с отцом, власть которого абсолютна и неколебима), с разрастанием семьи создается род, т.е. совокупность семей с господством патриархально-родовладыки. Совокупность родов образует народность – племя, а патриарх становится племенным вождём – князем. Распространение народности на определённой территории приводит далее к появлению государства – высшей формы общественного бытия. Таким образом, схема естественного перерастания патриархального состояния общества в государственное (семья – род – племя – государство) противопоставлялась привычному пониманию его появления как результата влияния внешних факторов.

Концепция вызревания государства из рода абсолютно новой идеи в себе не содержала (можно вспомнить В. Н. Татищева, который из расширения семьи выводил родовое сообщество, трансформирующееся затем в государство), но свой стройный и логичный вид родовая теория получила именно у И. Ф. Г. Эверса, вылившись в логичную формулу, что человеческое общество «развивается из семьи во главе с хозяином дома к роду со старейшиной, к племени с вождём и, наконец, к народности с правителем». Не случайно его считают родоначальником историко-юридической школы в России.

Сильная сторона концепции И. Ф. Г. Эверса заключалась в попытке раскрыть закономерный ход русской истории путём анализа её внутренних процессов. Исторические события Эверс рассматривал как «действия, соответствующие данному уровню исторического

развития». Отказываясь от внешней и модернизированной морально-политической оценки, историк неоднократно говорил, что в своей трактовке исторических событий он исходит из того правила, что «данный человек не потому мыслит так, что всякий человек так мыслит, а потому, что так мыслит человек данной эпохи». (Поэтому для Эверса казалось бессмысленным, например, осуждать князя Владимира за то, что он разделил Русскую землю между сыновьями, приведя её к раздробленности. Владимир вёл себя как человек своей эпохи и по-другому поступить просто не мог.)

И. Ф. Г. Эверс работал в то же время, что и Н. М. Карамзин, но его труды, написанные без прикрас, сдержанным тоном, чётко следующие источнику, лишённые нравоучительных наставлений и ярких характеристик исторических героев не привлекали к себе внимания широкой публики. Они с Карамзиным представляли два разных подхода к пониманию того, что должно из себя представлять историческое произведение. Впрочем, это не исключало взаимного уважения и интереса. Эверс писал о Карамзине: «всегда учусь у него нашей профессией», а Карамзин говорил, что «Эверс пишет умно, приятно, читаем его с истинным удовольствием... У него много удовлетворительных объяснений и счастливых мыслей».

Михаил Трофимович Каченовский. Скептическая школа в русской историографии

Михаил Трофимович Каченовский (1775 – 1842) родился 1 ноября 1775 г., он происходил из обрусевшей греческой семьи. В 13 лет окончил Харьковский коллегиум, был затем на гражданской и военной службе. В 1801 г. он получил место библиотекаря, а потом начальника личной канцелярии графа Алексея Кирилловича Разумовского. В 1806 г. Каченовский стал доктором философии, в 1811 г. – профессором изящных искусств и археологии (под которой тогда понималось изучение древних памятников письменности), в 1821 г. перешёл на кафедру истории, статистики и географии Русского государства в Московском университете, а с 1835 г. там же возглавил кафедру истории и литературы славянских народов.

В качестве своей главной научной задачи М. Т. Каченовский выдвигал критический разбор источников и установление достоверных фактов. Надо отметить, что исторические взгляды учёного складывались под влиянием идей Г. Ф. Миллера, И. Н. Болтина, А. Л. Шлёцера и Б. Г. Нибура. Труды последнего имели особое значение для развития

новых подходов к критике источника. *Бартольд Георг Нибур* (1776 – 1831) был выдающимся немецким историком античности, содержание любого источника он подвергал строгому разбору. Работу с источниками Нибур подразделял на две части: 1) аналитическая, т.е. отделение легенд от достоверных свидетельств; 2) синтетическая – восстановление реальной картины исторической жизни (не игнорируя и легенды, в которых можно найти отражение реальности).

Вооружившись новыми методами критики источников, М. Т. Каченовский в отношении к русскому летописанию пошёл дальше А. Л. Шлёцера, полагавшего, что Нестор, написавший древнейшую летопись, был правдив и нужно только очистить его текст от позднейших наслоений, Каченовский же считал, что многие сведения о древней Руси баснословны. Свои взгляды историк излагал на страницах «Вестника Европы», где работал с 1804 по 1830 гг., и в лекциях перед студентами Московского университета, причём, несмотря на то, что лектором он был тяжёлым, его курс пользовался у слушателей громадным успехом.

В своих ранних работах М. Т. Каченовский выступал вполне умеренным критиком. Например, в статье «Параллельные места в русских летописях» (1809) он выявлял появление вставок и пробелов в текстах летописей, сравнивая их друг с другом и иностранными источниками, а статью «Нестор. Русские летописи на Древнеславянском языке» (1811) его заставило написать появление анонимного панегирика в «Русском вестнике», настаивавшего на необходимости благоговейного, патриотического, религиозного подхода к труду Нестора. В своей публикации Каченовский отстаивал идею, что историк при обращении с источником должен руководствоваться здравым смыслом, а не ложным патриотизмом, заставляющим верить всему, что сказано у древних авторов.

В дальнейшем критический настрой М. Т. Каченовского усилился, превратив его в скептика по отношению к древнерусским источникам. Скептики вслед за Нибуrom исходили из разделения источниковедческого анализа на внешнюю и внутреннюю критику. *Внешняя (низшая) критика* включала палеографический, филологический и дипломатический анализ источника, «научала правильно читать и понимать», должна была восстанавливать документы в их подлинном виде. Но главная роль отводилась *критике внутренней (высшей)*, которая должна была «указать время сочинителя и назначить место самому событию, сообразуясь... с характером времени и положением писателя».

М. Т. Каченовский полагал, что народы, как и отдельные люди, проходят в своём развитии сначала младенческий возраст, затем юношеский и приходят к зрелости. Для древнейшей стадии характерны предания, фантазии, песни, самовозвеличивание, как писал Б. Г. Нибур: «народы отменно любят освящать свое младенчество сверхъестественными происшествиями, божественными предначертаниями или даже и одними лишь тёмными воспоминаниями о доблести и славе, которые как бы возвеличивают судьбу отечества». Это баснословие требует от историка умения отделять реально происходившие факты от вымысла: «рано или поздно настанет минута, в которую безжалостная критика, углубляясь в прошедшее, не устрасится уже таинственного мрака».

Переноса эти взгляды на русскую почву, М. Т. Каченовский пришёл к выводу, что весь Киевский период русской истории как раз и есть период баснословный, т.е. недостоверный. Свои идеи он обосновывал в 1818 – 1819 гг. в рецензии на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (статья «От киевского жителя к его другу»), которого упрекал в отсутствии научной критики источника, пристрастии к живописанию и морализаторству. Карамзин считал невозможным по сохранившимся источникам полностью восстановить историческую истину и, пользуясь этим тезисом, интерпретировал события, выбирая из летописей то, что соответствовало его политическим взглядам и историческим задачам. Каченовский же настаивал на «беспристрастном» исследовании, говорил о необходимости сбора всех документов, всех известий об интересующем событии, скрупулёзном исследовании и объяснении всех позднейших наслоений, имеющих в источнике для получения достоверной картины прошлого. Смелость антикарамзинских выступлений заключалась и в протесте против художественной манеры изложения, ведущей к мифологизированию истории и исторического сознания. Принципиальность критика, посягнувшего на любимца публики, очаровавшего петербургский бомонд русскими древностями, без ответа не осталась, некоторые знакомые даже перестали здороваться и общаться с Каченовским, напрасно видя в нём карамзинского врага.

Но М. Т. Каченовский воевал не с Н. М. Карамзиным, которого уважал как талантливого литератора, а с его домыслами и мифами. Он призывал оценивать достоверность факта, содержавшегося в том или ином древнем источнике, выясняя не только то, когда источник составлен (время его появления) и насколько он далеко отстоит от описываемых событий, но и то, насколько этот источник соответствует «духу времени». Для этого, по мнению Каченовского, надо посмо-

треть, как известия источника соотносятся с тем, что в это время происходит в соседних странах.

Поскольку сведения начальных русских летописей представлялись М. Т. Каченовскому вымышленными и ложными, он считал, что если очистить древнерусскую историю от всех сказок и басен, то она займет вместо тяжелых томов едва две сотни страниц. Эти мысли сохранились, например, в его работе 1833 г. «О баснословном времени в Российской истории». И вообще, истинная, т.е. достоверная русская история начинается только с XII – XIII вв.

Скептическое отношение к древнейшей русской истории учёный подкреплял конкретными примерами. Так, говоря об упоминавшихся в Русской Правде и других древних памятниках кожаных деньгах (статьи 1828 и 1835 гг.: «О белых лобках и куньих мордках», «О кожаных деньгах»), М. Т. Каченовский пришёл к заключению, что кожаных денег на Руси никогда не было, а «белые лобки и куньи мордки» – это названия серебряных монет. Вывод этот обосновывался тем, что если «белыми лобками» называли серебро из Германии, то проникнуть в Новгород через ганзейских купцов, по мнению Каченовского, эти деньги могли только в XIII в., следовательно, и сами источники, в которых они упоминаются, составлены не раньше указанного времени.

Для М. Т. Каченовского было очевидно, что «Русская Правда» является памятником XIII – XIV вв., поскольку само юридическое право было разработано на Западе и оттуда могло проникнуть в Новгород не раньше XIII – XIV вв. Раз до этого времени, делал вывод историк, в европейских городах не было ни законов, ни городских общин, которые могли издавать законы, то не было их и на Руси.

Несмотря на явные перегибы в скептическом отношении к древнерусскому прошлому, новый подход к критике источников оказался вполне продуктивным. Вокруг М. Т. Каченовского образовался целый кружок его единомышленников, так называемая «скептическая школа»: славист Осип Максимович Бодянский, археографы Яков Иванович Бередников и Павел Михайлович Строев, археолог Николай Никифорович Мурзакевич, влияние «скептической школы» можно видеть в творчестве Н. С. Арцыбашева, Н. В. Станкевича, К. Д. Кавелина, Н. А. Полевого и др. Скептики искали единые законы исторического процесса, в своих исследованиях широко применяли сравнительно-исторический метод.

Соратники М. Т. Каченовского выстроили своеобразную «иерархию» исторических источников, полагая на самых нижних её ступенях источники летописные, они считали самыми достоверными ве-

щественные памятники старины. Большой заслугой скептиков, несмотря на гиперкритицизм, снижавший научные достоинства их трудов, была забота об углублении критического отношения к источнику, о развитии исторического источниковедения и требования устанавливать факты, не считаясь с тем, соответствуют ли они политической конъюнктуре. Не случайно сам М. Т. Каченовский после одной лекции министра просвещения С. С. Уварова о славянской поэзии IV в. не постеснялся заявить правительственному лектору, что «тогда впопру было с медведями сражаться нашим праотцам, а не то что петь о самофракийских богах и самодержавном милосердии».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте приёмы работы А. Л. Шлёцера с русскими летописями. Найдите в дополнительной литературе оценку вклада А. Л. Шлёцера в развитие отечественной историографии.
2. Сравните схемы развития человеческого общества, предложенные В. Н. Татищевым и И. Ф. Г. Эверсом. Найдите в дополнительной литературе характеристику родовой теории И. Ф. Г. Эверса.
3. Охарактеризуйте приёмы работы М. Т. Каченовского с историческими источниками. Найдите в дополнительной литературе оценку вклада М. Т. Каченовского в развитие отечественной историографии.
4. Найдите в дополнительной литературе характеристику скептической школы в русской историографии.

ИСТОЧНИКИ

Каченовский М. Т. Нестор. Русские летописи на Древлеславянском языке // Вестник Европы. 1811. №. 18,19.

Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке / пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1809 – 1819.

Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. И. Платонова. СПб., 1835.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011.

Зеленов М. Г. Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII – XX вв. М., 1995. Вып. 1.

Кирева Р. А. Скептическая школа в русской историографической литературе дооктябрьского периода // Проблемы истории русского общественного движения и исторической мысли. М., 1981.

Черепнин Л. В. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII – начале XIX в. // Международные связи России в XVII – XVIII вв. М., 1966.

Шевцов В. И. Густав Эверс и русская историография // Вопросы истории. 1975. №. 3.

Шикло А. Е. Был ли Нестор?: Скептическая школа в русской историографии // Историки России XVIII – XX вв. М., 1996.

Шикло А. Е. Он заставлял думать над русскою историею: И. Ф. Г. Эверс // Историки России XVIII – XX вв. М., 1996.

Лекция 12.

Теория официальной народности. Исторические взгляды славянофилов

Теория официальной народности. Михаил Петрович Погодин

В 1840-е гг. в русской историографии оформляется направление исторической мысли, близкое к теории официальной народности. В 1832 г. товарищ министра образования Сергей Семёнович Уваров в своём отчёте Николаю I о ревизии Московского университета и провинциальных вузов писал: «в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления...» и для этого нужно соединить «образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубокими убеждениями и тёплой верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия, народности». Под народностью при этом понималось такое единение православной веры и монархической власти с народом, которое якобы существовало на Руси изначально, и теперь его нужно было просто привести в соответствие с реалиями настоящего времени.

Отчёт С. С. Уварова лёг в основание всей последующей политики Министерства народного просвещения (сам Уваров возглавил его в 1833 г.). То, что теория официальной народности пришлась ко двору николаевскому правительству, доказывают и слова шефа жандармов Александра Христофоровича Бенкендорфа, отмечавшего в одном из своих писем, что «прошлое России было удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана».

Самым крупным историком среди приверженцев теории официальной народности являлся *Михаил Петрович Погодин* (1800 – 1875). Он был сыном крепостного дворового человека графа И. П. Строгонова, родился 11 ноября 1800 г. От отца, по всей видимости, получил навыки житейской предприимчивости. В 1818 г. юноша поступил на словесное отделение Московского университета, где был прилежным и ровным студентом, аккуратным занимавшимся всеми предметами (в этой аккуратности таилась и некая практичность – Погодин, не избалованный лишними деньгами, за небольшую пла-

ту давал списывать своим нерадивым сокурсникам тщательно законспектированные лекции).

В 1824 г. он защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», посвятив её Н. М. Карамзину и внося заметный вклад в укрепление норманнских позиций в историографическом споре о происхождении русского государства. В 1835 г. М. П. Погодин возглавил кафедру русской истории, сменив на этом посту своего научного оппонента – М. Т. Каченовского, переведённого на кафедру истории и литературы славянских наречий. Хотя поначалу Погодин высоко оценивал «победоносное выступление» Каченовского в области критики источников и настороженно относился к Карамзину, упрекая его в «несообразности с здравым рассудком и естественным порядком вещей», но затем решительно разошёлся со скептиками. В вышедшей в 1839 г. работе «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» он опровергал гиперкритическое отношение скептиков к древнерусским летописям и Русской Правде.

Однако в российскую историографию М. П. Погодин вошёл, в первую очередь, не как источниковед (хотя он собрал обширное «Древлехранилище», включавшее в себя более тысячи грамот, более 200 образцов, около 2 000 древних монет, 20 старинных печатей, и именно ему принадлежит открытие «Первого слова Иллариона, митрополита Киевского» и сочинений И. Т. Посошкова), а как яркий сторонник уваровской триады и историк, главной идеей которого было то, что «российская история может сделаться хранилищем и блюстителем общественного спокойствия», поскольку «словене были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый» и они «всегда довольны своей участью».

В 1845 г. М. П. Погодин собрал все свои исторические работы и издал их в 7 томах под общим названием «Исследования, замечания и лекции Михаила Погодина о русской истории». В плане научной работы историк выступал сторонником так называемой «математической методы» – доказательства исторической достоверности по образцу математических теорем. В действительности математический метод Погодина отличался некоторой примитивностью – он просто выписывал из источников параллельные места и сопоставлял одно с другим, не делая никаких обобщающих выводов, занимаясь «сбором, очищением, распределением событий». Принцип такого подхода заключался в том, что «историк ничего не вносит от себя, он лишь суммирует то, что дано в источнике». Более того, начав с математического анализа, исследователь пришёл к признанию полной иррацио-

нальности исторического процесса, в котором всё направляется Провидением. «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, как российская... перст Божий ведёт нас!» – заключал учёный.

Для исторических взглядов М. П. Погодина было характерно сопоставление России и Запада. Первое и главное различие в их развитии для него заключалось в том, что на Западе государства возникают в результате завоевания и противоборства народов – галлов с франками, бриттов с норманнами, испанцев с вестготами и т.д., на Руси же государство возникло в результате добровольного призвания носителей государственной власти. Это призвание лежит в основе полного согласия и признания народом самодержавной власти государя.

Отсюда выводились и другие антитезы М. П. Погодина: христианство было введено на Западе мечом, в России – крестом, на Западе отмену привилегий аристократии осуществляла взбунтовавшаяся чернь, в России местничество уничтожено по велению царя и т.д. Сущность исторического прошлого и настоящего России, по Погодину, – «любовь и единение», а Европы – «вражда и рознь», всё это происходит от различий «физических» (природа) и «нравственных» (религия, образование, народный характер) условий их существования.

Вся история России у М. П. Погодина вновь превращалась в историю государства. Учёный выступает носителем «теории бродяжничества» русского народа, который, по его словам, живёт в рассеянном состоянии в суровых природных условиях, при этом князья, переезжая с места на место, тянут за собой бояр и отроков, а за теми уже кочует и крестьянское население. Отсюда слабость, «зыбкость» общественных отношений и та огромная роль государства, которое в условиях всеобщего движения остаётся единственной действующей и организующей силой в обществе.

Периодизация российской истории, которой придерживался М. П. Погодин, выводится из его работ. Представить её можно в следующем виде: во-первых, учёный выделял норманнский период, в ходе которого сначала складывается княжеская династия, а потом, где-то со времени Ярослава Мудрого, формируются государственные институты. Далее у него шёл период удельный (от кончины Ярослава до монгольского нашествия), когда князья одной династии боролись за первенство между собой. Потом наступило время образования Московского государства, причём историк практически не замечает влияния Орды на самобытное развитие Московской державы. Затем выделялась европейско-русская эпоха, особое значение в которой отводилось царствованию Петра I, ведшего Россию по традиционно-

национальному пути, но по направлению к Европе. Наконец, с Александра I эта «европеизация» заканчивается, и начинается период «первенства России в Европе».

Большое внимание М. П. Погодин уделял характеристикам исторических личностей, и часто его взгляды на монархов прошлого были неожиданными для сторонника теории официальной народности. Он, например, отказался делить царствование Грозного на два периода – до опричнины и после, в целом негативно относясь к Ивану IV, в котором видел слабого политика, не имевшего представления о государственных интересах и ничтожного человека. Оригинальностью отличались взгляды Погодина и на Петра I, реформы которого историк расценивал как скачкообразное выражение истинно русского пути развития и восхвалял царя-реформатора за то, что он, не переставая быть русским, с помощью иностранцев укрепил и просветил Россию.

Из других исторических идей М. П. Погодина следует отметить то, что он был сторонником безуказного учреждения крепостного права на Руси. Оно появилось по убеждению учёного не в результате какого-то царского указа, а вследствие длительного исторического процесса. Удаляя государство из процесса становления крепостничества, историк накануне отмены крепостного права стремился показать, что отмена крепостной системы – есть благодеяние государства, не причастного к тому злу и несправедливости, которые сложились по вине помещиков. Эти мысли изложены им в статье 1858 г. «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?».

К другим представителям официального направления в русской историографии первой половины XIX в. можно отнести *Николая Герасимовича Устрялова* (1805 – 1870), профессора Петербургского университета, автора 5-томного курса «Русской истории» и хвалебного «Исторического обозрения царствования государя императора Николая I». В 1858 – 1864 гг. он издал фундаментальную «Историю царствования Петра Великого», шесть томов которой содержали большое количество архивного материала. В научном подходе к изучению истории XVIII – XIX вв. Устрялова можно назвать одним из первоходцев.

Кроме того, он подготовил к изданию «Сказания князя Курбского» и «Сказания современников о Дмитрие Самозванце». Его же стараниями были составлены два кратких учебника для гимназий и реальных училищ, по которым училось русское юношество до 1860-х гг. К на-

писанию истории Н. Г. Устрялов подходил с прагматических позиций: для понимания постепенного развития общественной жизни необходимо «объяснение влияния одного события на другое, с указанием причин и следствий» и «изображение переходов гражданского общества из одного состояния в другое».

К историкам-охранителям относят обычно адъютанта М. И. Кутузова – *Александра Ивановича Михайловского-Данилевского* (1789 – 1848), издавшего верноподданническое «Описание Отечественной войны 1812 г.» и заслужившего прозвище «военный баснописец». Историком охранительного направления выступает и барон *Модест Андреевич Корф* (1800 – 1876) – сокурсник А. С. Пушкина по лицей («дьячок Мордан»), а впоследствии директор Публичной библиотеки и автор исторического панегирика «Восшествие на престол императора Николая I». По этой работе хлётко прошёлся А. И. Герцен, характеризуя её как отталкивающую «по своему тяжелому, татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобострастию и по своей уничижённой лести».

Надо отметить, что историки-охранители, несмотря на заслуги в области издания разнообразных источников по русской истории, довольно часто подвергались жёсткой критике со стороны своих современников за верноподданнические взгляды и настроения. Показательно, что В. О. Ключевский дал довольно жёсткую оценку вкладу в отечественную историографию М. П. Погодина, хотя тот в своё время пользовался большим авторитетом как учёный и публицист: «Трудные и важные вопросы нашей истории были зорко подмечены Погодиным – и ни один не был разрешён, даже не был как следует подготовлен к научному разрешению». Вспоминая своего старшего предшественника по университетской кафедре русской истории (М. П. Погодин уступил её С. М. Соловьёву, а того сменил В. О. Ключевский), новый глава московских историков говорил, явно не стремясь к беспристрастности: «Своим чутьём он схватывал смысл отдельных явлений, но ни этот смысл, схваченный ошупью, не развивался в научное положение, ни отдельные явления не складывались в последовательное, стройное историческое течение... Научный тезис у Погодина смахивал на догмат, требующий веры, но не дающий доказательств, ... говоря прямее, выходила историческая мифология или риторика, где фантастические образы заменены призрачными обобщениями, а действительные факты – более или менее удачными оборотами речи, маскирующими их непонимание или даже их незнание».

Исторические взгляды славянофилов

Славянофилов многое сближает со сторонниками теории официальной народности и, прежде всего, противопоставление истории России и Западной Европы. Однако, в отличие от М. П. Погодина, которого иногда считают основателем общинного направления в русской историографии, славянофилы не отождествляли народное начало с государственным, и во главе исторического развития ставили народ, а не государство, воплощённое в личности монарха. Они обращались к изучению внутренней жизни народа, в основном в плане исследования быта и народного творчества, разрабатывали вопросы фольклора и этнографии, что вообще было сильной стороной раннего славянофильства.

Проследить за формированием славянофильской концепции и разногласиями между ранними представителями этого направления довольно трудно, потому что их взгляды складывались в ходе дискуссий, происходивших чаще в гостиных, чем на страницах печати. К тому же многие славянофилы были по преимуществу философами, а не историками, они больше оказывали влияние на историописателей, нежели сами участвовали в процессе освещения отечественного прошлого. Тем не менее, имена и идеи некоторых из них необходимо упомянуть в курсе отечественной историографии.

Началом полемики между славянофилами и западниками, по мнению А. Н. Цамутали, может считаться выход в свет так называемого «Валуевского сборника». Это была, пожалуй, первая попытка славянофилов обосновать свои взгляды на русскую историю не в салонных кулуарах, а на страницах печати. В 1845 г. молодой историк *Дмитрий Александрович Валуев* (1820 – 1845) издал I том «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единомышленных». В предисловии к сборнику издатель рассуждал о том, что реформы Петра I, поведшие Россию по пути европеизации, прошли «со славою и блеском», поскольку для своего времени были необходимыми и прогрессивными, но теперь для русских наступает новая эпоха, и «от заимствований извне мы начинаем обращаться на самих себя». Чтобы лучше понять своё предназначение («к чему призваны»), русские должны обратиться к изучению собственных народных обычаев, вернуть авторитет православной веры, изучить историю славянского мира и по-новому понять историю западноевропейских стран.

Ранним проповедником славянофильских идей был *Алексей Степанович Хомяков* (1804 – 1860), человек блестящих дарований, ки-

пучей энергии и разносторонних интересов. В 1820 г., закончив домашнее образование, он сдал в Московском университете экзамен на степень кандидата математических наук, с 1822 по 1825 гг. служил в конно-гвардейском полку, в 1827 г. участвовал в освободительном движении греков против Турции.

А. С. Хомяков глубоко изучил творения отцов Церкви и прекрасно ориентировался в церковной истории. Церковью для Хомякова было только Православие, которое он противопоставлял католицизму и протестантизму. По его мнению, личность, чтобы раскрыть себя, должна быть связана с Церковью. Общее согласие в Церкви Хомяков называл Соборностью. По его мнению, духовный мир Запада пришёл к упадку и краху, грядущее обновление человечества возможно лишь через духовное торжество славянства и истинного православного христианства – в мирном обновлении цивилизации духовными средствами и заключалась, по Хомякову, тайна русского величия и мессианская роль России.

Надо отметить, что мыслитель не отвергал совершенно Запада, говорил, что Запад идёт к тем же целям, что и славянский мир, но более сложным, извилистым и длинным путем. Несколько покровительственное отношение к Европе проскальзывало у А. С. Хомякова и в совсем уж фантастическом высказывании о славянском происхождении англичан, поскольку последние производили на философа благоприятное впечатление своей религиозностью и устойчивостью бытовых традиций (т.е. имели абсолютно славянские черты) и вообще по имени своему англичане очень уж походили на славянских уличей (уличан).

С этими идеями А. С. Хомяков, известный поначалу больше как поэт, выступил в 1839 г., изложив их в статье «О старом и новом», которая была ответом на «Философические письма» *Петра Яковлевича Чаадаева* (1794 – 1856), остро поставившего перед обществом вопрос об оценке прошлого и будущего России. Хомяков вообще был «бойцом» славянофильства – по воспоминаниям А. И. Герцена, он всегда был готов к словесному поединку, спорил с кем попало и как попало: «забрасывал словами, осыпал островами и цитатами, пугал учёностью и заводил в лес, откуда без молитвы выйти нельзя».

А. С. Хомякова считал своим учителем *Юрий Фёдорович Самарин* (1819 – 1876), которому была близка мысль о том, что Православная церковь в истории России выступала гарантом её поступательного развития, вела страну по истинному пути. Впрочем, защитив в 1844 г. диссертацию по теме «Стефан Яворский и Феофан Прокопович»

вич», Самарин отошёл от занятий научной деятельностью, превратившись в чиновника, хотя взглядам своим не изменил.

Одновременно с А. С. Хомяковым зачинателем славянофильства выступил *Иван Васильевич Киреевский* (1806 – 1856). Его имение было всего в семи верстах от Оптиной Пустыни, владелец часто навещался к старцам и проникся глубокой верой. Не случайно на первом месте в его воззрениях также стояла идея Православия.

Наиболее полно концепция И. В. Киреевского изложена в статье «О характере просвещения в Европе и о его отношении к просвещению России» (1852). Противостояние России и Запада автор, вслед за Хомяковым, переводил в плоскость различия духовного начала: на Востоке оно заключалось в господстве мистико-созерцательного начала, основанного на чувстве, на Западе на первом месте находился разум, рассудочность, критицизм (так мистическая художественная культура Греции противостояла рассудочной и расчётливой культуре Рима). Начала сухой логики и недостаток сердечности стали свойством политической истории западных народов. Киреевский же, сближаясь с немецкими романтиками (Шеллинг), на первое место в истории возводил чувство и веру. Эти чувственные начала, проявляющиеся в общине и противостоящие рассудочности Запада, развивают Россию и славянство.

Кстати говоря, носителем славянофильских идей был и младший брат Ивана Васильевича – *Пётр Васильевич Киреевский* (1808 – 1856). Правда, по характеру он был более замкнутым человеком и прославился главным образом как собиратель народных песен, хотя у него можно выделить статью «О древней русской истории», написанную в плане антитезы России и Запада.

Одним из наиболее ярких пропагандистов славянофильских идей был *Константин Сергеевич Аксаков* (1817 – 1860) – «чистая, возвышенная душа», по определению Б. Н. Чичерина. Это был человек до того проникшийся национальным духом, что даже отрастил бороду и ходил в сапогах и красной русской рубаше (правда, по ехидному комментарию П. Я. Чаадаева, народ на улицах принимал его за персиянина).

Социально-политическая концепция К. С. Аксакова была довольно осторожной – среди современников сторонники подобных взглядов назывались «археологическими либералами». В статьях («Об основных началах русской истории», «О русской истории» и др.) он так определял функции народа и государства: «...неограниченная власть – Царю, полная свобода жизни и духа – народу; свобода действий и

законов – царю, свобода мысли и слова – народу». Отсюда – «два двигателя и условия во всей Русской истории: Земля и Государство».

Свою историческую концепцию К. С. Аксаков строил на глубинных, принципиальных различиях между началами жизни в России и на Западе:

Во-первых, это *община*. Изначальным институтом истории романских и германских народов является патриархальный род, изначально институтом в российской истории является семья и община. Община – то высшее истинное начало, которому уже «не предстоит найти нечто себя высшее, а предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться». Развитие русской истории – это постепенное расширение общины до пределов всего государства при одновременном сохранении малых деревенских общин.

Во-вторых, – *православие*. Истинно христианский дух свободы присущ только русскому православию, в отличие от Западного католицизма и протестантизма.

Наконец, *народ и государство*. Борьбе государства и народа, характерной для Запада, противостоит принцип единения царя и народа в России. На Западе шло поглощение народа государством при одновременном стремлении народа захватить государственные функции (отсюда конституции и революции), в России же Земля и Государство существовали раздельно и в гармонии. Высшая правда в России всегда принадлежит Государству, а внутренняя правда – Земле: «Русский народ, по преимуществу, есть народ негосударственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша властолюбия».

«Россия – страна совершенно самобытная», – писал К. С. Аксаков. Принципиальное отличие её истории от западной видно уже в факте создания Российского государства: до IX века у славян существовала безгосударственная форма общежития («земля» или «община»), однако внешняя опасность и «внутренние несовершенства» заставили славян «призвать на защиту государство». Аксаков уверял, что ничья история так не начиналась, только Русское государство возникло путём добровольного призвания варяжских князей, а у других народов оно возникло в результате завоевания. По словам мыслителя, «славяне не образуют из себя государство, они призывают его, ...не смешивают Землю и Государство, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой». После призвания князей народ и власть продолжали существовать как «отдельные, но дружественные союзные силы». Проявление древнерусско-

го общинного начала славянофилы видели в вечевом строе и земских соборах.

Поломал исконные начала русской исторической жизни Пётр I. По мнению К. С. Аксакова, Россия при Петре странно и насильственно покинула родную дорогу и примкнула к западной:

*«Вся Русь, вся жизнь ея доселе
Тобою призрена была,
И на твоём великом деле
Печать проклятия легла!»*

К. С. Аксаков предлагал проводить периодизацию русской истории по столицам: киевский, владимирский, московский и петербургский периоды. При этом три первые эпохи резко противопоставлялись последней, ведь именно при Петре «Государство совершает переворот, разрывает союз с Землей и подчиняет её себе». Этот последний период – искусственный, и Аксаков отказывался его признавать, говоря, что Москва не перестала быть столицей Земли и в 1812 г. доказала это, когда Государство обратилось к Земле за помощью и «Москва спасла и себя, и государство». В Москве начинается нравственное возрождение русского народа. «Славянофилы, – писал К. С. Аксаков, – думают, что должно воротиться *не к состоянию древней России* (это значило бы окаменение, застой), а к *пути древней России* (это значит движение). Где есть движение, где есть путь, там есть вперёд! Там слово “назад” не имеет смысла. Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперёд прежним путём, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный».

Отрицательное отношение к Петру I вообще становится визитной карточкой славянофильства, хотя и здесь были исключения – стоит вспомнить «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» Д. А. Валуева, выпущенный в 1845 г., где восхвалялось начатое со славой и блеском оружие Российского государства Петром I и то, что А. С. Хомяков называл петровские реформы «страшной, но благодетельной грозой».

Самым видным профессиональным историком, близким к славянофильским кругам, можно назвать **Ивана Дмитриевича Беляева** (1810 – 1873). Он был учеником М. П. Погодина и, по словам В. О. Ключевского, «одним из трудолюбивейших учёных и лучших знатоков архивного материала по истории русского законодательства». В 1852 г. его пригласили на кафедру истории русского законодательства в Мо-

сковский университет. Разрабатывая курс лекций по истории русского права, учёный исходил из того, что «связь между законом и внутренней исторической жизнью народа так неразрывна, что изучение законодательства не может быть вполне понятным без изучения внутренней жизни народа». Для историков-юристов такой интерес к народной жизни был, несомненно, редкостью.

Свою докторскую диссертацию И. Д. Беляев посвятил истории крестьянства. Работа «Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе» была им защищена в 1860 г. Большое внимание в ней уделялось вопросу о крепостном праве, эволюцию которого Беляев прослеживал от прикрепления крестьян к земле в конце XVI – XVII вв. к личному закрепощению в результате петровских реформ.

Отношение к крепостному праву у славянофилов было резко отрицательным. Тема крестьянства, помимо работ И. Д. Беляева, звучала в трудах *Александра Николаевича Попова* (1821 – 1877), опубликовавшего сборник документов под общим названием «Материалы для возмущения Стеньки Разина» и работу «Бунт Степана Разина». Впрочем, каких-либо особых оценок крестьянскому движению в них дано не было, поскольку славянофилы, по выражению Ивана Сергеевича Аксакова (брата Константина Сергеевича), придерживались той точки зрения на историю России, что «политических бунтов из-за желанья овладеть властью со стороны низших классов народа у неё никогда не бывало». И все эти крестьянские выступления (Смута, Разиновщина, Пугачевщина), проходившие, как правило, под прикрытием самозванцев, направлены были на возвращение власти истинному государю, если в представлении народа власть была незаконной.

Кроме крестьянской тематики И. Д. Беляева со славянофилами сближал интерес к земству. Написать исследования «Земские соборы на Руси» и «Судьбы земщины и земского начала на Руси» историка во многом побудил случай. Дело в том, что великая княгиня Елена Павловна обратилась с предложением выпустить книгу о «начатках представительских учреждений на Руси» к Юрию Фёдоровичу Самарину. Последний даже составил план будущей публикации, но из-за проблем со здоровьем приступить к его реализации так и не смог, переадресовав просьбу княгини И. Д. Беляеву, который и исполнил это поручение, изобразив в своих работах историю участия «русского народа в действиях правящей им власти» как постоянное взаимовлияние и соперничество земщины и государства.

Подводя итог разговору об исторических идеях славянофильства, можно сказать, что выделить в этом направлении общественной мысли какую-то единую концепцию русской истории чрезвычайно трудно. Славянофильство не было чётким, устоявшимся явлением в русской философии – оно предстаёт перед нами в постоянном развитии и, начинаясь в 1840-х гг., не исчезает в дальнейшем. Краеугольными камнями в идеологии славянофилов были отношение к православию, русской общине («Земле»), противопоставление Запада и России. Славянофилы не выработали единой исторической концепции, причём А. С. Хомяков вообще пришёл к выводу о бесперспективности исторических изысканий, поскольку «самый дух жизни целой семьи человеческой... неуловим для исследователя», его «можно чувствовать, угадывать, глубоко сознавать, но нельзя заключить в определения».

К несомненным заслугам историков-славянофилов можно отнести их выдающуюся роль в постановке вопросов славяноведения и создания истории славянских народов (работы Осипа Максимовича Бодянского, Александра Федоровича Гильфердинга, Павла Иосифовича Шафарика и др.). Большое значение приобрели труды по собиранию русских народных сказок, пословиц, преданий, обрядов, верований – расширенные под влиянием славянофильских идей. Наконец, как отмечает А. Л. Шапиро, «необходимо помнить, что славянофилы оказались первыми, кто открыл для науки и общественной мысли русскую мирскую общину», – именно в их трудах проблема общины была выдвинута в качестве связующего звена прошлого и будущего России, именно они дали мощный толчок к интенсивному изучению сельской общины.

Позднее славянофильство. Николай Яковлевич Данилевский

Николай Яковлевич Данилевский (1822 – 1885) родился 27 ноября 1822 г. в селе Оберец Орловской губернии, в дворянской семье. Первоначальное образование юноша получил дома, а в 1836 г. поступил в Царскосельский лицей, после которого решил продолжить обучение и в 1843 г. записался вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета. Работая над магистерской диссертацией по естествознанию, он не оставлял увлечения философией, входил в кружок М. В. Петрашевского, в 1848 г. был арестован, попал в Петропавловскую крепость, откуда его выслали на службу в Вологду, а потом перевели в Самарскую губернию.

Хотя Н. Я. Данилевский не был профессиональным историком, его работа «Россия и Европа» оказала значительное влияние на исследователей отечественного прошлого. В 1869 г. она печаталась в журнале «Заря», а в 1871 г. вышла отдельной книгой. В ней содержалась оригинальная концепция всемирно-исторического процесса. Автор отказывался от традиционного деления всемирной истории на эпоху древнего мира, период средних веков, новую и новейшую историю, видя в этом проявление неоправданного европоцентризма. По мнению Данилевского, однолинейного, эволюционного процесса в развитии человечества не существует, и речь нужно вести не о какой-то магистральной исторической дороге, а о культурно-исторических типах, порождающих в период своего расцвета цивилизации, учитывать, что все народы проходят стадии рождения, роста, цветения и увядания. Прогресс в развитии человечества «состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся».

Н. Я. Данилевский говорил о десяти культурно-исторических типах, выделяя в их развитии преимущественные аспекты религиозной, культурной, политической и общественно-экономической жизни: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассиро-вавилонско-финикийский, халдейский или древне-семитический; 4) индийский; 5) иранский – эти первые пять типов, по Данилевскому, носили смешанный характер, в них не выделялась ни одна из сторон человеческой жизни; 6) еврейский – на первом месте здесь стояла религиозная составляющая, поскольку происходит зарождение единобожия; 7) греческий – пример культурного преимущества; 8) римский – вариант преобладания политического аспекта; 9) ново-семитический, или арабийский – смешанный вариант религиозного и политического аспектов; 10) германо-романский, или европейский – основанный на религиозной и общественно-экономической базе.

Следующим культурно-историческим типом, по мнению Н. Я. Данилевского, мог бы стать славянский, который вновь соединит в себе все четыре основы. Но его становлению мешает враждебное отношение Запада к самостоятельному развитию славянского мира, стремление романо-германского мира к универсализации человеческой культуры по европейскому образцу. Поэтому, чтобы уцелеть и не потерять культурного своеобразия, славянский мир должен объединиться в федерацию со столицей в Константинополе, основой для которой может стать мощная российская государственность. «... Для всякого славя-

нина, – писал Данилевский, – русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без её осуществления».

Теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского восприняли историки самых разных школ и направлений, её отзвуки прослеживаются в трудах крупнейших специалистов – В. О. Ключевского, говорившего, что «по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах, раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени» и К. Н. Бестужева-Рюмина, считавшего автора теории гениальным человеком и убеждавшего студентов на своих лекциях в том, что «нет единой, спасительной, вечной цивилизации».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите, как М. П. Погодин в своих трудах оценивает следующие сюжеты из русской истории: - призвание варягов; - крещение Руси; - раздробленность русских земель.
2. Охарактеризуйте взгляды славянофилов на государственную власть и религию в России, проиллюстрируйте это цитатами из их произведений.
3. Что И. Д. Беляев понимает под «земщиной», как он оценивает роль Земских соборов в истории России?
4. Как Н. Я. Данилевский оценивал характер славянской религиозности и способность славян к государственности? Что он говорил о характере социальных конфликтов в России?

ИСТОЧНИКИ

Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009.

Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999.

Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2015.

Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т.1-7. 1846 – 1856.

Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. В 2 т. СПб., 2013.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Благова Т. И.* Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.
- Вакулина Е. Н.* Исторические взгляды И. Д. Беляева. М., 1990.
- Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
- Дурновцев В. И., Бачинин А. Н.* Разъяснять явления русской жизни из неё самой: М. П. Погодин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Лантева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
- Сайтанов С. В.* Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского в критическом рассмотрении. М., 2014.
- Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999.
- Цимбаев Н. И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века: в помощь студенту-историку. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
- Шикло А. Е.* История русской исторической мысли последней трети XVIII – второй трети XIX в. в современной историографии // История СССР. 1987. №. 4.

Лекция 13.

Западники. Оформление «государственной школы» в русской историографии

Как отмечал в своём курсе «Русской историографии» Г. В. Вернадский – «славянофильское течение оказало значительное влияние на развитие общественного мнения в России, но это было мировоззрение меньшинства. Большинство русской интеллигенции середины XIX в. были западники».

В русской историографии в середине XIX в. сложилось особое направление, называемое *государственной школой*, или историко-юридическим течением. Сущность этого направления была в том, что в центре его интересов находилась государственная власть как венец творения, высшая и последняя цель общественного развития.

При наличии существенных расхождений в конкретном освещении русской истории представителей государственной школы объединяла идея восхождения исторического процесса от рода к государству. В основе этой идеи лежала гегелевская философия, согласно которой «объективный дух», став «нравственным духом», проходит в своем развитии три стадии: первая – семья, основанная на природном чувстве, вторая – гражданское общество, третья – государство, в котором «воплощаются сознание и воля народа, как единого целого».

К основателям государственной школы русской истории относят Константина Дмитриевича Кавелина и Бориса Николаевича Чичерина, кроме них к ярким представителям нового направления в русской историографии обычно причисляют и профессоров Московского университета Тимофея Николаевича Грановского, Петра Николаевича Кудрявцева и Сергея Михайловича Соловьёва.

Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев были профессорами всеобщей истории в Московском университете, их влияние на историографию русской истории скорее личностное, чем тематическое. На лекции *Тимофея Николаевича Грановского* (1813 – 1855), пришепетывавшего, читавшего тихим голосом, собиралось прогрессивное студенчество и интеллигенция чуть ли не со всей Москвы. А. И. Герцен писал, что в эпоху николаевской реакции, «встречая Грановского на кафедре, становилось легче на душе. “Не всё ещё погибло, если он продолжает свою речь”, – думал каждый и легче дышал». Это же подчеркивал и Н. Г. Чернышевский: «Всё, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединялось вокруг него».

Исходный тезис Т. Н. Грановского в понимании исторического процесса состоял в том, что воплощением абсолютного духа является народ – основная сила исторического развития. Абсолют обнаруживается в виде «духа народного». Особое проявление дух народа находится в двух сферах исторической жизни – в государстве и церкви. Государство, освящаемое религией, как наивысшее проявление народного духа, превращалось в исторической схеме Грановского в своего рода цель исторической деятельности народа.

Константин Дмитриевич Кавелин

Обоснование теоретических принципов государственной школы в применении к русской истории можно найти у **Константина Дмитриевича Кавелина** (1818 – 1885). Он был выходцем из рязанских дворян, родился 4 ноября 1818 г. В 1827 г. Кавелины переехали в Москву, причём домашним учителем к Константину был приглашён Виссарион Григорьевич Белинский. И хотя, по воспоминаниям самого Кавелина, учил его Белинский плохо: «предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я юноша умный и с учебником справлюсь сам», но именно благодаря этому учителю «вообще отрицательное отношение ко всей окружающей меня действительности – социальной, религиозной и политической... во мне засело, хотя в очень наивной, неопределённой и мечтательной форме».

После учёбы в Московском университете основной специальностью К. Д. Кавелина стало гражданское право и судопроизводство, в 1844 г. он защитил магистерскую диссертацию «Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» и был оставлен в должности адъюнкта на кафедре истории русского законодательства. С 1844 по 1848 гг. молодой учёный читал лекции по истории русского права в Московском университете, затем оставил его и уехал в Петербург, работал в Министерстве внутренних дел, в Штабе военно-учебных заведений. В 1857 г. его пригласили на кафедру гражданского права в Петербургский университет, но в 1861 г. после студенческих волнений он ушёл оттуда и на два года уехал за границу, изучать европейские университеты. В 1864 г. Кавелин устроился юрисконсультантом в министерство финансов, наконец, в 1878 г. получил кафедру гражданского права в военно-юридической академии и вновь вернулся к преподаванию.

Специалистом-историком, как видно из его образования и деятельности, К. Д. Кавелин не был и обращался поэтому не к углубленно-

му изучению конкретных тем, а скорее к теоретическим построениям, философским рассуждениям о русской истории. Это сказалось на характере его статей: «Взгляд на юридический быт древней Руси» (1846), «Краткий взгляд на русскую историю» (1864), «Мысли и заметки о русской истории» (1866) и т.д. Первая из упомянутых работ Кавелина появилась одновременно с ранними сочинениями С. М. Соловьёва и в ряде положений близко примыкала к его исторической концепции.

Весь процесс исторического развития К. Д. Кавелин сводил к трём этапам: первый характеризовался господством родовых отношений; второй – вотчинными отношениями; третий – государственными. Согласно этой схеме, распад кровно-родственного начала на Руси вёл непосредственно, в силу внутреннего развития, к созданию территориальной общины и вотчинного владения, устранению внешнего вмешательства варяжской дружины – таким образом создавалась «естественная преемственность быта юридического после родового». Подобным же способом в дальнейшем, в процессе последовательного собирания земель «образовалась огромная вотчина» – Московское государство. Уже при Иване III и Иване Грозном «из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство», но окончательно «победа государства» была связана с «великой реформой Петра».

Итак, кавелинская схема развития России от рода к государству представляет собой 4 ступени: 1) род и община (общее владение): до образования Киевской Руси; 2) семья и вотчина (частное владение): время, когда династия Рюриковичей (семья) сообща владеет Русской землей, но затем она распадается на отдельные семейные вотчины, которые вновь собираются в Московское государство – новую единую вотчину Рюриковичей (этот пример наглядно иллюстрировал философский закон отрицания отрицания); 3) государство и зачатки личности: время Московского царства; 4) петровские реформы и начало личности.

Из исторических деятелей русского прошлого особое внимание К. Д. Кавелин уделял Ивану IV и Петру I, причём оценка Грозного была далека от осуждения этого царя – учёный сочувствовал его планомерной борьбе с боярством за утверждение самодержавия, за идею государства. Сопоставляя Ивана Грозного с Петром, Кавелин писал: «...оба равно живо осознавали идею государства и были благороднейшими, достойнейшими её представителями; но Иоанн осознавал её как поэт, Пётр Великий – как человек по преимуществу практический». Образование государства было важнейшим событием русской

истории, это не просто результат естественного и закономерного развития общества, это воплощение нравственной силы русского народа.

Наряду с признанием закономерности исторического развития России, выраженной в истории государства, у К. Д. Кавелина сложилась идея самобытности русской жизни, он подчеркивал «глубокое, совершенное различие», решительное противопоставление истории России и истории западноевропейских стран, в которых нет «ни одной черты сходной и много противоположных». На Руси, не имевшей устоявшихся самостоятельных общественных и культурных форм, место национальности, народности заняло православие. Церковь у россиян превратилась в учреждение, организующее государственные и политические формы, под её влиянием сформировалось и окрепло русское национальное самосознание. Русская история – это история самобытного европейского государства, которое было таким до реформ Петра I и осталось после них. «Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде – русскими славянами». Эти идеи сближали Кавелина со славянофильством. Вместе с тем, он относил Россию к европейской цивилизации, с которой её роднит христианская религия, говорил о необходимости европеизации и реформирования страны.

По К. Д. Кавелину, «Россия – мужицкое царство... Народные массы у нас не сформировались ещё, не осели, они в периоде формирования. Это какая-то этнографическая протоплазма, калужское тесто». В такой ситуации движущей силой истории может являться только государство, и кроме сильной монархической власти иной власти в России быть не может. «Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства», он естественный хозяин земли, а все остальные его чада и холопы. Монарх должен заботиться о благе народа, в ответ на это народ должен служить государству – так на Руси сложилось всеобщее крепостное право. Но оно устанавливалось не насилием, а общим осознанием необходимости нести каждому своё тягло – на земле, в ратном деле, в ремесле или торговле. Крепостное право стало перерождаться в право владения людьми, т.е. в рабство, в XVIII в., что послужило основанием для его отмены. Этот процесс начался со второй половины XVIII столетия – сначала были освобождены от обязательной службы дворяне, потом гражданские права стали распространяться на духовенство, купечество, казённых крестьян, теперь настал черёд помещичьих – так у Кавелина выглядела теория закрепощения и раскрепощения сословий.

Своими статьями по русской истории К. Д. Кавелин не столько давал ответы, сколько ставил новые вопросы: «Где ключ к правильному взгляду на русскую историю?» – спрашивал он. – Ответ простой. Не в невозможном отвлечённом мышлении, не в почти бесплодном сравнении с историей других народов, а в нас самих, в нашем внутреннем быте».

Борис Николаевич Чичерин

Борис Николаевич Чичерин (1828 – 1904) родился 26 мая 1828 г. Он происходил из старинного состоятельного дворянского рода Тамбовской губернии, в детстве получил хорошее домашнее образование и затем поступил в Московский университет, где слушал лекции Т. Н. Грановского и К. Д. Кавелина. В 1861 г. Чичерин был назначен профессором Московского университета по кафедре истории русского права – он слыл отличным преподавателем, мастером чётко и ясно излагать мысли. В 1868 г. Чичерин, однако, ушёл из университета. В 1881 г. его избрали московским городским головой, но после публичной речи, произнесенной свежееиспечённым чиновником в 1883 г., где он указал на необходимость увенчать здание земского и городского самоуправления народным представительством, Александр III удалил его с занимаемой должности. После этого Чичерин жил то в своем Тамбовском имении, то в Москве, неизменно принимая активное участие в земской деятельности.

Основные работы Б. Н. Чичерина в области русской истории относятся к периоду 1856 – 1866 гг. В 1857 г. была издана его диссертация «Областные учреждения в России в XVII в.», серия статей вышла в сборнике «Опыты по истории русского права» (1858). Наконец, в работе «О народном представительстве» (1866) Чичерин представил свои взгляды на Земские соборы в России, вылившиеся в законченную особую концепцию государственной школы о русском историческом процессе.

По философским убеждениям Б. Н. Чичерин был, пожалуй, одним из самых видных русских гегельянцев. А. Л. Шапиро даже приводит эпиграмму, написанную, по его словам, в адрес Чичерина:

*«В тарантасе, в телеге ли,
Еду ночью из Брянска я,
Всё о нем, всё о Гегеле
Моя дума дворянская»*

Особенно близка была Б. Н. Чичерину гегелевская идея о государстве как высшей ступени общественного развития. «Государство, – писал он, – призвано к осуществлению верховных начал человеческой жизни, оно как самостоятельное лицо играет всемирно-историческую роль, участвует в решении судеб человечества». При этом в России, по мнению историка, «государство организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан».

В соответствии с этим в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» (1858) Б. Н. Чичерин именно князьям отводил исключительную созидательную роль в русской истории: «князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретённое ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно целое разрозненные части».

С самого начала Б. Н. Чичерин противопоставляет князя народу, договорной характер княжеских отношений, вышедший из дружинной организации, – родовому строю народной жизни. Установление княжеской власти явилось источником нового общественного порядка, основанного на вотчинных владельческих правах князя. Вотчинный же период противопоставлялся государственному, начало которого относилось к эпохе Петра I.

В своём развитии Россия проходит те же стадии, что и остальное человечество: кровнородственный патриархальный быт, гражданское общество, основанное на свободе личности и частном праве, и, наконец, государственную стадию как высшую форму общественного союза.

Историю становления русского государства и его эволюцию Б. Н. Чичерин объяснял почти исключительно действиями внешних сил: переход от родового строя к вотчинному выводился им из варяжского завоевания (именно завоевания!), которое привело к ликвидации родовых отношений и первоначальной вольной общины, внесло в русскую жизнь дружинное начало и выдвинуло на первый план имущественные интересы знати, что повлекло за собой усобицы удельной системы. Затем татарское владычество «...способствовало установлению единой, сильной, центральной власти, без которой русское общество не могло обойтись». Наконец, петровские преобразования также были вызваны внешним влиянием западноевропейской культуры. Таким образом, государство в России «организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан».

Для Западной Европы Б. Н. Чичерин оставлял закономерное развитие общества, которое само строит своё государство и остаётся основной движущей силой, в России же исторические процессы отвечают иным законам – сила государства здесь коренится в слабости народных сил, которую учёный оправдывал «теорией бродячей Руси», схожей в основных своих чертах с теми идеями, что высказывал М. П. Погодин. В русской истории крестьяне и торговые люди непрестанно двигались с места на место, бояре переходили от одного князя к другому, не создавая тем самым родовых гнёзд и феодальных замков, как это было у западноевропейской аристократии; наконец, русские князья в течение столетий тоже находились в непрерывном движении. Фактором, способствовавшим этому всеобщему разъединению и кочевью на Руси, были её огромные пространства и малочисленность населения. Остановить российское брожение могла только государственная власть, поэтому образование государства, по Чичерину, – «поворотная точка русской истории».

Шаткость общественных отношений привела к тому, что сословия на Руси не сложились должным образом. Б. Н. Чичерин вообще говорил, что «союзное начало» характерно главным образом для Западной Европы, а не для России: там люди соединялись в прочные союзы, образовывали сословия; эти сословия представляли общественное начало, противостоящее королевской власти, они вступали с ней в договорные отношения, определявшие и ограничивавшие государственную власть; у нас же «одиночные блуждающие лица, ...затерянные в необозримом пространстве, продолжали выступать изолированно», поэтому «сословия не могли получить такой определённости, как на Западе».

Наличие вольных общин Новгорода и Пскова, по мнению Б. Н. Чичерина, «служит доказательством, что начала права и политической свободы не были чужды русскому обществу», но «вожатаем всего исторического развития народной жизни» сделалась в России монархия. Первыми от «всеобщего брожения» освободились князья, осели и, покорив кочующие элементы, начали строительство государства.

Создав государство, монархия наложила на сословия специальные обязанности, таким образом государство превратило вольных людей в крепостных. В своих построениях Б. Н. Чичерин следует теории закрепощения и раскрепощения сословий русским государством в общих интересах, согласно которой государство создало сословия и закрепило их, а затем, когда надобность в пожизненной службе отпала, стало раскрепощать.

Закрепощение сословий государством Б. Н. Чичерин обосновывал главным образом необходимостью напряжения всех сил народа для преодоления неустроенности, междоусобиц, анархии, личного произвола и бесправия, характерного для вотчинной Руси. Кстати, обращаясь к вопросу о закрепощении крестьянства, учёный поддерживал идею о его указном происхождении. Историк считал, что указ о закрепощении всё же существовал и относился к 1592 г., поскольку в 1597 г. появился указ об «урочных летах» (праве сыска беглых крестьян, бежавших за последние 5 лет), значит, за отправную точку был взят 1592 г.

Прикрепление крестьян к земле и к тяглу, вместе с прикреплением служилого сословия к службе государству шло в русле развития общественных сил и государственного строя на Руси. Однако юная государственная власть «не могла обойтись без содействия общественных сил». Поэтому она со времён Ивана Грозного старается опереться на содействие земли, т.е. на Земские соборы. При этом сами Земские соборы ни в коей мере не являлись органом, противостоящим правительству, и были созданы «действием сверху, вследствие потребностей государства».

К XVIII в. Россия созрела для ликвидации пережитков родовых и гражданских отношений (исходя из той точки зрения, что история народа проходит через три закономерных этапа развития: кровнородственный союз, гражданское общество и государство), к вступлению на путь правильных государственных форм, к просвещению и юридической стройности. Поэтому для Б. Н. Чичерина понятна была огромная роль Петра I в русской истории, этого «великого зодчего, которому суждено было осуществить настоятельные требования общества, озарить светом разума деятельность государства, собрать рассыпанную храмину в единое стройное здание». Но освобождение сословий началось не с Петра, а во второй половине XVIII в. и с высшего сословия – дворянства.

В оценке Петра Б. Н. Чичерин как западник расходился во мнениях с большинством славянофилов. Другой вопрос, по которому этот историк государственной школы вступил в полемику со славянофильством, касался общины. Чичерин опровергал мнение об общине как специфическом русском явлении, он показал, что той же территориальной общиной являлась, например, германская марка. Кроме того, учёный говорил о необходимости различать русскую крестьянскую общину XIX в. и общину древней Руси. Правда, Чичерин имел в виду не эволюцию общины, а говорил о «разных» об-

щинах, характерных для определённых этапов исторического развития России. Сначала, по его словам, была *патриархальная община*, которая «образовывалась сама собой из естественного союза людей»; затем существовала *вотчинная община*, устроенная правительством для облегчения получения тягла; наконец, появляется *община государственная*, созданная государством и отличавшаяся круговой порукой, фискальными функциями и земельными переделами. Так что, делал вывод Чичерин, «везде чувствуется присутствие государственного элемента, определяющего все основы общинного быта».

Завершая разговор о Б. Н. Чичерине, можно отметить, что если его учитель и коллега К. Д. Кавелин был историком-публицистом, то самого Чичерина можно назвать теоретиком-систематиком. По характеристике А. Л. Шапиро, он был не только самым последовательным гегельянцем, но и главным представителем юридической школы, для которого эволюция страны заключалась в эволюции права, и, наконец, главным и наиболее последовательным адептом государственной теории в русской истории.

«Второе поколение» государственников

Ко «второму поколению» государственников можно отнести историков этой школы, творивших в 1860 – 1890-х гг. В центре их внимания оставались вопросы развития государственной власти, государственных учреждений, развитие законодательства и правовых норм, что, по их убеждению, определяло все стороны общественной жизни с момента возникновения государства.

Из представителей историко-юридической школы второй половины XIX в. следует упомянуть профессора кафедры истории русского права Петербургского университета **Василия Ивановича Сергеевича** (1832 – 1910), создавшего, в частности, магистерскую диссертацию «Вече и князь» (1867) и 3-томный труд «Древности русского права», отличавшийся четкой систематизацией и группировкой собранного материала по каждому рассматриваемому вопросу, вроде категорий населения, вечевых порядков, княжеской власти и т.п. Работы Сергеевича подчёркивали роль договорного начала в историческом процессе – именно в результате договора между князем и вечем, по мнению историка, на Руси возникло государство. Договорным началом был проникнут весь государственный быт, им же определялись и отношения между князьями.

В. И. Сергеевич, как и К. Д. Кавелин, и Б. Н. Чичерин, придерживался схемы развития общественных отношений от кровнородственных к племенным (территориально-соседским, гражданским), а от них – к государственным, но господство родовых отношений относил к дописьменной («доисторической») эпохе, т.е., в применении к истории Руси, ко времени до IX – X вв.; затем между X и XIV – XV вв. наступает период господства личной воли и частного права (из-за господства частного, а не общего публичного права на Руси не было и какого-либо определённого порядка замещения княжеских столов, которые не наследовались, а «добывались», по словам историка). Естественным последствием такого порядка являлась раздробленность. Общее публичное право и, как следствие, ликвидация господства личной воли и сосредоточение власти в руках монарха, разделение населения на сословия и создание единого государственного тела, – такой порядок складывается в России с XV в., т.е. наступает государственный период.

Последователем государственной школы являлся и *Александр Дмитриевич Градовский* (1841 – 1889). Он окончил Харьковский университет, защитил магистерскую диссертацию в Петербурге, после защиты докторской стал профессором Петербургского университета. Главным трудом Градовского можно считать «Начала русского государственного права» (3 тома, 1875 – 1883), эти книги стали учебным пособием для всех государствоведов конца XIX в. Кроме того, он продолжил начатое Б. Н. Чичериным изучение государственных учреждений России – в 1868 г. было опубликовано его докторское исследование «История местного самоуправления в России», где основное внимание сосредотачивалось на характеристике местного управления в России XVI – XVII вв. по уездным материалам Московского государства.

А. Д. Градовский придерживался идей Б. Н. Чичерина о решающей роли государственной власти в истории России, он попытался обосновать популярную в либерально-буржуазных кругах идею «земского царя». «На Западе, – писал учёный, – общины объявили себя непосредственными подданными короля после долгих усилий и кровавых побед над феодализмом; а в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живую практической действительностью».

В другой работе – «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры» (1866) А. Д. Градовский давал оценку деятельности Петра I, видя в нём выдающегося правителя, заботившегося

о благе своего народа. Он ещё раз подчеркнул, что историческое развитие России существенно отличается от западноевропейского, что обусловлено всесилием отечественного государства.

Общей для всех историков государственной школы являлась приверженность теории закрепощения сословий. Вслед за Б. Н. Чичериным А. Д. Градовский писал, что «деятельность нашего правительства начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий».

Общая эволюция государственной школы шла в направлении, превращавшем её в школу юридическую. От создания широких исторических полотен по российскому прошлому и поисков новых методологических основ исторического творчества последователи первых «государственников» перешли к конкретике – трудам по истории права и государственных учреждений.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте работу К. Д. Кавелина «Краткий взгляд на русскую историю», выделите в ней то, что характеризует К. Д. Кавелина как западника и приверженца государственной школы.
2. Проанализируйте главу о Земских соборах из работы Б. Н. Чичерина «О народном представительстве», выделите в ней то, что характеризует Б. Н. Чичерина как западника и приверженца государственной школы. Какие отличия в истории России и Запада отмечает автор?
3. Найдите в дополнительной литературе, кого из историков относят ко второму поколению государственников, как оценивается их вклад в развитие исторической науки.

ИСТОЧНИКИ

Записки Б. Н. Чичерина // Русское общество 40 – 50-х гг. XIX в.: М., 1991. Ч. 2.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т.1. Монографии по русской истории. СПб., 1897.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуре. М., 1989.

Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894-1898. Ч. 1-3.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. СПб., 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дурновцев В. И. Проблема «Россия, славянский мир и Запад» в освещении К. Д. Кавелина, С. М. Соловьёва, Б. Н. Чичерина // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике*. М., 1984.

Емельянов Б. В. Борис Чичерин. СПб., 2016.

Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.

Кокарев А. С. Социально-политические взгляды Б. Н. Чичерина. Тамбов, 1994.

Приленский В. И. Представления К. Д. Кавелина об исторических судьбах и будущем России // *Русская философская мысль в 80-х гг. XIX в. о будущем России*. М., 1990.

Цамутали А. Н. Вся русская история есть по преимуществу государственная: К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // *Историки России. XVIII – начало XX в.* М., 1996.

Шикло А. Е. История русской исторической мысли последней трети XVIII – второй трети XIX в. в современной историографии // *История СССР*. 1987. №. 4.

Лекция 14.

Историческая концепция Сергея Михайловича Соловьёва

«Трудами поколения, родившегося между 1817 – 1828 гг., русская историческая наука вступила в пору возмужания», считал Г. В. Вернадский. Соглашаясь с таким утверждением, можно добавить, что больше всего этому способствовал *Сергей Михайлович Соловьёв* (1820 – 1879) – крупнейший историк дореволюционной России.

Будущий учёный родился 5 мая 1820 г. в семье протоиерея, законоучителя Московского коммерческого училища. С детства С. М. Соловьёв испытывал большой интерес к истории и к 13 годам 13 раз прочитал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. С детства же он был удивительно религиозен и ничего не начинал без молитвы, о чём не преминул упомянуть в своих «Записках»: «Не готов к отвратительному математическому уроку, не приготовился из некоторых частей науки к экзамену, помолюсь, крепко верую, что этого у меня не просят, – и действительно не спрашивали».

Первоначальное образование С. М. Соловьёв получил в духовном училище, затем окончил гимназию и поступил в Московский университет, где слушал лекции, с одной стороны, из уст профессоров, прошедших стажировку за границей – античника Д. Л. Крюкова, правоведов П. Г. Редкого и Н. И. Крылова, экономиста А. И. Чивилева, историка и юриста К. Д. Кавелина, историка-медиевиста Т. Н. Грановского, а с другой стороны, внимал преподавателям «уваровской партии», апологетам теории официальной народности – М. П. Погодину, С. П. Шевыреву, И. И. Давыдову. После университета Соловьёв получил должность домашнего учителя в семье попечителя Московского учебного округа графа Сергея Григорьевича Строгонова и вместе с ней выезжал в 1842 – 1844 гг. за границу, где ему удалось посетить знаменитые библиотеки и университеты, прослушать лекции крупнейших западных историков (Леопольда фон Ранке, Франсуа Гизо, Жюля Мишле, Фридриха Кристофа Шлоссера).

В этот период С. М. Соловьёв всерьёз увлекался гегелевской философией, но, переболев ею, остался верен истории – «отвлеченности были не по мне; я родился историком». По признанию самого учёного, интерес к истории был в нём подогрет тем, что «не помню, когда именно попало мне в руки Эверсово «Древнейшее право руссов», эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзи-

на я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил думать над русской историей».

В 1845 г. С. М. Соловьёв защитил магистерскую диссертацию «Об отношении Новгорода к великим князьям», а в 1847 г. – докторскую «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома». В это время он становится профессором Московского университета, сменив ушедшего с кафедры М. П. Погодина (к которому, кстати, относился весьма критически, называя «удачливым наездником» в русской истории).

В 1848 г. С. М. Соловьёв приступил к написанию «Истории России с древнейших времен», ставшей главным произведением всей его жизни. Выпуск этого сочинения был делом престижа Московской кафедры русской истории, возглавляемой молодым профессором. Сам автор так писал о начале работы над «Историей России»: «Пособий не было; Карамзин устарел в глазах всех; надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам... Сначала мне казалось, что история России будет обработанный университетский курс; но когда я приступил к делу, то нашёл, что хороший курс может быть только следствием подробной обработки, которой надо посвятить жизнь. Я решился на такой труд и начал с начала, ибо, как уже сказано, предшествовавшие труды не удовлетворяли». Кроме того, была и вполне меркантильная причина для выпуска многотомной работы – у Соловьёва разрасталась семья (12 детей в браке с Поликсеной Владимировной Романовой), и профессорского жалования на её содержание не хватало, так что «подработка» на ниве публикации обширного исторического полотна была весьма кстати. Работа над «Историей» велась регулярно – начиная с 1851 г. ежегодно выходило по тому этого издания, последний 29 том вышел уже после смерти историка, изложение в нём было доведено до второй половины XVIII века.

Впрочем, помимо написания фундаментальной работы С. М. Соловьёв одновременно подготовил и опубликовал ряд других ценных исследований по отечественной истории: «Публичные чтения о Петре Великом», «Император Александр I. Политика. Дипломатия», «История падения Польши», и историографии: «Писатели русской истории XVIII века», «Н. М. Карамзин и его “История государства Российского”», «Шлёцер и антиисторическое направление». Долгие годы Соловьёв преподавал в университете, периодически избирался деканом историко-филологического факультета и ректором университета. В 1870 г. стал директором Оружейной палаты, в 1872 г.

его избрали действительным членом Академии Наук, в конце жизни он стал председателем Московского общества истории и древностей российских.

Секрет невероятной работоспособности С. М. Соловьёва заключался в строгой самодисциплине и привычке не терять попусту ни одной минуты. Обычный рабочий день знаменитого историка начинался в шесть утра, до девяти Соловьёв работал, затем пил чай, в десять отправлялся в университет или в архив (там от многолетнего изо дня в день стояния учёного за одной и той же конторкой на полу остался даже след от его каблуков), домой возвращался в четвёртом часу, обедал, иногда отдыхал, читал лёгкую литературу (преимущественно описания путешествий) или недолго спал, затем снова работал и в одиннадцать вечера отходил ко сну.

По политическим взглядам С. М. Соловьёв был умеренным либералом – убеждённым сторонником монархии, постепенных реформ и мирного урегулирования социальных конфликтов. По его мнению, «народы в своей истории не делают прыжков» и революции – это нечто иное, как «болезненные припадки».

Главной особенностью исторической концепции С. М. Соловьёва являлась мысль об органическом вырастании государства из предшествующих ему форм. Если взять «Историю» М. М. Щербатова или Н. М. Карамзина, то у них в самом делении на тома, части, книги отчётливо проявляется внутреннее деление материала, при этом главным недостатком таких схем русской истории, по мнению С. М. Соловьёва, было отсутствие связи между периодами. Сам он выступал сторонником идеи органического, закономерного развития и в предисловии к «Истории России» писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию – вот обязанность историка в настоящее время, как её понимает автор предлагаемого труда».

С. М. Соловьёв не был противником всякой периодизации истории России, но прежние деления на эпохи, основанные на внешних признаках, лишённые внутренней связи, потеряли свой смысл; их заменили стадии развития. Периодизация нужна, но членение на периоды не должно закрывать внутренней связи между ними, исходя из этого, учёный предлагал собственное деление русской истории на этапы:

I. Путь от родовых отношений к государственным. Этот этап разбивался на несколько хронологических отрезков:

1) от Рюрика до Андрея Боголюбского (862 – 1174 гг.): господство родовых отношений между членами княжеской семьи (учитывая, что родовые отношения существовали у славян и до призвания князей);

2) от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты (середина XII века – 1340 г.): период борьбы родового и государственного начал;

3) от Ивана Калиты до Ивана III (середина XIV в. – 1505 г.): время объединения России вокруг Москвы;

4) от Ивана III до Фёдора Ивановича (начало XVI века – 1598 г.): время окончательного перехода от родовых отношений к государственным;

5) конец XVI – начало XVII века: «Страшные смуты» и смена династии отделяют конец первого периода русской истории от подготовки петровских преобразований;

II. Период вступления России в систему европейских государств (XVII – первая половина XVIII века) – время приготовления и проведения петровских преобразований;

III. Новое время в истории России (вторая половина XVIII века) рассматривается как «результат» петровских преобразований, когда появилась «потребность вложить душу в приготовленное прежде тело», в результате «просвещение принесло свой необходимый плод – познание вообще привело к самопознанию», поэтому реформы 1860-х гг. расценивались автором как прямое продолжение и завершение петровских преобразований.

Основные закономерности исторического развития, отражённые в периодизации истории России С. М. Соловьёва, причинно-следственные связи исторических событий выводились им исходя из трёх условий исторического развития. «Три условия, – писал учёный, – имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живёт, природа племени, к которому он принадлежит, ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают».

При этом С. М. Соловьёв выступал против переоценки влияния природных условий на ход истории, отмечая, что с развитием общества происходит обратный процесс «изменения природных условий под влиянием народной действительности». Впрочем, отличие России от Запада он выводил как раз в основном из различий в природной среде обитания. На Западе – «камень», горы разделили территорию и с самого начала обеспечили устойчивость государственных об-

разований с прочными феодальными замками и городскими укреплениями, у нас – «дерево», лес – непрочные деревянные строения и городские частоколы, где ничто не привязывает к месту, не создает прочной оседлости.

Второму звену – природе племени – С. М. Соловьёв стремился придать более широкий, исторический, а не чисто этнографический (как у славянофилов) характер, указывая на историческое значение «украинного положения России» как «европейской окраины или украины со стороны Азии», что явилось источником широких связей русского народа с другими народами, обогатившими его собственное развитие.

Что касается хода внешних событий, то в представлении С. М. Соловьёва – это всё многообразие исторической действительности в её внутренней взаимообусловленности. Закономерность исторического процесса учёный стремился обнаружить не в действии какой-либо внешней силы, а в самом историческом развитии, взятом в его внутренней цельности. Поэтому, даже казалось бы такие очевидно внешние явления, как, например, призвание князей, он объяснял через естественное развитие русской истории, а его любимыми словами, выражающими идею закономерности истории, были слова «естественно и необходимо».

По С. М. Соловьёву, естественное развитие родовых отношений у славян делало необходимым их переход в более высокие государственные отношения. Но приверженность славян родовым связям препятствовала выделению из их среды собственных князей, и они призвали их извне. Таким образом, закономерная эволюция внутреннего славянского строя привела к появлению внешней норманнской силы.

После утверждения княжеской власти родовые отношения не исчезли. Пришлые норманны, ставшие представителями зачаточной государственной власти, сами усвоили основы родовых связей, которые насквозь пронизывали межкняжеские отношения и порядок наследования княжеских столов в Древней Руси. Историков и раньше интересовало: почему семейный принцип наследования от отца к сыну в Киевской Руси часто переплетался с родовым – от брата к брату или от дяди к племяннику? С. М. Соловьёв объяснял подобное наследование господством родового права, выражавшегося в том, что вся Русская земля принадлежала всему роду Рюриковичей. Городовые области были как бы ранжированы по своему значению: на первом месте – Киев, далее – Чернигов, потом – Переяславль и т.д. Старший в роду

занимал Киевский стол, следующий – Черниговский, третий – Переяславский. Когда умирал киевский князь, его преемником становился князь черниговский, а переяславский князь перебирался в Чернигов. Эту систему наследования в Древней Руси Соловьёв называл «левичным восхождением».

Родовые отношения княжеской власти представляли собой отражение родовых отношений во всём обществе. То же правило старейшинства прослеживалось в Киевской Руси и в отношении новых городов к старым: «города новопостроенные вошли к древним в отношения младших к старшим, т.е. должны были находиться в воле последних». Таким образом, вся Древняя Русь оказывалась обществом, основанным на родовом строе, хотя в ней уже присутствовали элементы государственных отношений.

Родовая теория С. М. Соловьёва существенным образом отличалась от той, что была представлена И. Ф. Г. Эверсом. У первого развитие шло от рода и родового владения к семье и семейному праву, у Эверса, наоборот, – от семьи к роду. Перерастание родовых отношений в семейные и затем государственные рисуется у Соловьёва следующим образом: род Рюриковичей, владевший Русской землей, разрастаясь, стал дробиться на семьи, каждая из которых владела частью Русской земли (так Андрей Боголюбский отказался ехать в Киев и остался сидеть во Владимире). Появление права вотчинной собственности становится порубежным моментом между Русью древней и средневековой. При Иване Калите новый порядок укоренился на русской почве, теперь уже московское княжество делилось между сыновьями князя, причём их движение из одного удела в другой после смерти старшего брата не предусматривалось – уделы московского княжества становятся наследственными владениями. Для полного утверждения государственных отношений необходимо было ликвидировать право удельных князей на управление своими землями. С Ивана III происходит рост великокняжеских земель, а в период между Иваном Грозным и Петром I удельные князья становятся простыми землевладельцами, лишёнными правительственных функций в своих имениях. В качестве суверена теперь выступал Государь, который передавал свой престол одному наследнику, не дробя государство между детьми и не деля его с родственниками. Таким образом, окончательно утверждается государственное начало и уничтожается родовое.

Считая, что путь от рода к государству проходила как Россия, так и западные страны, С. М. Соловьёв, вместе с тем, отмечал и особенно-

сти русского исторического процесса. Внешнее противостояние европейского «камня» древнерусскому «дереву» усугублялось ещё и тем, что на территории самой Восточно-Европейской равнины шла борьба леса со степью. Вначале Русь оборонялась от степи и уходила на север, в леса, а затем роли поменялись, и лес перешёл в наступление на степь. Постоянное движение населения Соловьёв отразил в знаменитой фразе: «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется». Это «жидкое» состояние народной массы составляло её слабость и вело к той особой роли, которую государство играло в организации общественных сил в России.

Поиск внутренних причин развития государства приводил С. М. Соловьёва к тому, что он не придавал особого значения монгольскому нашествию в истории России: «не должно забывать, что иго тяготело особенно только в продолжение первых 25 лет» и внутренние события (типа перевода митрополичьей кафедры в Москву) были для становления государственности «важнее всяких ярлыков ханских».

Громадное государство с редким земледельческим населением, к тому же вынужденное вести тяжелую борьбу с соседями, находясь в безвыходном положении, обратилось к крайней мере – закрепощению всех сословий. Помещики были обязаны государству военной службой, они кормились с земли и вели постоянную борьбу за рабочие крестьянские руки, которые норовили перебежать к более сильному покровителю – отсюда проистекало неизбежное закрепощение крестьян, чтобы сохранить боеспособность дворянского войска. Из военно-фискальных соображений к тяглу прикрепляется и посадское население. «Прикрепление крестьян, – говорил С. М. Соловьёв, – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении». (Кстати, критикуя историков государственной школы за теорию всеобщего закрепощения, М. Н. Покровский резонно заметил некоторую хронологическую несуразицу: обороняться надо было в XI – XV веках, а сословия для этого закрепили в XVI веке.)

Где-то с середины XVI века (царствование Грозного) и до воцарения Петра Великого, по С. М. Соловьёву, произошёл окончательный переход от рода к государству, или, другими словами, от возраста чувств к возрасту мысли (при этом историк особо останавливался на том, что Россия несколько задержалась с переходом к зрелому возрасту, но это отнюдь не говорит об её отсталости). Борьбой уходящих родовых отношений, носителем которых выступало бояр-

ство, с государственными отношениями Соловьёв объяснял политику Ивана Грозного, который нанёс сокрушительный удар по притязаниям родовой аристократии на власть. При этом учёный избегал столь характерного для предшествующей историографии морализаторства, говоря, что «...странно смешение исторического объяснения вещей с их оправданием».

С тех же позиций С. М. Соловьёв подходил к оценке петровских реформ. Он считал, что преобразования начала XVIII в. были закономерны и органичны, выросли на русской почве, а сам Пётр потому и велик, что угадал и удовлетворил действительные нужды народа – «великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своей деятельностью известным потребностям народа в известное время».

Огромное значение С. М. Соловьёва в русской историографии заключается ещё и в том, что, начиная с 9-го тома своей «Истории», он фактически возделывал историческую целину – XVII и XVIII века, во многом выступая здесь первопроходцем. Даже в специальных монографиях, вышедших к этому времени, затрагивались лишь отдельные вопросы из истории XVII и XVIII вв., связанного же повествования о событиях этого периода не имелось вовсе. Отличительной особенностью его труда, вслед за расширением хронологических рамок, стало и заметное разнообразие тематики исследования, что повлекло за собой обращение к громадному объёму архивных источников, изученных и использованных знаменитым историком.

Из всех историков-западников 1840-60-х гг. С. М. Соловьёв занимает самое высокое положение как исследователь исторических фактов и их взаимосвязей. Прекрасную характеристику дал ему Василий Осипович Ключевский: «Это был учёный со строгой, хорошо воспитанной мыслью... Навстречу фельетонным вкусам читателя он выходил с живым, но серьёзным, подчас жёстким рассказом, в котором сухой, хорошо обдуманый факт не приносился в жертву хорошо рассказанному анекдоту... Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтобы под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатырстве».

Итак, если говорить об основных принципах исторического исследования, которые утверждаются в русской историографии в результате деятельности С. М. Соловьёва, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина – основателей государственной школы, то они (по А. Л. Шапиро) заключались в следующем:

1. Признание закономерности развития русского народа от родовых отношений к государственным;
2. Понимание этого развития чисто идеалистически, как формально-юридической смены правовых норм: сначала кровнородственное право (род), затем вотчинное договорное, частное право (гражданское общество) и, наконец, публичное право (государство);
3. Особенностью русской истории признавалась инертность народа. Прогрессивное движение заключалось в складывании и развитии государства;
4. Государство рассматривалось как движущая и единственная могущественная сила в стране. В интересах обороны оно закрепило в XVI – XVII вв. все сословия и лишь в XVIII в. начало их раскрепощение.

Был и ещё один урок, преподанный историкам С. М. Соловьёвым. Его 29-томная «История» показала, что создать всеохватывающее историческое полотно, равно удачно рассказывающее о политических, экономических, социальных, культурных процессах прошлого очень сложно, если вообще возможно. Как отмечает В. А. Бердинских: «После Соловьёва наступила эпоха специальных исследований по отдельным научным проблемам – монографий. Пришло понимание, что изображение целого возможно лишь путём широких философских обобщений с помощью абстрактных понятий и формул, насыщенных в виде иллюстраций фактическим материалом».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте родовую теорию С. М. Соловьёва. Найдите в дополнительной литературе оценки этой теории.
2. Найдите и дайте анализ тому, что в «Истории России» С. М. Соловьёв говорит о призвании варягов.
3. Как С.М. Соловьёв оценивает крещение Руси? Каковы, на его взгляд, были последствия принятия христианства?
4. Найдите, как в «Истории России» С. М. Соловьёв оценивает Ивана III, Ивана Грозного, Петра I.

ИСТОЧНИКИ

Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1 – 6. 1851-1879.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М., 1980.

Ковальченко И. Д., Дмитриев С. С. Историк Сергей Михайлович Соловьёв. Его жизнь, труды, научное наследие // С. М. Соловьёв. Соч. в 18 кн. М., 1988. кн. 1.

Сухов А. Д. Русские философствующие историки. М., 2016.

Цамутали А. Н. Борьба течений в Русской историографии во второй половине XIX века. М., 1977.

Цамутали А. Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьёв // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1998.

Цимбаев Н. Л. Сергей Соловьёв. М., 1990.

Лекция 15.

Формирование демократического направления в русской историографии

Помимо официального и либерального направлений в историографии 1840-60-х гг. можно выделить и *демократическое направление*. Особое влияние на его становление и развитие оказали мысли и идеи философов и общественно-политических деятелей революционной направленности. Их творчество редко принимало форму конкретно-исторических произведений, но они обновляли теоретико-методологическую базу общественных наук, влияли на выбор объекта и предмета исторических исследований. Философские и исторические взгляды сторонников этого направления базировались на идее бесконечного прогресса человечества в его материалистическом понимании.

Одним из властителей дум передовой России в 30-40-е гг. XIX в. был **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811 – 1848). Он родился в семье флотского лекаря, слывшего «вольтерьянцем» и «богохульником», поэтому с ранних лет Виссарион высказывал весьма радикальные мысли относительно необходимости перемен в окружающей действительности. В 1829 г. (одновременно с А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым) он поступил в Московский университет, в студенческие годы организовал кружок «Литературное общество 11 нумера» (члены кружка собирались в 11 комнате общежития), ставший настоящим рассадником революционных идей в университете. За революционные настроения и антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин» в 1832 г. Белинского исключили из университета «по ограниченности способностей». Однако уже с 1833 г. «неистовый Виссарион» начинает сотрудничать с лучшими журналами того времени – «Телескопом», «Отечественными записками», «Современником» и вскоре становится самым авторитетным в России литературным критиком.

В конце 30-х гг. XIX в. увлечение Гегелем, его формулами: «Всё действительное разумно, всё разумное действительно» и «Сила есть право и право есть сила» привело В. Г. Белинского к примирению с николаевской политической системой, он даже говорил, что «безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша народность». Однако уже с начала 40-х гг. XIX в. В. Г. Белинский перерождается в страстного и решительного сторонника революционных изменений.

А. И. Герцен даже называл его «самой революционной натурой николаевских времен».

При оценке влияния В. Г. Белинского на русскую историографию следует помнить, что он был прежде всего литературным критиком, а не профессиональным историком, и тем не менее его идеи, его борьба с теорией официальной народности оказывали значительное воздействие на современников.

Как сторонник революционных преобразований, решительных действий, В. Г. Белинский высоко оценивал роль и место Петра I в отечественной истории: «как ни дробите нашу историю, в ней всё будут разительно заметны два только отдела – *до* и *после* Петра». Великий царь смог заставить Россию двигаться, но сами петровские реформы подготавливались всем закономерным ходом общественного развития, и потребность в преобразованиях обнаружилась уже в царствование Алексея Михайловича.

Современником В. Г. Белинского был *Александр Иванович Герцен* (1812 – 1870). Он родился в Москве накануне нашествия Наполеона и был внебрачным сыном богатого помещика А. И. Яковлева и его гувернантки Луизы Гааг (фамилия Герцен придумана отцом ребенка и происходит от немецкого “herz” – «сердце»). Между прочим, именно отец Герцена по поручению Наполеона, занявшего Москву, доставлял Александру I в Петербург письмо с предложением мира.

В 1829 г. Александр Герцен и его близкий друг Николай Огарёв поступили в Московский университет, вскоре у них здесь, как и у Виссариона Белинского, сложился свой революционный кружок из людей, увлечённых идеей социализма. Деятельность молодого Герцена не осталась незамеченной властями, и восемь лет (1834 – 1842), с годичным перерывом в 1840 г., бунтарь провёл в ссылке: Пермь – Вятка – Владимир – Новгород (кстати, в 1837 г. в ссылке Герцен написал историко-этнографический очерк «Вотяки и черемисы»). Летом 1842 г. он вернулся в Москву, а в январе 1847 г. навсегда уехал из России.

К этому времени А. И. Герцен уже успел стать довольно известным философом, усвоившим и преодолевшим диалектику Гегеля (у Гегеля она шла к высшей точке – конституционной монархии, Герцен же рассматривал общественное развитие как непрерывное движение и обновление). К его наиболее известным философским сочинениям можно отнести «Дилетантизм в науке» (1842 – 1843 гг.) и «Письма об изучении природы» (1845 – 1846 гг.).

Эмигрировав из России, А. И. Герцен опубликовал в «Полярной звезде», «Колоколе» и в «Голосах из России» значительное количе-

ство исторических источников, запрещённых и тщательно скрываемых царским правительством (например, радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», документы о следствии и смерти царевича Алексея и др.).

В наследии самого А. И. Герцена из 22 томов его Полного собрания сочинений четвертая часть приходится на историко-публицистические работы, такие как «Былое и думы», «С того берега», «О развитии революционных идей в России», «Русские немцы и немецкие русские» и др. Интерес к истории мыслитель не терял и в годы ссылки, а в 1841 – 1842 гг. даже готовился к написанию диссертации «О петровском перевороте».

В своих историко-философских работах А. И. Герцен предстает как последовательный материалист и сторонник социалистического строя. Главную движущую силу истории он усматривал в народе (учёный первым заговорил о коренной причине неудачи декабристов – «не хватало народа»). Сильной стороной исторических воззрений Герцена являлось признание им закона прогрессивного поступательного движения человеческого общества от низшей стадии к высшей.

Работая с конкретным историческим материалом, А. И. Герцен пришёл к выводу, что варяжское призвание не имело того огромного значения, какое ему придавали многие отечественные историки, поскольку пришлые норманны «вскоре слились с подданными и потонули в славянском элементе». Интересной была герценовская оценка Ивана Грозного – с одной стороны как государственного деятеля, с другой – как самовластного тирана: «Грозный – самое трагическое лицо в истории человечества, – великий ум, сердце гиены и ирония, почерпнутая из глубокого презрения людей и своего народа». Во многом новый для историографии взгляд революционно настроенный мыслитель обращал на народные восстания С. Т. Разина и Е. И. Пугачёва, связывая их причины с усилением крепостничества. Оценка Петра у Герцена эволюционировала от восхищения «коронованным революционером» к признанию, что для него «государство было всё, а человек – ничего».

И все же главная заслуга А. И. Герцена в русской историографии состоит не в этих отдельных замечаниях по поводу русской истории, а в том, что он явился основоположником народнического социализма: именно его надежды на общину как ядро будущего социалистического устройства России положили в основу своей программы народники. Идеализированные представления Герцена о сельской общине оказали сильное влияние и на историков, близких к народникам.

В 50-е гг. XIX в. им создаётся *теория русского социализма*, которая увязывала будущее человечества с Россией, идущей к социализму, минуя капитализм. Важную роль в этом должна была сыграть крестьянская община, хранившая в себе начала социалистического общества. Будущий социалистический строй должен был установиться в России после отмены крепостного права, с развитием общинных начал в сочетании с утверждением демократической республики.

А. И. Герцена и Н. П. Огарева с их лондонским «Колоколом» вполне оправданно считают заграничным центром российского освободительного движения. Другой, внутрироссийский центр, сложился к 1859 г. в Петербурге вокруг журнала «Современник», идейными руководителями здесь были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828 – 1889) родился в Саратове. Его отец, дед и прадед были священниками. Однако сам Чернышевский, окончив семинарию, поступил на историко-филологическое отделение Петербургского университета, где и проникся революционными идеями. В 1851 – 1853 гг. он работал учителем в Саратовской гимназии, в мае 1853 г. уехал в Петербург и с конца 1854 г. начал трудиться в «Современнике».

Н. Г. Чернышевский был чрезвычайно талантлив в разнообразных областях: как философ и экономист, историк и публицист, литературный критик и писатель, владел 10 языками и превосходно знал зарубежную гуманитарную науку. В поисках русского пути к социализму он внимательно изучал опыт русской и мировой истории, полагая, что именно история должна служить фундаментом образования: «Можно не знать тысячи наук и всё-таки быть образованным человеком, но не любить истории может только человек, совершенно не развитый умственно».

Главной движущей силой исторического процесса Н. Г. Чернышевский считал народные массы, однако говорил, что их «громадная сила» нуждается в просвещении, иначе она может проявить заложенное в них разрушительное, опасное для цивилизации начало. В отличие от Герцена Чернышевский не идеализировал общину, видя в ней рудимент, которым вовсе не следует гордиться, ибо он свидетельствует «о медленности и вялости исторического развития».

Соратник Н. Г. Чернышевского **Николай Александрович Добролюбов** (1836 – 1861) тоже родился в семье священника (Нижний Новгород) и тоже, окончив семинарию, поехал в Петербург, но поступил не в университет, а в Главный педагогический институт. В своих революционных устремлениях Добролюбов был ещё решительнее Чер-

нышевского. Впрочем, у него не было развёрнутого подхода к историческим проблемам, а интерес Добролюбова к истории определялся задачами борьбы за освобождение русского народа. Его взгляды на историю настолько совпадали с идеями Чернышевского, что их часто не отделяют друг от друга в историографических работах.

Афанасий Прокопьевич Щапов

Среди историков-профессионалов, придерживавшихся революционно-демократических народнических воззрений, необходимо назвать *Афанасия Прокопьевича Щапова* (1831 – 1876). Он родился 5 октября 1831 г. в глухом сибирском селе Анга Иркутской губернии. Отец А. П. Щапова служил дьячком в местной церкви, матерью была крестьянка-бурятка. Юношу, окончившего иркутское духовное училище, а затем семинарию, вместе с другими лучшими учениками послали в Казанскую духовную академию, после которой он стал её профессором, а затем профессором Казанского университета.

В Казань как раз в это время (в связи с Крымской войной) была перевезена богатейшая рукописная библиотека Соловецкого монастыря. Молодой учёный участвовал в составлении описи рукописей и сделал для себя множество выписок оттуда. Эта работа во многом скорректировала его творческие интересы.

В начале своей научной карьеры А. П. Щапов больше всего занимался историей раскола и историей церкви вообще. Но все его работы – «Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей», «Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке Руси», и, наконец, защищённая на степень бакалавра в 1858 г. диссертация «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола», – все эти научные труды носили остросоциальный характер.

Стремясь порвать с официально-церковной трактовкой раскола как обычной ереси, А. П. Щапов пытался показать его как народное движение, как «плод болезненного страдательного раздражённого духа народного». Впрочем, наряду с этим учёный сетовал на невежество масс, их неспособность понять смысл церковной реформы, осуществлённой «гениальным Никоном».

С критикой А. П. Щапова, помимо официальных идеологов типа министра государственных имуществ М. Н. Муравьёва («это настоя-

щий коммунизм с беспрестанными выходками против бояр и чиновников»), выступили и демократы М. А. Антонович и Н. А. Добролюбов. Мнение последних оказало большое влияние на историка – он обратился к революционно-просветительским идеям. Став профессором Казанского университета, в первой же своей речи перед студентами в 1860 г. Щапов заявил: «Главный фактор в истории есть сам народ... сущность и содержание истории есть жизнь народная». Сокровенный смысл русской истории виделся учёному в борьбе народности и областности с централизацией и государственностью, он критиковал государство за проводившуюся им централизацию и подавление самобытности народной жизни.

Одну из отличительных особенностей русской истории А. П. Щапов находил в «начале областности». Официальная наука, утверждал он, всё разнообразие в развитии отдельных земель и областей искусственно подгоняла под идею государственного развития, на самом же деле «русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразия политического положения областей...». Щапов хотел изучать историю народа, а не государства. Федеративное начало, по его мнению, извечно присуще истории Руси, отсюда – преимущественное внимание к провинции, глубокий интерес историка к географической среде, этнографической специфике России.

Демократизм А. П. Щапова особенно ярко проявился, когда он в апреле 1861 г. выступил с речью на панихиде по жертвам расстрела крестьян в селе Бездна Казанской губернии (тогда погибло 55 человек из примерно 70 бывших на сходке). За свою речь, закончившуюся словами «Да здравствует демократическая конституция!», мятежный профессор был лишён права преподавания, арестован и препровождён в Петербург. От жестокой расправы его спасло заступничество виднейших представителей русской интеллигенции и то, что его взял на поруки министр внутренних дел П. А. Валуев. В Петербурге Щапов занялся активной научной и литературной деятельностью, одна за другой появляются его статьи: «Сельская община», «Земство и раскол», «Земские соборы XVII века» и др.

Историческая теория А. П. Щапова, его стремление поставить изучение прошлого русского народа на службу острым проблемам современности пользовались большой популярностью в среде передовой русской общественности. Сам учёный особую роль в русской истории отводил

мирской сходке, самоуправлению, общине, видя в последней зародыш социализма. Вообще, по мнению историка, общинно-демократическое начало было характерно для России издревле, но, начиная с Петра I, абстрактный принцип указов и предписаний, системы бюрократического подчинения всецело подавляет принцип свободного земского мирского самоуправления и саморазвития народной жизни.

В 1864 г. А. П. Щапов вслед за другими демократами-народниками был выслан в Сибирь – сначала в родное село Ангу, затем в Иркутск, где учёный жил почти без средств. Его статьи этого периода («О влиянии гор и моря на характер населения», «Историко-географическое распределение русского населения») свидетельствовали об изменении исследовательских интересов. Щапов создаёт даже собственную антрополого-социологическую картину русской истории. Главным фактором исторического процесса становятся освоение и техническое подчинение природы человеческими усилиями. Коренными, первоначальными «мотивами» истории русского народа, по Щапову, были два свойства его нервной организации, обусловленные общими физиологическими и психологическими законами: первое – умеренность и медленность нервной восприимчивости как следствие холодного климата и предшествующей политической истории; второе – большая предрасположенность к живому восприятию напряжённых и сильных, новых, внезапных, непривычных впечатлений. Важная черта медленно возбуждающейся нервной системы заключалась в том, что люди в основном склонялись к коллективной деятельности – отсюда община, вече, земство.

Значение А. П. Щапова как историка, отстаивавшего в дореволюционной историографии идею о решающей роли народа и народных движений в истории, могло бы быть больше, если бы не тяжеловесный язык щаповских сочинений (чего стоит, например, его «миросозерцательная рабоче-экономическая мыслительность народа»). В советских историографических обзорах внимание к А. П. Щапову было весьма заметно и понятно, один из первых историков-марксистов М. Н. Покровский вообще характеризовал его «самым интересным явлением в нашей русской истории середины XIX в.».

Народническое направление в русской историографии

В исторической науке есть традиция считать А. П. Щапова предтечей народнической историографии. Ещё Г. В. Плеханов считал учёного одним из родоначальников народничества, говоря, что если труды

Щапова и не легли в его основу, то в любом случае были «весьма значительным вкладом в историю народничества».

Народничество – очень сложное, многогранное явление в русской истории 1870 – 1890-х гг. За время своего существования и народническая идеология в целом, и народническая историография в частности претерпели эволюционные изменения. Однако в исторических взглядах народников можно выделить некоторые общие положения:

1. Теория самобытности русского исторического процесса, экономического строя России, тесно связанного с общинным началом, исконно господствовавшим на Руси;
2. Убеждённость в регрессивности русского капитализма, в том, что Россия придёт к социализму, минуя капитализм как «случайное зло»;
3. Представление о решающей и направляющей роли отдельной личности в истории.

Эти положения не были чем-то абсолютно новым в отечественной общественной мысли. Истоки народничества уходят корнями к концу 40-х гг. XIX в. – к спорам славянофилов и западников, к идеям А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

Программными документами ранней народнической социологии и историософии можно назвать «Исторические письма» (1870) *Петра Лавровича Лаврова* (1823 – 1900) и статью «Что такое прогресс?» (1869) *Николая Константиновича Михайловского* (1842 – 1904).

Считая социологию (вслед за О. Контом) самой «важной частью естествознания», которая, таким образом, является естественной наукой о развитии общественных процессов, П. Л. Лавров говорил, что история исследует единичные и неповторимые явления, она чрезвычайно субъективна: «Факты истории остаются, а понимание изменяет их смысл, и каждый период, приступая к истолкованию прошлого, вносит в него свои современные заботы, своё современное развитие».

Вместе с тем, П. Л. Лавров считал возможным выработать «научное понимание прогресса и построить историю как науку». Поскольку прогресс есть «не более, как субъективный взгляд на события с точки зрения нашего нравственного идеала», нужно выработать этот нравственный идеал, который «неизбежно утвердится в человечестве как единая научная истина».

П. Л. Лавров был одним из создателей теории «критически мыслящих личностей» как основной силы общественного развития. Н. К. Михайловский, обладавший большой лёгкостью пера, назвал её

теорией «героев и толпы» (поскольку именно герои (лидеры) могут увлечь толпу (общество) и на подвиг, и на преступление).

Идеи П. Л. Лаврова были чрезвычайно популярны у русской молодежи 70-х гг. XIX в. за их призывы служения народу, веру в торжество свободы и прочий революционно-демократический пафос.

Что касается собственно исторических работ народников, то, исходя из представления о русском капитализме как об упадке, они стремились объяснить «особый» путь развития России, много внимания уделяя истории российской экономики в пореформенный период, истории русского права и русской общины (сочинения В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, А. Я. Ефименко и др.). Но для того времени это были труды о современности. Как отмечалось в «Очерках по истории исторической науки в СССР», пожалуй, «единственным среди народников (70-х гг. XIX в. – Н.Х.), кто серьезно, по-профессиональному интересовался историей и теорией исторического процесса», был П. Л. Лавров – он усиленно занимался вопросами методологии истории и издал под псевдонимом Арнольди несколько работ, например, уже упоминавшиеся «Исторические письма» (1870) и «Задачи понимания истории» (1898).

Впрочем, говоря о формировании исторических взглядов народников, следует отметить ещё и позицию *Петра Никитича Ткачёва* (1844 – 1886). Он выступал против теории исключительности и своеобразия русской общины, не принимая позитивистских взглядов о субъективизме и ненаучности истории, выдвинул свою теорию динамики исторического процесса, положив в её основу человеческий эгоизм. Именно эгоистические устремления умов, по Ткачёву, определяют жизнь людей. Он признавал, что роль личности в истории огромна, но решающим фактором считал деятельность народных масс.

Профессиональным историком среди народников последней волны был *Василий Иванович Семевский* (1848 – 1916). Уроженец Полоцка, выходец из небогатой дворянской семьи, он рано остался без родителей, однако сумел получить хорошее образование, окончив 1-ю Петербургскую классическую гимназию с золотой медалью.

Молодой В. И. Семевский по моде тех времен считал, что основой всех знаний должно быть изучение естественных наук. В 1866 г. он поступил в Медико-хирургическую академию, но через пару лет перевёлся оттуда на историко-филологический факультет Петербургского университета, по окончании которого в 1872 г. был оставлен при кафедре русской истории.

Под влиянием взглядов П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского В. И. Семевский опубликовал в 1881 г. статью под названием «Не пора ли написать историю крестьян в России?», где развивал идею народников о неискупленной вине интеллигенции перед народом: «Наша современная интеллигенция вскормлена грудью крепостных мамок, выращена на доходы, полученные с помещичьего крепостного труда», а раз так, то она «обязана потрудиться на пользу крестьян и в жизни, и в науке».

Для самого В. И. Семевского это были не пустые слова – в том же 1881 г. он выпустил первый том капитального труда «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» для защиты на степень магистра. Однако в Петербурге ему «за критическое отношение к правительственной политике в крестьянском вопросе» не дал защититься глава кафедры К. Н. Бестужев-Рюмин, тем не менее защита при поддержке В. О. Ключевского успешно прошла в Москве в 1882 г.

Молодой учёный вернулся в Петербург, где начал читать лекции по истории крестьянства, но в 1886 г., распоряжением министра просвещения И. Д. Делянова преподавательская деятельность 38-летнего приват-доцента В. И. Семевского была запрещена. Студенты, возмущённые гонениями на любимого преподавателя, преподнесли своему учителю адрес с выражением благодарности, сочувствия и глубокого уважения за «живое серьёзное слово».

Удалённый от преподавания историк сосредоточился на исследовательской деятельности. Его успешность как учёного была очевидна, публикации поражали обилием архивного материала, интересными данными. Перечень основных трудов этого периода позволяет оценить интенсивность научной работы В. И. Семевского:

– в 1888 г. вышло два тома «Крестьянского вопроса в России в XVIII и первой половине XIX в.». Этот труд был защищён В. И. Семевским в качестве докторской диссертации в Московском университете в 1889 г. и до сих пор не утратил своей научной значимости;

– в 1891 г. при поддержке золотопромышленника И. М. Сибирякова В. И. Семевский съездил в Сибирь, опубликовав после этого 2-томное исследование «Рабочие на сибирских золотых приисках», основанное на личной полугодовой научной командировке и изучении многочисленных архивных данных (32 архива). Это было фактически первое исследование по истории рабочего класса в России;

– в 1901 г. вышел в свет второй том «Крестьян в царствование императрицы Екатерины II», а в 1903 г. был переиздан переработанный первый том этого труда. В первом томе говорилось о помещичьих и

посессионных крестьянах, второй касался крестьян дворцовых, церковных и государственных, третий был посвящён крестьянскому быту и нравственной характеристике крестьян накануне восстания Емельяна Пугачева, но его Семевский издать не успел;

– в 1900-е гг. основной темой исследований В. И. Семевского становится идеология декабристов: «Политические и общественные идеи декабристов» (1909); он же являлся зачинателем изучения идей петрашевцев (правда, монография «Михаил Васильевич Бутаевич-Петрашевский и петрашевцы» вышла только в 1922 г.).

В. И. Семевский много и плодотворно работал, имел активную жизненную позицию, был строг ко всем, кто подвизался на ниве исторического исследования. С 1913 г. он значился соредактором литературно-исторического журнала «Голос минувшего», требовавшим от авторов строгой научности и доказательности даже в небольших заметках и рецензиях. Принципиальная взыскательность Семевского была обращена не только к другим, но и к себе. Не признавая никаких поблажек, учёный трудился до последнего часа, скоропостижно скончавшись за рабочим столом в библиотеке Академии наук.

Сам себя В. И. Семевский называл «мужицким историком», а один из его близких знакомых – А. А. Кизветтер так охарактеризовал вклад этого учёного в отечественную историографию: «...Семевский “пошёл в народ” не выходя из своего учёного кабинета и из пределов своей учёной специальности. Для него “пойти в народ” значило погрузиться в пучину старинных архивных документов, чтобы там... подслушать биение жизненного пульса в этих свидетельствах о былых судьбах крестьянской массы».

Николай Иванович Костомаров

Обращение к творчеству Н. И. Костомарова в теме, касающейся формирования демократического направления в отечественной историографии, может показаться неожиданным. К революционерам-демократам этого учёного вряд ли можно отнести, не испытывая сомнений, но разговор о нём здесь и сейчас оправдан близостью, похожестью исторических идей Н. И. Костомарова и А. П. Щапова, которые интересно сравнить. К тому же в литературе уже есть пример, когда Щапов и Костомаров объединялись в одной лекционной теме – достаточно посмотреть «Историографию» А. Л. Шапиро.

Николай Иванович Костомаров (1817 – 1885) родился 4 мая 1817 г. в слободе Юрасовка Острожского уезда, входившего тогда в

состав Слободско-Украинской, позднее – Воронежской губернии. Отец его был небогатым помещиком, мать – крепостной крестьянкой. Образование юноша получил в Харьковском университете.

В 1842 г. он представил к защите магистерскую диссертацию «О причинах и характере Унии в Западной России», но цензура её запретила – харьковский архиепископ Иннокентий посчитал, что работа оскорбительна для верующих, а профессор Н. Г. Устрялов, по поручению Министерства народного просвещения рассмотревший труд Н. И. Костомарова, дал о нём такой отзыв, что рукопись приказано было сжечь. Тем не менее, молодой упрямец не отступился от научной работы и через некоторое время защитил диссертацию на новую тему «Об историческом значении русской народной поэзии».

С 1845 г. он начал преподавательскую деятельность в Киевском университете и вскоре стал одним из основателей Кирилло-Мефодиевского общества (братства), члены которого исповедовали либеральные взгляды, стремились к отмене крепостного права, ликвидации сословных привилегий и созданию славянской федеративной демократической республики во главе с Украиной.

За участие в этом братстве Н. И. Костомаров был в 1847 г. арестован и после года пребывания в Петропавловской крепости сослан в Саратов с запрещением преподавать и печататься. Однако, пренебрегая возникшими трудностями, он подготовил в ссылке монографию о Богдане Хмельницком, собрал местный фольклор, связанный с народным движением, участвовал в Крымской археологической экспедиции. В Саратове же опальный историк познакомился с Чернышевским, хотя друзьями и единомышленниками они не стали.

В 1857 г. Н. И. Костомаров переехал в Петербург, где опубликовал свои работы «Богдан Хмельницкий» (1857), «Бунт Стеньки Разина» (1858), став признанным авторитетом в этой области. С 1859 г. по 1862 г. он был профессором Петербургского университета, а покинув его, сосредоточился на научно-литературной и журналистской деятельности. Оставить университет историк был вынужден после студенческих волнений 1861 г. – тогда учебное заведение закрыли, однако группа прогрессивно настроенных профессоров, среди которых был и Н. И. Костомаров, решила продолжить обучение студентов, устроив публичные лекции. Вскоре один из преподавателей – искусствовед Платон Васильевич Павлов был арестован и выслан из столицы, студенческий комитет в знак протеста постановил прекратить чтение публичных лекций. Костомаров этому решению не подчинился, заявив, что не станет «подчиняться деспотизму ни сверху, ни снизу».

зу». На следующей же лекции профессора освистали, так что он был вынужден оставить чтение публичного курса, а вести университетское преподавание ему больше не дозволялось.

В этот период Н. И. Костомаров определяет для себя цель занятия историей. В статье «Об отношении русской истории к географии и этнографии» (1863) он пишет: «Царские дворы, правительственные приёмы, законодательства, войны, дипломатические отношения не удовлетворяли желания знать прошедшую жизнь. Кроме политической сферы, оставалась ещё нетронутою жизнь народных масс с их общественным и домашним бытом, с их привычками, обычаями, понятиями, воспитанием, сочувствиями, пороками и стремлениями».

Как историк свои задачи Н. И. Костомаров видел в определении «национального духа», неизменных национальных качеств того или иного народа, в раскрытии проявлений этого национального духа в конкретных исторических событиях. Теория «народного духа» привела Н. И. Костомарова к противопоставлению истории Украины и России. По его мнению, ещё в древности, когда произошло разделение восточного славянства на отдельные племена, каждое из них, связанное с определённой территорией, начало приобретать свои отличительные особенности и духовные качества, с которыми и вступило в историю. Главнейшими из сложившихся племён были южно-руссы (или украинцы) и великорусы. «Народный дух» двух этих частей восточного славянства был изначально различен.

По мнению Н. И. Костомарова, украинская народность всегда отличалась стремлением к свободе, самоуправлению и демократизму. Великорусская же народность отличалась чувством дисциплины, организованности, государственными началами. В соответствии с этим, украинская народность выработала вечевой строй, а великорусская позднее создала единодержавие, монархический строй. Не случайно поэтому Костомаров искал в вольнолюбивом Великом Новгороде следы южнорусского наследства, пытаясь уловить их в новгородском наречии.

Учёный создал собственную парадигму истории России, центральным пунктом которой была борьба двух начал – федеративного и единодержавного (при этом первое господствовало на Руси до монголо-татарского нашествия, а второе окончательно утвердилось к XVII в.). Противопоставление вечевого начала и единодержавия привело Н. И. Костомарова к полемике с М. П. Погодиным, который считал, что как раз отсутствие всяческой борьбы и противоречий и есть

главное отличие, «противоположность» русской истории и истории Запада.

Расхождения учёных во взглядах на историю России начинались с вопроса о норманнском призвании: Н. И. Костомаров отстаивал теорию литовского («жмудского») происхождения Руси, противопоставляя её норманнским пристрастиям М. П. Погодина.

Другие идеи Н. И. Костомарова в отношении истории России выглядели следующим образом: в удельно-вечевой период (Киевская Русь) русская народная стихия выступала как совокупность шести народностей (южнорусской, новгород-северской, новгородской, псковской, белорусской и великорусской). Новгородская, псковская и южно-русская народности характеризовались большой силой народоуправства, при этом Новгород стремился к единству Русской земли, но в форме федерации.

Развитию свободной федерации положило конец монголо-татарское нашествие. Иго сломало старые порядки, вечевой строй и федеративные начала, привело к единодержавию, а единодержавная власть создала централизованное монархическое государство. Русь, покорённая монголами, по словам Н. И. Костомарова, «в рабстве... нашла своё единство, до которого не додумалась в период свободы». Татаро-монгольское завоевание породило и феодальные отношения. Под феодализмом Костомаров понимал «такой политический строй, когда весь край находится в руках владельцев, образующих из себя низшую и высшую ступени, с известного рода подчинённостью низших высшим и с верховным главою выше всех». Национальные черты великороссов (склонность к порядку, власти сильного), усиленные монголо-татарским нашествием, привели к установлению крепостного права.

Противодействующей силой единодержавному порядку историк считал казачество, а его родоначальником – украинский народ, хотя традиции демократизма, свойственные южноруссам, длительное время сохраняли у себя Новгород, Псков и Вятка – такая мысль содержалась в работе «Севернорусские народоуправства во времена удельно-вечевого уклада (Новгород, Псков, Вятка)» (1863).

Единодержавную государственность «к её полному апогею» привёл у Н. И. Костомарова Пётр I, который точно понял, в чём нуждается страна, и совершил необходимые реформы, при этом историк отмечал, что «свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух её народа, вырывать с корнем всё старое и насаждать новое».

Реформу 1861 г. Н. И. Костомаров называл «новым зачатком народной жизни», отмечая, что теперь вековая борьба удельно-вечевого и единой государственной начал в русской истории закончилась.

Говоря о роли Н. И. Костомарова в русской историографии, необходимо помнить, что это был человек, великолепно владевший литературным слогом, и его «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» до сих пор привлекает внимание простых читателей и учёных яркостью представленных в ней образов, а популяризация исторических знаний часто имеет больший успех и влияние на умы, чем многотомные громады научных исторических трудов. Вместе с тем, Н. И. Костомаров, обладавший прекрасной памятью, зачастую не затруднял себя проверкой исторических данных и, излагая материал так, как его помнил, допускал досадные фактические ошибки, попадая за это под огонь критики. Впрочем, сам историк на упреки в вольном обращении с источниками не особенно смущаясь отвечал: «Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил, — он для меня остаётся так же важным историческим фактом».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в дополнительной литературе характеристику «областнической теории» А. П. Щапова.
2. Найдите в работе А. П. Щапова «Русский раскол старообрядства» оценку причин возникновения раскола при патриархе Никоне. Как А. П. Щапов описывает деятельность раскольников в эпоху Петра I?
3. Найдите в работе В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» оценку того, как восстание Е. И. Пугачёва было связано с крестьянским вопросом.
4. Сравните, как оценивается вклад Н.И. Костомарова в развитие отечественной историографии советскими и современными авторами.

ИСТОЧНИКИ

Герцен А. И. Сочинения. В 30 т. М., 1954.

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. В 2 кн. М., 1989.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., Т.1. 1888.

Чернышевский Н. Г. Сочинения. В 2 т. М., 1986.

Щапов А. П. Сочинения. В 3 т. Т.1. СПб., 1906.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балуев Б. П.* Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Венгловский С. А.* Николай Костомаров. СПб., 2013.
- Вульфсон Г. Н.* Глашатай свободы: страницы из жизни А. П. Щапова. Казань, 1984.
- Желвакова И. А.* Герцен. М., 2010.
- Кабакова П.* Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954.
- Киреева Р. А.* Не мог жить и не писать: Н. И. Костомаров // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Пинчук Ю. А.* Исторические взгляды Н. И. Костомарова (критический очерк). Киев, 1984.
- Пирумова Н. М.* Исторические взгляды А. И. Герцена. Изд. 2-е. М., 2017.
- Федоров В. А.* В. И. Семевский – историк русского крестьянства. (1848 – 1916) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8 (История). 1992. №. 1.
- Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60 – 70-х гг. XIX в. Л., 1971.
- Цамутали А. Н.* Историк-демократ: Афанасий Прокопьевич Щапов // Историки России XVIII – начало XX века. М., 1996.

Лекция 16.

Общее развитие русской исторической науки во второй половине XIX – начале XX вв.

От гегельянства к позитивизму, неокантианству и марксизму

Творчество историков государственной школы, господствовавшей в отечественной историографии второй половины XIX в., может служить иллюстрацией смены исторических доктрин, перехода от гегельянства к позитивистским концепциям исторического развития. Изначально взгляды Гегеля были фундаментом для приверженцев государственно-юридического подхода к изучению прошлого. В науке прочно закрепились понятия закономерности и внутренней обусловленности исторического процесса, привычным стал поиск скрытых антитез как движущих сил истории (борьба леса и степи, родового быта и государственного уклада, востока и запада и т.д.), в исследованиях пристальное внимание уделялось развитию права и государственных институтов. Но государственная школа перерастала гегельянские рамки, её развитие требовало новых методологических подходов, нового философского осмысления истории.

Этим новым подходом, новой исторической доктриной стал *позитивизм*. Его создателями были **Огюст Конт** (1798 – 1857) во Франции и **Джон Стюарт Милль** (1806 – 1873) в Англии, но особенно широко позитивизм распространился во второй половине XIX столетия благодаря трудам англичанина **Герберта Спенсера** (1820 – 1903) и француза **Ипполита Тэна** (1828 – 1893). Позитивизм объявлял единственным источником истинного, действительного знания эмпиризм (строгое подчинение воображения наблюдению), обосновывая это тем, что существует только опытное познание, которое основывается на том, что нам непосредственно дано.

Для исторической науки особенно важными были следующие положения, разработанные философами-позитивистами:

- выделение трёх стадий развития человеческого сознания: 1) теологическая, когда люди для объяснения всего используют понятие Бога. Эта стадия проходит три этапа – от фетишизма (поклонения обожествлённым предметам) к политеизму (многобожию) и, наконец, к монотеизму (представлению о едином Боге как первопричине всего сущего); 2) метафизическая, когда место богов занимают абстрактные сущности; и 3) позитивная, когда единственной фор-

мой знания становится знание научное и объяснение всего достигается опытным путём;

- признание изменчивого многообразия исторического процесса как одновременного сочетания множества факторов, влияющих на развитие человечества – экономических, политических, религиозных, культурных, природных и т.д.;
- эволюционизм как главный принцип развития общества по пути прогресса в движении от простого к сложному, от однородного к неоднородному;
- выяснение закономерностей исторического процесса через реконструкцию фактов;
- прагматизм в получении научного знания: знание должно быть полезным, точным и достоверным. Это хорошо сочеталось с ценностями индустриальной эпохи, которые отличались технократизмом и пренебрежением к интересам отдельной человеческой личности.

Своё распространение в России позитивистский подход к истории начал с середины XIX в., к концу столетия эта философская доктрина подошла к кризису, связанному с глобальным обострением социально-политических проблем, усиливающим скепсис по отношению к любым прежним ценностям или убеждениям. Научное сообщество испытывало разочарование в позитивистском учении о прогрессе. В этот период возрождаются релятивистские тенденции, выражающиеся в признании относительности и условности содержания любого познания. В исторической науке к тому же складывается понимание некоего предела, которого она достигла в своём развитии – прежний экстенсивный путь наращивания знаний за счёт постоянного введения в оборот новых источников себя исчерпал, требовались новые приёмы, идеи, методы научного исследования.

Отсюда проистекал тот интерес к методологическим трудам, который заметен в творчестве критических позитивистов конца XIX – начала XX вв. (П. Н. Милюков, Н. А. Рожков, Е. В. Тарле и др.). Благодаря их научно-исследовательской деятельности методология истории оформляется в отдельную дисциплину, приверженцы позитивистского подхода уделяют всё больше внимания сравнению отдельных культур и народов в ущерб общей идее движения человечества по пути прогресса, социально-экономические факторы приобретают характер первопричины исторических процессов, признаётся относительность и субъективность исторических истин, зависимость исторических оценок от современной социально-политической обстановки.

Конец XIX – начало XX вв. вообще отличаются неустойчивостью, взаимопроникновением и смешением целого ряда существовавших тогда историко-философских подходов. Наряду с позитивистской методологией развивается неокантианство и исторический материализм.

Основателями исторического *неокантианства* были учёные баденской школы **Вильгельм Виндельбанд** (1848 – 1915) и **Генрих Риккерт** (1863 – 1936), разделявшие науки на *номотетические*, имеющие дело с законами (здесь мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, что характерно для естествознания), и *идиографические*, изучающие единичные явления в их неповторимости (мышление останавливается на тщательном выяснении частного – это характерно для истории и науки о культуре). Соответственно, неокантианцы утверждали, что человеческому развитию присущи свои собственные законы, отличные от законов естественных, нельзя отождествлять мир органический и мир человеческий. Последователем и преобразователем их идей на русской почве был А. С. Лаппо-Данилевский.

Неокантианский подход к истории сосредотачивал внимание не на выявлении законов исторического процесса, а на восприятии истории как совокупности уникальных и неповторимых моментов. Первостепенным для историка, с точки зрения неокантианцев, является не выяснение движущих сил исторического процесса, а выявление того, как историческая действительность воспринималась самими субъектами познания сквозь призму их религиозных, этических, эстетических ценностей. По определению Г. Риккерта: «Главным объектом исторического исследования является ... человек, как социальное существо, ... поскольку он участвует в реализации социальных ценностей».

Идеологи марксизма – **Карл Маркс** (1818 – 1883), **Фридрих Энгельс** (1820 – 1895), **Владимир Ильич Ленин** (1870 – 1924) разработали свою теорию развития общества – *исторический материализм*. Истмат рассматривал общество как систему, обусловленную уровнем развития производительных сил, как сочетание базиса и надстройки. Под базисом понималось материальное производство, состоящее из производительных сил (трудящейся массы людей и средств производства, которыми те пользуются) и производственных отношений (общественных отношений, неизбежно возникающих в связи с производством).

С марксистской точки зрения базис выступал основой и первопричиной всех процессов, происходящих в обществе. Надстройка пред-

ставляла из себя совокупность политических, правовых, религиозных институтов общества, а также нравственных, эстетических, философских воззрений в нём. По отношению к базису надстройка вторична и зависима от него, но обладает относительной самостоятельностью и может в своём развитии как соответствовать базису, так и опережать его или отставать от него, стимулируя или тормозя таким образом развитие общества. Эту мысль К. Маркс коротко выразил в формуле: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, общественное бытие определяет их сознание».

Человечество в своём развитии проходит ряд последовательно сменяющихся друг друга способов производства или формаций. Формации заключают в себе противоречия в виде антагонистических классовых отношений, поскольку в зависимости от отношения к средствам производства члены общества разделены на классы эксплуататоров и эксплуатируемых: рабовладельцев и рабов, феодалов и зависимых крестьян, буржуазии и пролетариата. В ходе классовой борьбы наиболее могущественный класс создаёт государство, а также различные формы идеологии (включая религию, право и искусство) для того, чтобы господствовать над другими классами общества. Смена формаций определяется уровнем развития производительных сил, которые постепенно «перерастают» производственные отношения, вступают в конфликт с ними, что приводит к революциям (социальным и политическим).

Материалистическое понимание истории выдвигало на первый план исследования социально-экономических процессов и классовой борьбы. Многие историки конца XIX – начала XX в. испытали на себе влияние марксизма (можно привести в пример «позитивиста» П. Н. Милюкова и «неокантианца» А. С. Лаппо-Данилевского), но наибольшее распространение эти идеи получили в творчестве Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова.

Проблема кризиса исторической науки конца XIX – начала XX вв.

В советской историографии был распространён тезис о том, что историческая наука рубежа XIX – XX веков переживала методологический кризис, выражавшийся, по мнению Л. В. Черепнина, в усилении идеалистических философских взглядов, признании непознаваемости мира, природы и истории, отказе от выявления закономерностей общественного развития. С этим утверждением, кажется, плохо

сочетается наличие массы интереснейших исторических трудов самой разной направленности и тематики, в огромном количестве появившихся именно на рубеже позапрошлого и прошлого столетий. Хотя именно на это сетовал С. Ф. Платонов вслед за К. С. Аксаковым, говоря, «что у нас теперь нет “истории”, что “у нас теперь пора исторических исследований, не более”».

По всей видимости, дело не в количестве издаваемой литературы и даже не в её качестве, суть кризиса хорошо передаёт высказывание современного исследователя Б. Г. Могильницкого: «Кризис – это такое состояние науки, когда старая парадигма уже разрушена или разрушается, а новая ещё не создана и в сообществе историков возникает сознание, что что-то не то, что-то не так». Развивая это положение, В. П. Корзун подчёркивают, что «кризис науки – это явление не только закономерное, но и плодотворное, отмеченное небывалым интеллектуальным напряжением». Исторические труды писались, темы исследований становилось всё более разнообразными, сами историки превращались в тончайших специалистов, изучающих явления прошлого, но за этой специализацией и конкретизацией исчезало главное – понимание смысла истории.

Безусловно, говоря о состоянии науки в конце XIX – начале XX в., надо помнить об общем положении дел, о той лихорадочной скорости, которую приобрела смена политического, экономического, культурного состояния общества, о тех масштабных потрясениях, которые одно за другим переживало человечество в это время. Крупный специалист по всеобщей истории Р. Ю. Виппер писал в 1921 г.: «Бывают эпохи, когда хочется сказать обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю. Такую эпоху мы сейчас переживаем. Наш жизненный опыт и в крупном и в мелком необычайно обогатился. И наши суждения о прошлом, наши исторические мнения приходится все пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, иногда обратными. История из наставницы стала ученицей жизни».

Вопрос о том, *что* изучает историческая наука, т.е. что есть объект и предмет её исследования, бесконечно дискутировался в образованных кругах, переплетался со спорами о том, *как* она это изучает – каков инструментарий получения исторических знаний, насколько эти знания истинны и объективны? И всё это в конце концов упиралось в главный вопрос – *для чего* она это изучает? Существуют ли законы исторического развития и насколько они непреложны, какую ценность несут исторические знания и может ли вообще история на-

зваться наукой – размышления об этом охватывали самые широкие круги: от студентов до профессоров, от простого обывателя до облечённого высокой властью чиновника. Этот кризис не был порождением только внутренних проблем исторического знания, он отражал конфликтное состояние всего социума. Споры о том, что есть история и для чего она нужна, часто являются маркером общественного дисбаланса, свидетельством переломного характера эпохи.

Современные исследователи историографической проблематики (А. Г. Быкова, В. Г. Рыженко, В. П. Корзун, С. П. Бычков), говоря о развитии отечественной исторической науки начала XX века, приходят к консолидированному выводу, что «историко-научное сообщество не отдавало какого-то явного предпочтения одной отдельно взятой теоретической доктрине, как и не стремилось к выработке единой синтезирующей и удовлетворяющей всех методологии научного познания. Отечественных историков заставили силой государственного давления признать марксизм вершиной теоретико-методологической мысли в конце 1920-х – начале 1930-х гг.».

Научные организации, публикация источников, развитие вспомогательных исторических дисциплин

Благодаря развитию высшего исторического образования к концу XIX в. в России сформировалось научное сообщество профессиональных историков – в центральных университетах работало около 800 учёных, причём две трети из них составляли специалисты по русской истории.

Смена парадигм в исторической науке не имела прямого отражения в состоянии материальной основы научных знаний. Накапливались новые источники, в научный оборот вводились их новые типы. Постоянное расширение источниковой базы способствовало переходу учёных к преимущественно монографическим типам исследований по различным проблемам: истории экономики и общественной мысли, истории сословий и политических партий, истории государственных учреждений, истории различных отраслей культуры и быта и т.д.

Продолжали плодотворно работать научные общества и организации, возникшие ещё в XVIII или первой половине XIX в., появлялись их ответвления и новые научные учреждения. Например, помимо Петербургской Императорской Археографической комиссии, основанной в 1834 г., в середине XIX в. возникли Киевская, Виленская и Кав-

казская археографические комиссии, с 1880-х гг. начали появляться губернские архивные комиссии, в 1896 г. была создана археографическая комиссия при Московском археографическом обществе – деятельность этих организаций была направлена на выявление и издание исторических источников на местах, в провинции. В ведение центральной Археографической комиссии перешла публикация «Полного собрания русских летописей», продолжавшаяся до 1924 г.

Логичным шагом в развитии хранения, сбора и публикации исторического материала стало создание губернских учёных архивных комиссий. Они поддерживали рост интереса к региональной истории, координировали деятельность провинциальных архивов, содействовали появлению историко-краеведческих музеев, вели большую просветительскую работу среди населения.

Публикации исторических источников способствовало Русское историческое общество, созданное в 1866 г. За 50 лет его существования (до 1917 г.) было издано 148 томов «Сборников Русского исторического общества», где публиковались редкие или ранее не известные исторические документы.

С 1863 г. по 1917 г. Пётр Иванович Бартенев издавал журнал «Русский архив», который преимущественно содержал публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю XVIII и XIX вв. В 1878 г. по инициативе историка Михаила Ивановича Семевского стал выпускаться ежемесячный журнал «Русская старина» (выходил до 1918 г.), на страницах которого читатели знакомились с историей императорского периода в развитии России. В этот же период выходят такие исторические журналы, как «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Старые годы», «Былое» и другие.

На рубеже XIX – XX вв. на новый уровень выходит такая область исторических знаний, как источниковедение. Главные достижения в этой сфере были связаны с творчеством *Алексея Александровича Шахматова* (1864 – 1920). Область его интересов лежала прежде всего в изучении летописания. По определению Н. Л. Рубинштейна, «Шахматов первый перешёл к подлинной исторической критике источника». Источниковедческое исследование выносится за рамки самого источника, становится шире, превращается в исследование эпохи, в которой источник создавался – «история источника становится... прямым отражением истории того общества, в котором этот источник возник».

В конце XIX – начале XX вв. археологическая наука значительно расширила географию проводимых изысканий, изучая, помимо южных курганов, территорию центральных областей страны. Сбору, хранению и исследованию материальной культуры прошлого способствовало развитие музейного дела, крупнейшим событием в этой области стало открытие в 1883 г. Исторического музея в Москве.

Широкое развитие получает этнография. В 1863 г. в Москве было создано Общество любителей естествознания, преобразованное в 1871 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, оно способствовало организации многочисленных экспедиций и выставок, занималось издательской и просветительской деятельностью. На вторую половину XIX – начало XX вв. приходится расцвет творчества крупнейших русских этнографов – *Ивана Григорьевича Забелина* (1820 – 1908) и *Дмитрия Константиновича Зеленина* (1878 – 1954). Первый задумывал создать большую работу по домашнему быту русского народа в XVI – XVII столетии, но из замысла нашло воплощение только два тома – «Домашний быт русских царей в XVI – XVII вв.» и «Домашний быт русских цариц в XVI – XVII вв.». Второй направил своё творчество на изучение восточнославянской этнографии. Интерес к написанию истории народной жизни выражался в это время и в собирании фольклорных памятников – былин, русских народных песен (П. Н. Рыбников, П. И. Якушкин), сказок (А. Н. Афанасьев).

В области развития исторической географии необходимо отметить работу *Николая Павловича Барсова* (1839 – 1889) «Материалы для историко-географического словаря Древней Руси» (1865), которая представляла из себя указатель древних географических названий, с приведением всех летописных и древнеактовых известий о них, и «Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи» (1885), где автор устанавливал местоположение древнерусских племён, определял территориальные границы отдельных областей и княжеств, указывал на дальнейшую судьбу упоминаемых в летописи местностей и т. д.

Крупными специалистами в области экономической истории выступали *Николай Яковлевич Аристов* (1834 – 1882), защитивший в 1866 г. магистерскую диссертацию на тему «Промышленность Древней Руси», и *Александр Иванович Никитский* (1842 – 1886), издавший в 1873 г. «Очерки внутренней истории Пскова», а в 1893 г. «Историю экономического быта Великого Новгорода».

В отдельную область исторических знаний выделяются работы по истории русской литературы. Здесь обращали на себя внимание тру-

ды двоюродного брата Н. Г. Чернышевского – *Александра Николаевича Пытина* (1833 – 1904). В 1857 г. он защитил магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», а в 1911 – 1913 гг. вышла его четырёхтомная «История русской литературы». Кстати сказать, его же стараниями создан другой четырёхтомник – «История русской этнографии», вышедший в начале 1890-х гг.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте основные позитивистские принципы исторического познания. Найдите, что об этом говорится в дополнительной литературе.
2. Охарактеризуйте основные неокантианские принципы исторического познания. Найдите, что об этом говорится в дополнительной литературе.
3. Охарактеризуйте основные марксистские принципы исторического познания. Найдите, что об этом говорится в дополнительной литературе.
4. Выясните, чем отличаются характеристики кризиса исторической науки конца XIX – начала XX вв. в советской и современной исторической литературе.

ИСТОЧНИКИ

Виндельбанд В. История новой философии. В 2 т. М., 2007.

Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2012.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 39 т. М., 1954.

Спенсер Г. Политические сочинения в 5 т. Т. 1: Личность и государство: опыт о государстве, обществе и свободе. М.-Челябинск, 2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бон Т. Историзм в России?: О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. № 4.

Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 68-75.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983.

Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии периода империализма: историографические очерки. Л., 1986.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л., 1986.

Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980.

Лекция 17.

Консервативное направление отечественной историографии конца XIX – начала XX вв.

Как отмечал А. Л. Шапиро, «в исторической науке последних десятилетий XIX в. теория официальной народности не пользовалась уважением и тем более признанием». Однако такое утверждение верно лишь отчасти.

Константин Николаевич Леонтьев

Строго говоря, историком К. Н. Леонтьев не был, но его историко-философские взгляды получили довольно широкую известность, а к консервативному лагерю он может быть отнесён благодаря предложению «подморозить Россию», изолировать её от внешнего мира, не дать проникнуть сюда демократическим и революционным идеям. Н. А. Бердяев вообще называл его «первым и единственным философом консерватизма».

По происхождению *Константин Николаевич Леонтьев* (1831 – 1891) был из семьи небогатого калужского помещика. Он родился 13 января 1831 г. в селе Кудинове Калужской губернии. Получил медицинское образование, окончив соответствующий факультет Московского университета, но быстро отказался от медицинской практики. В 1863 г. несостоявшийся доктор поступил на службу в Министерство иностранных дел, начав работу с должности драгомана (дипломата-переводчика) на Крите. Дипломатическая деятельность позволила ему превосходно изучить Ближний Восток. После вынужденной отставки он остался жить в Константинополе, где написал и опубликовал свои статьи о панславизме – «восточный вопрос» становится главной темой его творчества.

К началу 1880 г. жизненный путь привёл К. Н. Леонтьева в Варшаву, где он стал редактором газеты «Варшавский дневник». Потом учёный работал цензором Московского цензурного комитета, уйдя в отставку, поселился в Оптиной Пустыни, в 1891 г. принял тайный постриг под именем Климента, затем переехал в Сергиев Посад, где и скончался 12 ноября 1891 г.

Увлекаясь теорией Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, К. Н. Леонтьев всё же не идеализировал братство славянских народов, видя предназначение и спасительный путь для России в ви-

зантизме. Свою теорию спасения славянства он изложил в книге «Византизм и Славянство» (1871). За идею византизма К. Н. Леонтьева считают предтечей евразийства, возникшего в среде русских эмигрантов после 1917 г.

«Византизм – есть Царь плюс Церковь», эта формула иллюстрировала процесс передачи от Византии к России фундаментальных принципов государственного устройства, национального характера и культурной идеи.

Обращаясь к истории России, К. Н. Леонтьев говорил, что русское общество прошло в своём развитии три этапа:

- 1) до XVII в. – время первичной эпической простоты и патриархальности;
- 2) XVII – XVIII вв. – период «цветущей сложности», когда существовало высшее духовное и государственное единство России в многообразии его проявлений;
- 3) XIX в. – уничтожение разнообразия, упрощение всех процессов (культурных, социальных, экономических и т.д.), время уравнительного прогресса, ведущего к «среднему человеку».

Важным фактором в развитии России были не только её отношения с Византией, но и связи с Западом. Современный самому К. Н. Леонтьеву Запад переживал, по мнению историка, последнюю стадию своего развития – упадок. Это представляло угрозу русскому миру и всему славянству, спасение Россия может найти, став сверхдержавой с оригинальной культурой, для этого нужна политическая, религиозная, культурная (но не административная!) конфедерация славянских стран. Сама же Россия должна стать страной с всесильной, всеобъемлющей государственностью, православием и общинностью.

Лев Александрович Тихомиров

Активным представителем «творческого традиционализма», т.е. такого течения в историографии, представители которого считали возможным плодотворное развитие России на базе православно-монархических традиций, выступал в 90-е гг. XIX в. **Лев Александрович Тихомиров** (1852 – 1923). Сын военного врача, он родился 19 января 1852 г. в Геленджике. С детства был очень набожным. В 1870 г. окончил керченскую гимназию с золотой медалью, поступил в Московский университет на юридический факультет, затем перевёлся на медицинский. Слыл народником, состоял в «Земле и воле», потом играл ведущую роль в «Народной воле», попал в тюрьму. Был про-

щён Александром III и выпущен из Петропавловской крепости, уехал за границу. Бывший сторонник террора и царевубийства стал монархистом и в 1888 г. издал работу «Почему я перестал быть революционером».

В 1905 г. вышел капитальный труд Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность». В 1906 – 1910 гг. учёный выступал советником Петра Аркадьевича Столыпина по рабочему вопросу. Ему был пожалован чин статского советника, он стал членом Совета министра внутренних дел.

У Л. А. Тихомирова оказалось много общего со взглядами К. Н. Леонтьева, с которым он познакомился и был дружен последние два года его жизни, сам Тихомиров скончался в том же Сергиевом Посаде, что и Леонтьев, только в 1923 г.

Интерес к истории Л. А. Тихомиров проявлял постоянно, хотя большая часть его трудов носила публицистический характер и значительных исторических произведений в чистом виде он не создал (ещё в молодости, до ареста в 1873 г., он работал над «Историей Пугачёва», но так и не закончил труда).

Задачу историка Л. А. Тихомиров определял как улавливание «безмерной сложности исторических событий», а общей целью истории как науки видел анализ психологических причин социальных явлений. При этом он считал, что для философии истории необходима религиозная идея, искание откровения.

В основе тихомировской концепции русской истории лежала идея государственного строительства. Она вытекает из глубины человеческого сознания, считал Л. А. Тихомиров, потому что государственные принципы любого народа тесно связаны с его национальным самосознанием и представлением о целях существования.

Мыслитель выдвигал три принципа организации власти: 1) демократию (силу материальную, физическую и количественную); 2) аристократию (силу качественную, дающую преобладание одного человека над толпой); 3) монархию (нравственный закон, который подчиняет себе количественную и качественную силы). Необходимо отметить, что Л. А. Тихомиров разделял понятия «верховой власти» и «способа управления», под которым подразумевал правительство, в связи с чем предупреждал о возможности вырождения монархии.

Выбор формы верховной власти связан с потребностями народа, его религиозными взглядами, национальными особенностями и традициями. Религиозно-нравственным идеалом русского народа всегда была «жизнь “по Правде”», а высшим проявлением Правды высту-

пала Царская власть, осуществлявшаяся «по Божьему повелению». «Царская власть – это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле», – писал Л. А. Тихомиров.

В истории России он выделял три «смысловых» периода:

- 1) от рождения государственной монархической идеи в Суздале XII в. до Ивана Грозного;
- 2) Московский период – самодержавная идея (от Ивана IV до Петра I);
- 3) Петербургский период – идея абсолютизма, время господства бюрократии (от Петра I до Николая II).

Перерождение самодержавия, отсутствие свободы – страшное зло для России. Окончательное разъединение царя и народа произошло в 1861 г., когда социально-историческая роль дворянства была уничтожена и около верховной царской власти остались лишь бюрократические служебные органы. В результате Россия так и осталась страной с переменными национальными задачами и множеством внутренних неудовлетворённых запросов, постоянно нуждающейся в сильном и прочном правительстве, страной с неразвитой государственно-правовой системой.

Л. А. Тихомиров рассматривал потребность в реформах для России и призывал, прежде всего, ответить на вопрос – где реформаторы находят идеал, которым руководствуются в своей деятельности? В России или вне её? Что берётся за образец? И не пора ли начать поиск внутренних законов российской государственности?

Дмитрий Иванович Иловайский

Дмитрий Иванович Иловайский (1832 – 1920) родился 11 февраля 1832 г. в г. Раненбург Рязанской губернии. Отец его был управляющим графским имением. Образование мальчик получил в уездном училище, потом был отдан родителями в гимназию. Уже в эти годы был замечен интерес юноши к истории (он с удовольствием заучивал даже введение к учебнику), поэтому дальнейший путь был в общем-то предопределён – историко-филологический факультет Московского университета, куда молодой человек поступил в 1850 г. Его учителями здесь были С. М. Соловьёв, Т. Н. Грановский, Ф. И. Буслаев. Получив университетское образование, Д. И. Иловайский вернулся преподавателем в Рязанскую гимназию.

Отдалённость от архивных и научных центров не сломила желания молодого учёного не просто читать, но и писать историю. Он пешком

исходил всю Рязанщину, собирая фольклор, записывая рассказы старожилов, изучая останки древних сооружений и сохранившиеся памятники архитектуры. Итогом этих странствий стали «Прогулки по берегам Оки» – путевые записки, опубликованные Д. И. Иловайским в 1856 г. в «Московских ведомостях». Наблюдения автора стали основой для магистерской диссертации «История Рязанского княжества», защищённой в Московском университете в 1858 г. Это было не просто удачное обращение к местной истории, труд имел и общероссийское значение. Погружаясь в эпоху, Иловайский сумел показать, что деятельность Олега Рязанского, не примкнувшего к Дмитрию Донскому в борьбе против Мамаю, нельзя расценивать с позиции сегодняшнего дня. Не удивительно, что диссертация, посвящённая истории края, была награждена Уваровской премией.

Несмотря на полученную учёную степень, Д. И. Иловайский никогда не забывал о своём преподавательском опыте. Он стал одним из самых известных и публикуемых авторов учебников. По своим убеждениям историк был монархистом, а официальная (монархическая) историография пользовалась политической и материальной поддержкой со стороны правительства. Поэтому историки консервативного толка могли в большей степени задействовать так называемый «административный ресурс» – они имели возможность оказывать влияние на направление и деятельность научных обществ, на содержание периодических исторических изданий, на преподавание истории на всех уровнях образования и, соответственно, на формирование исторических представлений в народной среде.

Но дело не только в верноподданнических взглядах Д. И. Иловайского, он был ещё и талантливым педагогом, отлично понимавшим, что «не только наша речь, письменная и изустная, носит часто следы книг, по которым мы учились, но это влияние иногда прослеживается и на самом складе нашего мышления». Помня о том, с какими трудностями ему самому пришлось столкнуться, преподавая в гимназии, в начале 1860-х гг. Иловайский решил создать учебник, который не был бы сборником наставлений для зубрежки, но помогал учителю и ученику работать над историей, быть сотворцами в этом процессе.

Вскоре учебники Д. И. Иловайского побили все рекорды по раскупаемости и переизданиям: до 1917 г. 36 раз переиздавалось его пособие по русской истории для старшего возраста; 44 раза издавался курс русской истории для среднего возраста; курс всеобщей истории для старшего возраста переиздавался 30 раз, а аналогичный учебник для среднего возраста – 35 раз. Секрет успеха крылся не только в том, что

учебники Иловайского были рекомендованы Министерством народного просвещения, в министерские списки входили и другие издания. Он происходил, главным образом, оттого, что его учебники учитывали возрастные особенности восприятия материала, содержали тщательно отобранные факты для создания прочного фундамента исторических знаний, на котором можно было возводить самые разные исторические построения. Все учебники сопровождалась обширной системой примечаний, где приводились различные версии событий, давались сведения непосредственно из исторических источников. Марина Цветаева, которой Иловайский приходился сводным дедом, свидетельствовала: «Всё, что он пишет – вижу. Тут живые лица, живые цари и царицы, и не только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!».

В 1870 г. Д. И. Иловайский защитил докторскую диссертацию по теме «Гродненский сейм 1793 г.», в этот же период он опубликовал несколько статей по истории Польши XVIII в., где попытался обрисовать некоторые присущие полякам национальные черты характера, приведшие к падению их государства, и в то же время оправдать действия Екатерины II во время последнего раздела Польши, так как она пошла на него, поскольку «во всём прежде всего имела в виду русские интересы».

В 1876 г. Д. И. Иловайский на основе ранее выходивших статей выпустил «Разыскания о начале Руси, дополненные вопросами о гуннах», где выступил с критикой норманнской теории (его неизменный интерес к этой теме В. О. Ключевский даже язвительно назвал патологией). Тогда же он начал публиковать обобщающий труд «Русская история». Первые тома этого издания не вызвали особо заметной реакции в научной среде, которая ограничивалась критикой некоторых идей Иловайского (например, его представлений, вслед за Ломоносовым, о роксоланах как предках русского народа), но по мере выхода новых фолиантов нападки на консервативного историка становились всё более жестокими. Иловайского обвиняли в обширных «заимствованиях» у Карамзина, Соловьёва и других авторов, в отсутствии «научного чутья», в сравнении исторической науки с искусством, в некорректном использовании научной терминологии, в чрезмерном увлечении мелочами и деталями.

К концу 1890-х гг. Д. И. Иловайский оказался в оппозиции ко всему образованному сообществу. Его не любили за резкий и назидательный тон статей, за то, что революционное движение он объяснял влиянием «инородческих элементов» (евреев, поляков, немцев), с которыми со-

единились многие русские интеллигенты «нерусского направления», за чин статского советника, полученный от Александра III почти не служившим историком к 25-летию научной деятельности, за официальную газету «Кремль», в которой Иловайский был и главным редактором, и главным автором, и, как шутили, главным читателем.

Казалось, впрочем, что учёного мало тревожат все эти недоброжелательные взгляды и реплики, он всегда был фигурой независимой, не обращавшей внимания на так называемое «общественное мнение». Уже после революции, на допросе в ЧК 86-летний старец на вопрос следователя: «Каковы ваши политические убеждения?», твёрдо ответил: «Был монархистом, есть монархист». Скончался Иловайский в феврале 1920 г.

Николай Карлович Шильдер

Среди профессионалов и любителей истории второй половины XIX в. этот автор был известен прежде всего как мастер биографического жанра. **Николай Карлович Шильдер** (1842 – 1902) родился 21 мая 1842 г. в семье военных, его отец определил сына в Пажеский корпус, потом он закончил Николаевскую инженерную академию и в 1863 г. поступил на службу адъютантом к Эдуарду Ивановичу Тотлебену, известному организатору оборонительных работ в осаждённом в ходе Крымской войны Севастополе. Позже под его руководством молодой офицер участвовал в организации осады Плевны в русско-турецкую кампанию 1877 – 1878 гг. Военная карьера шла успешно, Шильдер дослужился до генерал-майора, затем перешёл на гражданскую службу, возглавил Николаевскую инженерную академию, под конец жизни, уже в чине генерал-лейтенанта директорствовал в Императорской Публичной библиотеке.

Военная стезя не была единственным призванием Н. К. Шильдера. Ему нравилось заниматься историей, хотя интерес к этому проснулся, по-видимому, под влиянием трагических событий. После того как его отец, известный военный инженер, погиб во время Крымской войны, Шильдер решил увековечить память родителя подробной биографией, которую составил весьма обстоятельно, с привлечением массы источников личного характера, и опубликовал в журнале «Русская старина».

Однако наибольшую известность Шильдеру-историку принесли жизнеописания членов царствующей династии – императоров Павла I, Александра I и Николая I и выдающихся соотечественников –

А. А. Аракчеева, М. Д. Скобелева, Э. И. Тотлебена... В этих биографиях затрагивались события не столь давнего времени, что сказывалось на работе историка. Описание придворных нравов, рассказ о дворцовом перевороте, лишившем Павла трона и жизни, бурные события междуцарствия Александра и Николая Павловичей – всё это при обращении к ним требовало такта и в то же время заставляло давать предельно честную характеристику произошедшему.

Н. К. Шильдера вряд ли можно назвать простым апологетом Романовых – он, к примеру, не скрывал негативного отношения к действиям Елизаветы, приведшим петровскую дочь к власти, писал, что «все отрасли государственного управления приведены были в четырёхлетнее правление императора Павла в неопишумый беспорядок», обвинял политику Александра I и его самого в том, что случилось восстание декабристов. Вместе с тем, автор ко всем своим героям относился с явной симпатией, пытался показать в них не только выдающихся политиков, но и простых людей, движимых страстями и сомнениями.

Биографии Н. К. Шильдера – это искусно сотканное полотно, где за многочисленными цитатами из высказываний современников и историков бывает трудно выделить собственно авторскую оценку героя повествования. Его работы выходили в роскошном оформлении, благоприятные отзывы в официальной печати, высокое положение самого сочинителя – всё это указывало на правительственную поддержку его произведений. Впрочем, историческая ценность этих трудов заключалась не в том, что написавший их историк был проводником официальной идеологии, а в том, что они содержали данные из закрытых фондов, куда доступ простому смертному или либеральному бытописателю был невозможен. Поэтому к заслугам Шильдера можно отнести введение в научный оборот множества ранее неизвестных исторических источников (делопроизводственные материалы, эпистолярные источники, мемуары), которые он отыскал в государственных и частных архивах.

Сергей Спиридонович Татищев

Сергей Спиридонович Татищев (1846 – 1906) был потомком Василия Никитича Татищева. Родился 28 сентября 1846 г. в Петербурге, образование получал в Александровском лицее, потом в Сорбонне. Служил по ведомству Министерства иностранных дел, по отзывам современников, был блестящим дипломатом, в 29-летнем возрасте

те стал секретарём русского посольства в Вене. В 1878 г. службу оставил, из-за интриг германской дипломатии над ним нависла угроза обвинения в государственной измене, которая исчезла только после воцарения Александра III.

С. С. Татищев был убеждённым монархистом – по его мнению, критика самодержавной формы правления есть «бесплодное и тлетворное отрицание живых и положительных начал русской государственности». Не особо считаясь с реальностью, он писал: «Самодержавная власть – власть отеческая, потому-то она и допускает для подданных долю свободы в области мысли и слова несравненно большую, чем та, что гарантируется параграфом любой из западноевропейских конституций».

Дипломатическая деятельность убедила С. С. Татищева в тщетности поисков друзей России на Западе, он придерживался точки зрения, близкой к взглядам Н. Я. Данилевского на отношение к нам Европы как враждебное. Ошибки России в области внешней политики и установления международных отношений проистекали, по мнению Татищева, во многом из-за того, что «наше дипломатическое ведомство перешло в руки инородцев по происхождению, иноверцев по исповеданию, скоро обративших русскую дипломатию в нечто обособленное, чуждое, лишенное всякой живой и органической связи с животворящими источниками государственной и общественной жизни России».

Эти высказывания могли бы восприниматься как частное мнение одного из подданных российского императора, но С. С. Татищев был довольно известным и авторитетным автором трудов по истории внешней политики. За десятилетие конца 1880-х – 1890-х гг. им было выпущено несколько крупных работ на эту тему: «Внешняя политика императора Николая I» (1887), «Император Николай I и иностранные дворы» (1888), «Из прошлого русской дипломатии» (1890), «Дипломатические беседы о внешней политике России» (1890 – 1898).

Другая область исторических интересов С. С. Татищева – биографический жанр. Подвизаясь в этом направлении, он издал работу «Император Александр II», являясь как бы продолжателем дела Н. К. Шильдера. К сильной стороне его работы можно отнести живой литературный язык, которым она была написана.

Независимо от того, к какой области обращалось творчество С. С. Татищева, он твёрдо придерживался своей позиции, чётко выраженной в эпитафии к труду «Из прошлого русской дипломатии»: «Каждый из русских подданных обязан стоять на страже прав Вер-

ховной Власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о её пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте работу К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». Определите, что сближает взгляды мыслителя с теорией официальной народности.
2. Сравните оценку вклада Д. И. Иловайского в развитие отечественной историографии в отзывах советских и современных историков.

ИСТОЧНИКИ

- Иловайский Д. И.* Начало Руси. М., 2015.
- Иловайский Д. И.* Труды по русской истории. М., 2016.
- Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. Сб. статей. Т. I. М., 1885.
- Татищев С. С.* История российской дипломатии. М., 2010.
- Татищев С. С.* Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2010.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1905.
- Шильдер Н. К.* Александр I: его жизнь и царствование. М., 2010.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I: его жизнь и царствование. М., 2010.
- Шильдер Н. К.* Император Павел I. Его жизнь и царствование. М., 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дурновцев В. И., Бачинин А. Н.* Учёный грызун: Д. И. Иловайский // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.
- Ермашов Д. В., Пролубников А. В., Ширинянец А. А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л. А. Тихомиров. М., 1999.
- Камнев В. М.* Русская консервативная мысль XIX – начала XX века. Опыт типологии. СПб., 2012.
- Русская социально-политическая мысль XIX века.* К. Н. Леонтьев / под ред. Ширинянца А. А. М., 1995.
- Дамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.
- Дамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л., 1985.

Лекция 18.

Московская историческая школа.

Василий Осипович Ключевский и его ученики

Василий Осипович Ключевский

Василий Осипович Ключевский (1841 – 1911) был сыном бедного сельского священника. Он родился 16 января 1841 г. в селе Воскресенском под Пензой и образование получал сначала в местном приходском училище, а затем в Пензенской губернской семинарии, но карьера священника юношу не привлекала. Он оставил семинарию, не без труда, но переехал в Москву и поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Учился Ключевский самозабвенно, хотя порой казалось, что «бакалаврушка» (так называла его бабушка) расплывется и не может определиться со сферой интересов. В письме другу он и сам признавался: «Трудно резюмировать мои занятия. Чёрт знает чем я не занимаюсь. И политическую экономию почитываю, и санскритский язык долблю, и по-английски кой-что поучиваю, и чешский, и болгарский язык поворачиваю – и чёрт знает, что ещё». Впрочем, ближе к выпуску из университета научные приоритеты В. О. Ключевского были уже известны. Его дипломная работа «Сказания иностранцев о Московском государстве» привлекла к себе внимание публики и специалистов, её напечатали в «Известиях Московского университета», а молодой автор был награждён золотой медалью и оставлен при кафедре для «приготовления к профессорскому званию».

По совету научного руководителя – С. М. Соловьёва – темой своего дальнейшего исследования В. О. Ключевский выбрал агиографию. Прodelав огромную работу, изучив жития 166 святых, историк защитил в 1872 г. магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник». Однако диссертант пришёл к неутошительному выводу – по его мнению, агиографические источники были бедны историческими сведениями и слабо отражали современную им реальность: «Житие – не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии – не портрет, а икона». Разочарованный историк выносил свой приговор агиографии: «Часто кажется, что в рассказе жития таится меткое наблюдение, живая черта действительности; но при анализе остаётся одно лишь пустое место».

Магистерская работа была образцовой как источниковедческое исследование, но в творческом плане оставила автора неудовлетворённым. Докторскую диссертацию, защищённую в 1882 г., В. О. Ключевский посвятил истории важнейшего государственного учреждения отечественного средневековья, работа называлась «Боярская дума древней Руси». В подзаголовке к исследованию автор отмечал, что это будет «опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества».

Наряду с научной деятельностью В. О. Ключевский вёл активную преподавательскую работу – читал лекции по всеобщей истории в Александровском военном училище, преподавал гражданскую историю в Духовной академии Троице-Сергиевской лавры, знакомил с русской историей студентов Училища живописи, ваяния и зодчества и слушательниц Высших женских курсов. После смерти С. М. Соловьёва ему, ещё не имевшему докторской степени, передали курс русской истории в Московском университете. Иронизируя, он называл себя «улиткой, приросшей к кафедре», сочетание научной и преподавательской деятельности стало стилем жизни учёного.

Блестящее лекторское дарование не оставляло равнодушным ни одного из слушателей В. О. Ключевского – в 1880-е гг. были изданы конспекты его лекций, записанные студентами, позже он сам отредактировал и переиздал их под названием «Курс русской истории». Как писал С. О. Шмидт, его «читали повсеместно: в великокняжеских дворцах (где историк вёл занятия), в училищах, готовивших и священников, и офицеров, и художников; книги эти постоянно отмечают среди выявленных при аресте у революционеров (В. И. Ленин читал том Ключевского с карандашом в руке в 1891 году)».

Методологические подходы В. О. Ключевского нельзя назвать абсолютно новыми, они базировались на понимании русской истории как части всемирной и выделении трёх основных исторических сил, которые строят «людское общежитие» – человеческой личности, общества и природы страны. Важным было, с точки зрения историка, определить, выявить сочетание этих факторов. Кстати, Ключевский был первым, кто разработал и читал учебный курс по методологии русской истории. Его собственные лекции всегда отличались чёткой постановкой предмета и задач, стоящих перед курсом, начинались с объяснения структуры и периодизации материала, содержали характеристику источников и краткий историографический обзор (если он был возможен, исходя из изученности темы).

Касаясь конкретных исторических схем, можно отметить, что В. О. Ключевский симпатизировал идеям историков государственной школы, но уходил от чисто правового подхода в оценке исторического процесса, стараясь представить его как процесс развития общественных классов, чьё положение зависело от их экономического состояния и политического статуса. Различия с государственниками прослеживаются у учёного как в общем, так и частном: если Соловьёв был убеждён в безусловной познаваемости закономерностей исторического процесса, их безвариантности и неотвратимости проявлений, то Ключевский полагал, что наука может определить лишь границы исторического познания, а исторические явления реализуются с большой долей случайности и могут развиваться в самых разных вариантах. Общие методологические расхождения сопровождались частными различиями в оценке учёными тех или иных исторических явлений. Например, обращаясь к процессу перерастания родовых отношений в государственные, Ключевский усложнил трехступенчатую схему Соловьёва (род – семья – государство), представляя её в виде преемственной цепочки от кровнородственных отношений (род) к объединению на основе единства языка и обычаев (племя), далее к складыванию народа при осознании им нравственного единства, итогом чего становилось появление государства, скреплённого политическими связями.

Одним из важнейших факторов, влиявших на историю русского народа, В. О. Ключевский считал природу страны, которая определяет развитие социально-экономических отношений и особенности национального характера. Географическая среда обитания россиян приучила их к постоянной колонизации: «История России, есть история страны, которая колонизируется, – повторял учёный вслед за С. М. Соловьёвым. – Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией». Колонизационное движение тянуло за собой качественные перемены в истории русского народа и государства. Именно передвижение основной массы населения и было положено Ключевским в основу периодизации русской истории:

Первым он выделял *днепровский период* (VIII – XIII в.) – основная масса населения сосредотачивается тогда по среднему и верхнему Днепру и его притокам. Экономической основой хозяйства в это время были внешняя торговля и лесные промыслы, главным политическим процессом – «политическое дробление земли под руководством города», при совместном владении Древней Русью всем родом Рюриковичей на основе порядка «лествичного восхождения».

Потом наступал *верхневолжский период* (XIII – середина XV в.) – в это время массовое переселение идёт с южного Поднепровья на верховья Волги с её притоками. Экономической базой является земледелие на основе вольного труда («эксплуатация суглинка»), главные политические процессы – дробление земли на княжеские уделы. Важно отметить, что В. О. Ключевский не придавал монголо-татарскому нашествию значения какого-то порубежного события: «...монголы застали Русь на походе. Во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них».

Следующим был *великорусский период* (вторая половина XV – второе десятилетие XVII в.) – когда население растекается из областей верхней Волги на юг и восток по донскому и средневолжскому чернозёму, образуя особую великорусскую народность. Экономической основой хозяйства оставалось свободное земледелие, «но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны». Главный политический процесс заключался в складывании единого государства, формировании самодержавия. Оценивая превращение Московского княжества в Великорусское государство, В. О. Ключевский писал, что «Власть московского государя становилась не на место удельных князей, а над ними, и новый государственный порядок ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений». Поместная система военно-служилого Московского государства потянула за собой крепостнические отношения. В своём понимании возникновения крепостного права учёный отходил от схемы историков-государственников о закреплении и раскреплении сословий. По его мнению, бессмысленно искать какой-то специальный акт – указ 1592 г., установивший крепостное право, поскольку оно сложилось в результате экономической необходимости, вызванной «земледельческим кризисом» конца XVI в.: «крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства; последнему принадлежали не основания права, а его границы». Выводя причины исторических явлений из сочетания различных факторов (природных, социальных, психологических), Ключевский не мог, тем не менее, обойти вниманием фигуры ярких исторических личностей. Вместе с тем, он старался избегать морализаторства в своих оценках, призывая не искать в «нашем прошедшем своих идей, в наших предках – самих себя». Поэтому «отрицательное значение царствования» Ивана Грозного для него состоит не в самих ужасных де-

ниях царя, а в том, что конфликт царской власти и боярской аристократии объективно вёл Россию к Смуте, так что «жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она устроилась до него и после него».

Наконец, в свои права вступал *всероссийский период* (начало XVII – середина XIX в.) – в это время «русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского до Белого и Чёрного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала,.. к Великороссии примыкает одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю». Экономическая основа – крепостническое земледельческое и фабрично-заводское хозяйство, главный политический процесс – формирование дворянской империи. С отменой крепостного права начинается ограничение самодержавно-дворянского строя. Важнейшим событием этого периода были петровские реформы, но В. О. Ключевский не стал наделять царствование Петра I чертами переломного момента в истории России. Он обращал внимание на стихийность петровских преобразований (Пётр «просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдалёнными планами»), а главным побудительным мотивом, главной причиной реформ указывал Северную войну. Европеизация этого времени носила, по мнению историка, поверхностный характер, но привела к культурному, нравственному разрыву между верхами русского общества и народом.

Отход от традиционных схем, ироничные, порой убийственные характеристики В. О. Ключевского почти «канонизированных» главных фигур русской истории были отнюдь не случайны. Как верно подметил В. А. Бердинских: «Герой истории Ключевского – не героическая личность и не индивид, а общество и классы. Учёного интересовали не исторические события, а стихийные процессы истории, социальная эволюция, а не политическая история».

Лекции В. О. Ключевского имели огромный успех, его авторитет, как исследователя и преподавателя был несомненен, учёный не испытывал нехватки в почитателях своего таланта и старательных учениках. Однако заслужить доверие мастера, войти в круг тех, с кем он делился секретами мастерства, стать не просто последователем, а восприимчивым его идей и дела было очень нелегко. Ключевский был не простым учителем, он не баловал студентов отеческой опекой и вниманием и, скорее, тяготился назойливым любопытством и вопрошанием молодых неопитов, нежели приветствовал его. Один из учеников профессора, Ю. В. Готье, вспоминал: «Мне кажется, что “дохо-

ди сам” было его лозунгом, его девизом в отношении... к молодым учёным... Не бояться чёрной работы, доходить самому до первичной формы исторических известий, научиться самому ориентироваться в специальной литературе – таковы были требования, которые он предъявлял к начинающим свою деятельность молодым людям».

Проблема «школы Ключевского»

Прежде чем говорить о школе В. О. Ключевского, надо выяснить, что вообще подразумевается под таким понятием, как «научная школа». Проблема здесь заключается в том, что термин «школа» многозначен и найти для него какое-то одно, ёмкое и исчерпывающее определение вряд ли возможно. Один из современных авторов, Г. П. Мягков, выделяет несколько существенных характеристик этого явления. Во-первых, это «неформальное объединение, в противоположность организованным, формальным, “институционализированным” структурам научного исследования». Во-вторых, «важнейшим конституирующим аспектом “школы в науке” является то, что исследователи называют “парадигмой”, “программой”, “идеологией школы” и т.п.». Наконец, очень важным является «бытие школы как некоего феномена общения, коммуникации», обращение к которому подразумевает выявление наличия или отсутствия лидера школы, коммуникативных отношений и внутренней структуры школы, связей школы с внешней средой. Но, даже выработав критерии выделения научной школы, можно, выражаясь словами того же Мягкова, «обнаружить школу там, где её нет, и, наоборот, не увидеть там, где она реально существовала».

Если вести речь о школе В. О. Ключевского, то она, несомненно, относится к лидерскому типу подобных образований. Для лидерских школ хорошо подходит определение, данное А. Г. Быковой и В. Г. Рыженко: «Научная школа – это тесно спаянный коллектив учёных старшего и младшего поколения, в рамках которого осуществляется передача научного капитала от основателя научной школы к его ученикам. Спаянность коллектива обеспечивается не каким-то административными инструментами, а скорее всего преданностью всех участников коллектива интересам разработки общей идеи учителя». Но если с идеями Ключевского всё более-менее понятно, то говорить о спаянном коллективе его учеников весьма затруднительно.

Выше уже упоминалось, что учителем В. О. Ключевский был непростым, и хотя многие считали его своим наставником (например

М. Н. Покровский, А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. Г. Вернадский и др.), но из защитивших магистерские диссертации под его руководством можно назвать всего шесть человек, составивших ядро его школы: Павел Николаевич Милюков, Матвей Кузьмич Любавский, Николай Александрович Рожков, Михаил Михайлович Богословский, Александр Александрович Кизеветтер и Юрий Владимирович Готье. На взаимоотношения магистрантов с учителем и их собственный вклад в историческую науку стоит обратить особое внимание.

Павел Николаевич Милюков

Павел Николаевич Милюков (1859 – 1943) родился 15 января 1859 г. в семье небогатого московского чиновника (его отец сменил несколько мест службы, побывав архитектором, инспектором художественных училищ, а под конец жизни оценщиком в одном из московских банков). В 1877 г. молодой человек поступил на историко-филологическое отделение Московского университета, решив про себя, что его специальностью будет русская история. Это привело любознательного студента в круг учеников В. О. Ключевского, о котором П. Н. Милюков вспоминал много лет спустя: «Он подавлял нас своим талантом... Проницательность его была изумительна. Ключевский вычитывал смысл русской истории, так сказать, внутренним глазом... К этой черте присоединялась другая: то обаяние, которое производила художественная сторона лекций Ключевского... Мы видели, что и русская история может быть предметом научного изучения».

В. О. Ключевский восхищался, был объектом для подражания, но он не стремился научить, передать мастерство – в этом смысле больше для П. Н. Милюкова сделал Павел Гаврилович Виноградов: «Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа... Он мог задавать нам работы по первоисточникам, не боясь (как это было у Герье) остаться позади нас, а напротив, с удовольствием приветствуя всякие новые выводы».

После окончания университета способный юноша был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Как и Ключевский, Милюков тоже успешно совмещал преподавательскую деятельность (Московский университет, Земледельческое училище, Четвёртая женская гимназия) с научным творчеством. В мае 1892 г. он защитил магистерскую диссертацию по монографии «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра

Великого». В этой работе Петру I отводилась не самая главная роль в проведении реформ, смысла которых царь, по мнению П. Н. Милюкова, до конца не понимал. Оценивая происходившие в начале XVIII в. перемены, учёный соглашался с позицией своего учителя, отмечая, что они были необходимы с точки зрения внешнеполитической обстановки, но совершенно не подготовлены внутренним развитием страны. Особую ценность вынесенной на защиту монографии придавал основательный комплекс впервые вводимых в науку источников (документы Ближней канцелярии, Кабинета Петра I, Сената, проекты реформ, записки русских и иностранных авторов и т.д.). Работа была признана весьма успешной, оппоненты (П. Г. Виноградов и В. И. Герье) предложили сразу присудить автору степень доктора наук, минуя магистерскую ступень, чему решительно воспротивился научный руководитель – В. О. Ключевский. Этот конфликт на долгое время охладил взаимоотношения учителя и ученика.

«Каменный кот» (так Милюкова прозвали за выносливость и упрямство) не отошёл от науки, но всё больше увлекался политикой. За критику в адрес самодержавия на одной из публичных лекций в Нижнем Новгороде он был отправлен в ссылку в Рязань. Здесь учёный начал работу над самым главным своим произведением – «Очерками по истории русской культуры», тогда же был подготовлен курс лекций по отечественной историографии – «Главные течения русской исторической мысли».

Из ссылки П. Н. Милюков уехал в Болгарию, преподавал там в Софийском университете, посетил Македонию, затем вернулся в Россию, в Петербург. За свои взгляды снова попал под арест, но продолжил в тюрьме трудиться над «Очерками». На свободу его выпустили по ходатайству В. О. Ключевского – отношения с учителем были восстановлены. Летом 1903 г. Милюков отправился в Америку, читать лекции в Чикаго, Бостоне, Гарварде. Во время второго посещения Америки в 1905 г. он узнал о «кровавом воскресении» в Петербурге и начавшейся революции и, вернувшись на родину, возглавил конституционно-демократическую партию.

Пик политической активности П. Н. Милюкова пришёлся на время после Февральской революции 1917 г., когда он возглавлял Министерство иностранных дел Временного правительства. Приход к власти большевиков лидер кадетов встретил враждебно, новый режим вынудил его покинуть страну и обосноваться в Англии. В 1921 г. он переехал в Париж, продолжив во Франции не только политическую, но и научно-преподавательскую деятельность (читал лекции в Сорбон-

не, выпустил двухтомник «Россия на переломе»). Здесь, во Франции, учёный и закончил свой жизненный путь в марте 1943 г.

Лучше всего представление об исторических взглядах П. Н. Милюкова передают «Очерки по истории русской культуры», только в России до 1917 г. вышло семь изданий этого труда, в 1930 – 1937 гг. он был заново отредактирован создателем и переиздан во Франции. Цель своего произведения автор видел в «сообщении читателям тех основных процессов и явлений, которые характеризуют русскую общественную эволюцию». Здесь содержалась широкая панорама истории общественной жизни России с древнейших времен до XX в. «Культурную историю» Милюков трактовал очень свободно – как историю «и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую».

Учёный стремился разложить весь исторический процесс на простейшие элементы, применить к познанию прошлого методы естественных наук. Это позволило ему найти главный двигатель развития человеческого общества в биологическом инстинкте продолжения рода – именно он заставляет людей бороться с природой за собственное выживание, ведёт к увеличению народонаселения, влечёт за собой рост производства и толкает человечество на путь прогресса. П. Н. Милюков считал, что повышение плотности населения является главным фактором, определяющим экономическое развитие страны, а постоянная колонизация российских просторов как раз снижала эту плотность и приводила к примитивности экономической жизни.

Рассматривая социально-экономические явления, процессы колонизации, проблему закрепощения-раскрепощения сословий – важнейшие темы для понимания истории России, историк пришёл к выводу, что природные условия, неразвитость общественных отношений, распыление народных сил в постоянном колонизационном движении не создавали предпосылок для экономического развития страны, вели к её отставанию от стран Европы. Сравнение и даже противопоставление России и Западной Европы («теория контрастов», по определению Н. П. Павлова-Сильванского) становится одним из основных признаков концепции Милюкова: «В России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй».

Говоря о становлении русского государства, П. Н. Милюков выделял три этапа этого процесса: 1) племенной быт («первая ступень – это быт племенной, в которой государства ещё нет, и люди связаны между собой кровной связью – родством, либо настоящим, либо при-

думанным»); 2) феодальный строй («на второй ступени является уже государственная связь, но она ещё очень некрепка, и вместо целого большого государства общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общинами и племенными землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих. Эта вторая ступень называется феодальным бытом»); 3) национально-военное государство («на третьей ступени один самый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей власти всё население одного языка и одной веры, создавая таким образом единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства»). Правда, все три этапа такого развития прошла только Юго-Западная Русь, поскольку Северо-Восточная, по мнению историка, феодализма не знала, перейдя под давлением борьбы со степью от племенного быта к военно-национальному государству.

В оценке Петра I П. Н. Милюков продолжал придерживаться того взгляда на великого реформатора, который у него был изложен ещё в магистерской диссертации – преобразования носили стихийный характер, шли наперекор народному сознанию. Гораздо позитивнее оценивалась в «Очерках по истории русской культуры» Екатерина II, чьё правление характеризовалось как целая «эра в истории русского национального самосознания».

В целом в работах учёного развитие государства выступало центральной темой русской истории, сближая П. Н. Милюкова в этом отношении больше с Б. Н. Чичериным, чем с В. О. Ключевским. В концепции автора государство превращается в самодовлеющий институт, развивающийся «искусственно и насильственно». Анализируя эти положения, Н. Л. Рубинштейн точно подметил: «“Искусственно и насильно” – такова формула Милюкова, как бы сознательно противопоставленная формуле Соловьёва “естественно и необходимо”».

Матвей Кузьмич Любавский

Матвей Кузьмич Любавский (1860 – 1936) – единственный из учеников В. О. Ключевского, кто защитил докторскую диссертацию, пока учитель ещё работал в Московском университете (в 1901 г. Ключевский вышел на пенсию и прекратил активную преподавательскую деятельность). В отличие о П. Н. Милюкова, М. К. Любавский обладал более академичной сферой интересов, политическая активность не была его приоритетом.

Родился будущий академик в селе Большие Можары Рязанской губернии 1 августа 1860 г. в семье сельского дьячка. Отец и дядя (тоже священник из соседнего села) и были первыми учителями мальчика, преподавшими ему основы грамотности. Дальнейшее обучение было традиционным для выходца из среды духовенства – духовное училище, затем семинария. Казалось бы, профессиональная карьера юноши была предопределена, но в 1878 г., выйдя из духовного звания, М. К. Любавский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он не затерялся среди своих ярких сокурсников (В. В. Розанов, П. Н. Милюков, Р. Ю. Виппер и др.), напротив, стал одним из самых заметных студентов на факультете и под руководством сначала Нила Александровича Попова, а затем Василия Осиповича Ключевского принялся планомерно готовиться к академической карьере. Дисциплина и трудолюбие дали свои результаты – в 1882 г. Любавский с золотой медалью окончил университет, защитив в качестве выпускной работы сочинение «Дворяне и дети боярские в Московском государстве», после чего ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию.

В качестве темы магистерской диссертации было выбрано «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута». В 1894 г. работа была блестяще защищена, М. К. Любавский получил за неё сразу две престижные награды – премию графа С. С. Уварова от Академии наук и премию Г. Ф. Карпова от Общества истории древностей российских. Коллеги учёного по достоинству оценили кропотливый архивный труд, позволивший внести массу нового материала в изучение истории Западной Руси и Литвы. По мысли учёного, Литовская Русь была прямой наследницей Киевской Руси, служила наглядным примером того, в каком русле должно было идти развитие древнерусской государственности, а Северо-Восточная Русь выступала её антиподом.

Определившись с тематикой научных интересов, М. К. Любавский стал крупнейшим специалистом в области позднего этапа западнорусской истории, зримым подтверждением этого была докторская диссертация «Литовско-Русский сейм», защищённая в 1901 г. Надо ли говорить, что как истинный ученик В. О. Ключевского он умело сочетал занятие наукой с обширной преподавательской деятельностью, читая лекции по истории в нескольких гимназиях, Мариинском училище дамского попечительства о бедных, на Высших женских курсах В. И. Герье. После защиты докторской многие прочили Любавского

в преемники Ключевского по кафедре русской истории Московского университета. Высоко оценивал своего ученика и сам наставник, говоря: «Мне известно, как охотно и с какою пользою слушают обязательные и необязательные курсы приват-доцента Любавского и принимают участие в его семинарах».

Однако административная карьера М. К. Любавского даже превысила эти ожидания. В 1908 г. его выдвинули на должность декана историко-филологического факультета, а в 1911 г. он стал ректором университета, пробыв на этой должности два срока вплоть до революционного 1917 года. Назначение Любавского ректором произошло в очень сложной ситуации – после массовой чистки университета от неблагонадёжных профессоров и студентов, несогласных с политикой Министерства народного просвещения, разрушающей автономию вуза. Оставшиеся профессора, и тем более ректор, воспринимались многими как ретрограды и послушные исполнители правительственной воли. Новый глава университета стремился поставить его вне политики, что, впрочем, едва ли было возможно в столь напряжённые годы.

Свою административную работу М. К. Любавский совмещал с активной научной и общественной деятельностью в Обществе истории древностей российских (был его председателем в самые тяжёлые годы – с 1917 по 1929 гг.), Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, исторических обществах Московского и Петербургского университетов, Московском археологическом обществе, Московском психологическом обществе и т.д.

Смена политического режима – падение самодержавия и приход к власти большевиков, разруха и развал всех прежних порядков, заставили М. К. Любавского заняться сохранением архивов. С 1918 г. он сотрудничал с Главархивом (Центрархивом), преподавая специальные дисциплины и подготавливая новые кадры архивистов. Удивительно, но в эти смутные времена Любавский успевал заниматься и научной деятельностью: он выпустил в 1918 г. второе издание «Истории западных славян (прибалтийских, чехов и поляков)» (первое вышло в 1917 г.), опубликовал в 1929 г. капитальную монографию «Образование основной государственной территории великорусской народности». Тогда же подготовил «Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX в.» (напечатан только в середине 1990-х гг.), где слова автора о том, что «во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия – расселение по обширным пространствам Восточной Европы и Северной

Азии», по-прежнему выдавали в нём верного последователя концепции В. О. Ключевского. В том же 1929 г. М. К. Любавский стал действительным членом Академии Наук СССР по отделению гуманитарных наук. Однако в 1930 г. учёный был арестован по «делу С. Ф. Платонова», лишён звания академика и сослан на пять лет в Уфу, где скончался в ноябре 1936 г.

Следующим учеником, защитившим магистерскую диссертацию под руководством В. О. Ключевского, был Н. А. Рожков, но речь о нём пойдёт позже, в связи со становлением марксистского направления в отечественной историографии.

Михаил Михайлович Богословский

Михаил Михайлович Богословский (1867 – 1929) родился 13 марта 1867 г. в семье набожного московского чиновника. С детства он воспитывался в патриотических православных традициях. Учась в 5-й Московской гимназии, юноша показывал примерное прилежание и склонность к занятиям историей, поэтому поступление на историко-филологический факультет Московского университета в 1886 г. выглядело как дело само собой разумеющееся. На научный рост новоиспечённого студента большое внимание оказали семинары П. Г. Виноградова и лекции В. О. Ключевского.

Выпускное сочинение М. М. Богословского называлось «Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду исторических источников истории Московского государства XV, XVI и XVII вв.». Выбранная тема заставила историка обратиться к широкой панораме прошлого, он сам признавал: «Вследствие разношерстности содержаемых книгами данных, изложение будет очень пёстро: придётся говорить и о классах общества, о земледелии, о промыслах, о торговле, о городских укреплениях, о церковных зданиях и утвари и пр.». Но эта пестрота сложилась в строгий логичный узор, дипломная работа была отмечена золотой медалью факультета, а сам Богословский оставлен при университете для продолжения учёной карьеры.

В 1898 г. он получил место приват-доцента по кафедре русской истории в Московском университете, а в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию по монографии «Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719 – 1727 гг.». В трактовке причин реформ историк стоял на государственных позициях, оправдывая их проведение волей абсолютного монарха, действующего на благо общества

и идущего к цели путём регламентации всех сторон жизни своих подданных. В то же время, в отличие от П. Н. Милюкова, сосредоточившегося на экономической стороне вопроса, М. М. Богословский обращал внимание на политическое содержание административных реформ Петра. Его конечный вывод был довольно оригинальным, хотя в нём чувствовалось влияние взглядов В. О. Ключевского – автор не считал петровские преобразования успешными, поскольку областная реформа слепо копировала западные образцы, оставила основную массу народа не затронутой и равнодушной к происходящим переменам, не привнесла ничего нового в правящее положение дворян. Петровские реформы не были усвоены русским обществом, не будь они продуктом воли государя, от них легко можно было бы и отказаться.

Монография, подготовленная М. М. Богословским для защиты докторской диссертации, носила название «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.». В подзаголовке автор уточнял, что более всего его интересует областное деление Поморья, землевладение края, общественный строй и органы местного самоуправления. Защита успешно прошла 22 ноября 1909 г. Некоторые выводы Богословского до сих пор остаются востребованными исторической наукой. Например, его тезис о двойственном характере собственности на черносошные земли: «крестьяне относятся к чёрным участкам как собственники, но государство считает эти земли своими, а крестьян лишь их владельцами». В 1912 г. это исследование было дополнено вторым томом, где речь шла о взаимоотношениях земства и государства. Особо ценным здесь являлось авторское наблюдение об исконности, древности земских органов управления, что опровергало мнение историко-юридической школы о господствующей роли государства в построении системы местных органов власти. В обзоре русской историографии Г. В. Вернадский точно отобразил научную значимость сочинения М. М. Богословского: «Из огромной глыбы архивных документов он сумел изваять стройное скульптурное изображение северного русского Поморья».

И до защиты докторской диссертации, и после неё М. М. Богословский совмещал целеустремленные занятия наукой с обширной преподавательской практикой в Московском университете, Московской духовной академии, в Московских высших женских курсах. Его лекции привлекали слушателей простотой формы, доступностью изложения и образностью языка – чертами, унаследованными от учителя – В. О. Ключевского.

В методологическом плане М. М. Богословский также многое воспринял у своего наставника, придерживаясь позитивистского подхода

да к истории и безусловного поклонения факту. Учёный писал о своём научном методе: «Чтобы точно знать историческое событие, следует его разложить на простейшие факты, из которых оно составилось, и изучить эти факты отчётливо». Цель занятия историей для Богословского была проста и понятна – это совершенно «естественное стремление знать прошлое», поскольку без него «нельзя понять настоящего», при этом историк признавал, что область объективного познания в истории не велика и обусловлена требованиями современности: «объяснения явлений прошлого всегда зависят от интересов настоящего».

В 1911 г. Московский университет переживал не самые лёгкие времена – из-за нападков на академическую автономию со стороны министерства просвещения многие учёные покидали свои посты и уходили в отставку. В эту пору заведование кафедрой русской истории взял на себя М. М. Богословский. Объясняя свой поступок, он писал: «Раз я остался, я совершенно правильно поступил, заняв пустую за уходом Кизеветтера кафедру, и очень хорошо сделал. Если бы я её не занял, был бы на неё посажен Довнар-Запольский или кто-либо хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, сберёг их в чистоте и этим имею право гордиться».

После 1917 г. М. М. Богословский продолжал работать в университете, до 1924 г. он был профессором исторического отделения факультета общественных наук, а в апреле 1921 г. стал действительным членом Академии Наук. Его стараниями летом 1921 г. было воссоздано историческое общество при Московском университете. Научные занятия М. М. Богословского в советское время концентрировались вокруг фигуры Петра I, чью детальную биографию историк намерен был восстановить день за днём: в изданных пяти томах тщательно прослеживался жизненный путь великого реформатора от рождения до начала Северной войны, но довести работу до логического конца учёному не удалось.

Александр Александрович Кизеветтер

Родиной предков одного из самых любимых учеников В. О. Ключевского – *Александра Александровича Кизеветтера* (1866 – 1933) – была Тюрингия, дед его перебрался в Россию и подрабатывал здесь уроками музыки, отец был юристом по образованию. Сам А. А. Кизеветтер родился 10 мая 1866 г. и до поступления в Московский университет (1884 г.) жил вместе с родителями в Оренбурге.

Попав в академическую университетскую среду, А. А. Кизеветтер погрузился в мир научных поисков и споров. Его главными учителями, как и для многих историков-русистов Московского университета того времени, стали В. О. Ключевский и П. Г. Виноградов. Влияние последнего было поначалу даже более заметным, сам Кизеветтер вспоминал: «Виноградову был присущ дар группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплочённую одними научными интересами. Гостеприимная квартира П. Г. Виноградова... была тогда центром оживлённого общения московских историков... Здесь мы видели Ключевского в непринуждённой приятельской обстановке и наслаждались блеском его юмора, здесь Милюков, с головой ушедший тогда в архивы, излагал свои открытия по истории петровских реформ».

Сфера научных интересов самого А. А. Кизеветтера укладывалась в хронологические рамки XVIII – XIX вв. Оставшись после окончания университета на кафедре русской истории, он читал специальные курсы по историографии, внутренней политике России XIX в., крестьянской реформе 1861 г. Тема магистерской диссертации была определена под влиянием В. О. Ключевского и называлась «Посадская община в России XVIII столетия», хотя затрагивала главным образом петровскую эпоху.

Почти десять лет историк скрупулёзно собирал и обрабатывал материалы из архивов Сената, Главного и городских магистратов, стараясь, как он сам признавался, «не пропустить в них ни малейшей чёрточки, которая могла бы доставить мне какой-либо блик света на занимавшие меня исторические вопросы». Занимаясь в архиве Министерства юстиции, А. А. Кизеветтер постоянно встречал здесь своих младших коллег – Н. А. Рожкова и М. М. Богословского. Они часами корпели над документами, после чего компанией выходили из архива и гуляли втрём, предаваясь приятельской беседе, не предполагая, наверное, что судьба разведёт их в будущем по разные стороны политических баррикад (Кизеветтер станет кадетом, Рожков – социал-демократом, Богословский – октябристом).

Защита диссертации А. А. Кизеветтера прошла в 1903 г. За свою книгу о посадской общине в России XVIII в. он получил премию имени Г. Ф. Карпова от Общества истории и древностей российских. Маститые оппоненты диссертанта (одним из них выступал его научный руководитель – В. О. Ключевский, что допускалось правилами, другим – М. К. Любавский) по заслугам оценили тщательность проработки темы, которая затрагивала практически все стороны жизни город-

ской общины. В то же время учёный пришёл к выводу о несовпадении планов петровских нововведений во внутреннем управлении русских городов и их воплощением на практике. Пётр хотел предоставить посадской общине право самоуправления, но «всё свелось к её податным и служебным обязанностям по отношению к государственной власти».

А. А. Кизеветтер отличался активной жизненной позицией, кроме научной, всегда был занят и общественной деятельностью. Сотрудничая с Московским комитетом грамотности, он объездил многие города центральной России с лекциями по истории. В октябре 1905 г. Кизеветтер вступил в партию кадетов и стал одним из руководителей её Московского губернского комитета, а потом и членом ЦК партии, был депутатом II Государственной Думы. Но политическая карьера никогда его особенно не прельщала: «Я по природе вовсе не политик. Я учёный и писатель», – признавался историк. Даже в бурные годы Первой русской революции он не оставил своего труда по законодательству Екатерины II, выпустил в 1909 г. книгу «Городовое уложение Екатерины II. Исторический комментарий» и защитил на её основе докторскую диссертацию.

С точки зрения науки, важным достижением А. А. Кизеветтера было то, что он смог установить источники происхождения «Городового уложения», отнеся к ним материалы, собранные Уложенной комиссией 1767 г., «Жалованную грамоту дворянству» и данные западноевропейских законодательных источников. Общий вывод историка состоял в признании изначальной тенденциозности екатерининского законодательства, направленного на реализацию интересов одного, правящего дворянского сословия. Это заключение опровергало распространённое тогда в науке убеждение, что Екатерина в первые годы своего царствования старалась уравнивать различные сословия в правах, боролась с деспотизмом и стремилась к отмене крепостного права, лишь позже, под влиянием обстоятельств, став непреклонной защитницей дворянства.

Несостоятельность просвещенческих идеалов екатерининской поры А. А. Кизеветтер раскрывал и на основе анализа причин «русской Жакерии», как он называл восстание Е. И. Пугачёва. Обращаясь к осмыслению народного движения второй половины XVIII в., учёный пришел к выводу о смешанном казацко-крестьянском характере движущих сил и исторической предопределённости поражения восставших в связи с отсутствием у них единого плана действий и ясных целей.

Не приемля министерскую политику в отношении университетской автономии, А. А. Кизеветтер в 1911 г. покинул Московский университет. Преподавательскую деятельность он продолжил в Коммерческом училище и Московском городском народном университете, созданном на средства мецената-просветителя Альфонса Леоновича Шаняевского. В этом демократическом заведении учились самые разные люди, Кизеветтер вспоминал о своих занятиях: «Какая пёстрая картина, какое смешение возрастов, костюмов, типов! Я видел сидящими рядом офицера генерального штаба и вагоновожатого городского трамвая, университетского приват-доцента и приказчика от Мюра и Мерилиза, барыню с пушистым боа на шее и монаха в затрапезной рясе».

Октябрьскую революцию 1917 г. А. А. Кизеветтер не принял и в 1922 г. был выслан большевиками из страны, перебравшись сначала в Штеттин (Германия), а затем в Прагу, где закончил свой жизненный путь в 1933 г.

Юрий Владимирович Готье

Ещё один «иностранец» среди учеников В. О. Ключевского, самый младший представитель его школы – **Юрий Владимирович Готье** (1873 – 1943). Родился он 18 июня 1873 г. в Москве, предки его по отцовской линии были французами и обосновались в России ещё при Екатерине II, а материнская генеалогия уходила корнями в курское дворянство.

На историко-филологический факультет Московского университета Ю. В. Готье поступил в 1891 г. В своих воспоминаниях он тоже, как и П. Н. Милуков или А. А. Кизеветтер, выделяет двух учителей, под влиянием которых складывались его научные интересы – П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского (научный руководитель).

Выпускное сочинение Ю. В. Готье, посвящённое «Обороне степных границ Московского государства», его наставник оценил как «весьма удовлетворительное». Выйдя из университета, молодой человек отбыл год воинской повинности, а потом поступил на службу в Московский архив Министерства юстиции, откуда в 1898 г. перешёл на работу в Румянцевский музей.

После успешной сдачи магистерского экзамена Ю. В. Готье был оставлен в Московском университете и в 1903 г. утверждён в звании приват-доцента по кафедре русской истории. В этот период была написана работа «Первые Земские соборы». Через три года он опубли-

ковал новое исследование – «Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси», за которое получил магистерскую степень и удостоился Уваровской премии. Этот труд, основанный на глубоком анализе писцовых книг, подводил читателя к мысли, что социальные и экономические условия для петровских реформ были подготовлены в XVII в., поскольку именно в ту эпоху, «постоянно расширяя свой земельный капитал и подчиняя себе труд тяглого землепашца,.. дворянство заложило основание столь прочно установившегося в России бюрократического строя с сословно-дворянским оттенком, пышно расцветшего в XVIII и XIX вв.».

Научные интересы Ю. В. Готье были весьма разнообразны – начиная со студенческих лет он увлекался археологией (в 1901 г. после раскопок курганов Харьковской губернии учёный сделал вывод о существовании на территории России бронзового века, что отрицалось исторической наукой начала XX в.), в 1910-е гг. он читал курс археологии в Московском университете, позже издал фундаментальный труд «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства». Работая в министерском архиве, опубликовал несколько статей по этнографии. Защитил магистерскую диссертацию по русской истории XVII в., а вскоре издал «Очерк истории землевладения в России», где впервые в отечественной исторической литературе была представлена целостная картина эволюции землевладения от Киевской Руси до начала XX в.

Докторскую диссертацию Ю. В. Готье посвятил истории государственных учреждений послепетровского времени, что было логическим продолжением и дополнением темы, которую исследовал другой ученик В. О. Ключевского – М. М. Богословский. «История областного управления от Петра I до Екатерины II» была издана в двух томах, первый из которых обращался к областному делению и областным учреждениям постпетровской эпохи, а второй содержал сведения об органах надзора, чрезвычайных и временных областных учреждений и правительственных идеях по их реформированию. Перемены в административно-территориальном устройстве страны, произошедшие сразу после смерти Петра I, автор считал закамуфлированным под борьбу за дворянские интересы возвратом к патриархальным московским порядкам. Защита диссертации прошла в мае 1913 г., вскоре после этого Готье стал профессором по кафедре русской истории.

После получения докторской степени учёный обратился к новой для себя проблематике, занявшись русской историей XIX столетия.

Он написал исторический портрет Николая I и занялся исследованием реформы государственных крестьян П. Д. Киселёва. XIX век прочно обосновался в трудах Ю. В. Готье – историк проявлял интерес к движению декабристов, издал в 1938 г. сборник практически всех доступных известий о цареубийстве 1881 г. и борьбе правительственных группировок в первые месяцы правления Александра III.

Учёный не проявлял живого интереса к политике, но, как и другие ученики В. О. Ключевского, занимался обширной преподавательской деятельностью и состоял во множестве научных обществ – Обществе истории и древностей российских, Историческом, Военно-историческом, Археологическом, Экономическом, Юридическом.

После потрясений 1917 г., когда ему казалось, что «Россия погибает, подточенная Николаем II и собственной революцией», Ю. В. Готье включился в активную работу по сохранению архивов и библиотек, стал читать курс археологии на факультете общественных наук в Российской академии истории материальной культуры. В 1930 г. последовал арест по так называемому «Академическому делу», хотя в вину Ю. В. Готье можно было вменить разве что давнюю дружбу с С. Ф. Платоновым. Отбыв часть срока в Самаре, он вернулся в 1933 г. в Москву, читал лекции в Историко-архивном институте, а в 1939 г. стал академиком и возвратился на исторический факультет Московского университета. Жизнь учёного закончилась в военной Москве 1943 г.

К вопросу о московской исторической школе

Вопрос о соотношении понятий «школа В. О. Ключевского» и «московская историческая школа» не имеет чёткого ответа в современной историографии. Понятно, что второе определение шире первого и включает его в себя. Но для лучшего осмысления проблемы стоит обратиться к «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна, где говорится: «Наиболее крупное значение приобрёл в этот период (последняя четверть XIX – начало XX вв. – Н.Х.) Московский университет с его устойчивой традицией, шедшей от Соловьёва и закреплённой Ключевским. Историки Московского университета объединялись в связи с этим в известной мере в одну группу, обозначаемую обычно как школа Ключевского. Историки этой школы, особенно в лице её младших представителей, отмечают значительное влияние школы П. Виноградова, историка западноевропейского феодализма, которая могла бы быть обозначена как школа социальных исследований. От

Ключевского лучшие представители этой группы взяли в своих монографических исследованиях его более сильные стороны: внимательное изучение внутренних процессов народной жизни – экономики и общественного быта. От Ключевского как представителя государственной школы с его исследованиями государственных институтов... идёт и второй ряд проблем, отражающий связь с юридической школой... От Ключевского представители этой школы унаследовали и тонкость внутренней интерпретации источника, и мастерство обработки исторического материала».

Ясно, что ученики В. О. Ключевского составили костяк московской исторической школы, о наиболее видных из них речь шла выше (младшее поколение «школьников» не рассматривается, поскольку их творчество приходится на советский период). Но для полноты картины стоит упомянуть ещё о двух историках московской исторической школы, которые учениками Ключевского не являлись, однако были весьма заметными фигурами в исторической среде – это П. Г. Виноградов и С. Б. Веселовский.

Павла Гавриловича Виноградова (1854 – 1925) можно считать вторым «отцом-основателем» московской исторической школы наряду с В. О. Ключевским. Его научно-исторические интересы сложились в годы студенчества в Московском университете под влиянием профессора кафедры всеобщей истории Владимира Ивановича Герье. Магистерскую диссертацию на тему «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» П. Г. Виноградов защитил в 1880 г., докторскую – «Исследования по социальной истории Англии в средние века» – в 1887 г.

Как преподаватель П. Г. Виноградов пользовался большим успехом у студентов. Подчёркнуто элегантный, в неизменном фраке и белом галстуке, он читал лекции по истории древней Греции и Рима, истории средних веков и революционной Франции. Но особенно привлекательными для студентов-историков были семинары учёного, где он учил их обращению с источником, искусству добывания золотых крупиц истины из грубой исторической руды. Главное для историка, как показывали занятия Виноградова, это объективная реконструкция исторических фактов, выяснение причинно-следственных связей между событиями. Ю. В. Готье, бывший одним из его студентов, писал впоследствии: «лекции П. Г. Виноградова и его три последовательных семинария – лучшее с методологической стороны, что я вынес из университета. Семинарии эти научили меня, как надо работать...».

После конфликта с министром народного образования П. С. Ванновским П. Г. Виноградов ушёл из Московского университета и принял решение уехать за границу. С 1902 г. он преподавал в Оксфорде, был почётным доктором лучших университетов мира. После прихода к власти в России большевиков принял английское подданство. Умер, простудившись на приёме в честь вступления в почётные доктора Сорбонны, похоронен в Англии. Лаконичная надпись на могиле академика гласит: «Благодарная Британия чужестранцу».

Совершенно иной была судьба **Степана Борисовича Веселовского** (1876 – 1952) – последнего, о ком пойдёт речь в разговоре о московской исторической школе. Он родился 4 сентября 1876 г. в московской дворянской семье. Учился в гимназиях Москвы и Тамбова, в 1896 г. поступил на юридический факультет Московского университета, однако после его окончания сосредоточился на архивной работе, главный свой интерес проявляя к истории народного хозяйства и финансов Московского государства XVI – XVII вв.

Архивная работа захватила молодого человека, в 1909 г. в письме С. Ф. Платонову он признавался: «Мне всегда казалось, что тщательно собранные и подобранные документы составляют для науки более прочные приобретения, чем само исследование, написанное по ним. Можно, пожалуй, назвать это роскошью, но в таком случае и вся наша наука есть роскошь». В московской исторической школе С. Б. Веселовский принадлежал к тому полюсу исследователей, которые во главу угла ставили археографическую работу. Эти «чернорабочие» от науки вызывали иногда иронию у своих коллег-исследователей, предпочитавших анализировать, а не добывать материал, но Веселовский сумел поднять авторитет археографов.

Он не защищал ни магистерской, ни докторской диссертации, хотя в 1917 г. за фундаментальный труд «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» и два тома приложений к нему («Акты писцового дела») был награждён Уваровской премией Академии Наук и удостоен степени доктора истории русского права. Его работа содержала обширнейший архивный материал и являла собой образец скрупулёзного источниковедческого подхода к решению сложных общеисторических проблем, представляя собой своеобразную энциклопедию по вопросам землевладения и формам налогообложения.

После октябрьской революции 1917 г. С. Б. Веселовский работал профессором Московского университета, с 1936 г. был старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, в предво-

енные годы занимал должность профессора Московского государственного историко-архивного института, в 1949 г. стал академиком АН СССР. Дотошность и метод сплошного кропотливого изучения сохранившихся актов иллюстрируют изданный им «Ономастикон» – свод сведений о 6 тысячах древнерусских некалендарных именах и фамилиях, подготовленные к изданию акты Троице-Сергиева монастыря и его капитальный труд «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси». Первый том этого исследования вышел в 1947 г. и вызвал у коллег подозрение автора в «буржуазных подходах» за непривычную для советской историографии источниковую фундаментальность.

За «неправильность» мыслей до наступления хрущёвской «оттепели» не издавались подготовленные ещё в 1940-е гг. «Очерки по истории опричнины». Личность Ивана Грозного прославлялась в сталинской историографии, а изыскания С. Б. Веселовского могли разрушить этот миф. К тому же автор выступал против сложившегося вслед за С. Ф. Платоновым и оказавшегося вполне приемлемым для советской исторической науки взгляда на опричную политику Грозного как направленную против княжеско-боярского слоя. Вспышки царского гнева, по мнению Веселовского, одинаково беспощадно били и по верхам, и по земским низам общества.

Последний крупный осколок дореволюционной московской исторической школы, он поражал современников своей глубокой учёностью, но выглядел диковинным реликтом среди подрастающих воспитанников красной профессуры.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Сравните, как описывают процесс перерастания родовых отношений в государственные В. Н. Татищев, И. Ф. Г. Эверс, С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский.
2. Найдите в работах В. О. Ключевского и проанализируйте оценку влияния человеческой личности, общества и природы страны на ключевые моменты её истории (появление древнерусского государства, эпоха раздробленности, собирание земель вокруг Москвы, складывание единого русского государства, становление Российской империи).
3. Найдите в историографических работах В. О. Ключевского, как он оценивал вклад в развитие исторической науки В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлёцера, М. П. Погодина, С. М. Соловьёва. Дайте свой анализ его характеристикам.

4. Что такое научная историческая школа? Найдите в литературе дополнительные характеристики этого явления.
5. Дайте анализ методологических положений школы Ключевского на основании трудов учёного и его учеников.

ИСТОЧНИКИ

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. [Репр. изд.]. М., 2015.

Богословский М. М. Пётр I: материалы для биографии. М., 1940 – 1948. Т. 1 – 5.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. СПб., 2014.

Готье Ю. В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 2010.

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М., 1987 – 1990.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.

Любавский М. К. История царствования Екатерины II. Изд. 2-е. СПб., 2001.

Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 2 т. М., 2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академик М. К. Любавский и его наследие: к 150-летию со дня рождения / под ред. А. Я. Дегтярева. М., 2010.

Брейар С. Портрет Милукова // Отечественная история. 1993. № 3.

В. О. Ключевский: pro et contra: антология. СПб., 2013.

Вандалковская М. Г. П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.

Гришина Н. В. “Школа В. О. Ключевского” в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

Дегтярёв А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие // М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.

Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского // Исторические записки. М., 1961. Т. 69.

Киреева Р. А. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

Киреева Р. А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России XVIII – начало XX века. М., 1996.

Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 1982. №. 1.

Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Пичета В. И. Академик Юрий Владимирович Готье // Исторические записки. 1945. Т. 15.

Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.-СПб., 2012.

Халина Т. И. В науке приятно быть и простым чернорабочим: М. М. Богословский // Историки России XVIII – начало XX века. М., 1996.

Чернявский Г. И. Милюков. М., 2015.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л., 1985.

Лекция 19.

Петербургская историческая школа конца XIX – начала XX вв.

Разговор о петербургской исторической школе конца XIX – начала XX вв., как правило, приводит к признанию её неоднородности, чаще всего историки выделяют в ней два центра, группирующихся вокруг выдающихся учёных – С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского.

Однако эволюционное взросление, становление школы можно вести с творчества историка-всеобщника Михаила Семёновича Куторги, настаивавшего на необходимости строгой научной критики источников. Этот принцип исторической работы переняли византинист Василий Григорьевич Васильевский и русист Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, под чьим влиянием находились многие учёные более молодого поколения – С. Ф. Платонов, Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло, С. М. Середонин, В. Г. Дружинин, А. С. Лаппо-Данилевский. За ними следовали их ученики – С. В. Рождественский, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, М. А. Полиевктов, П. Г. Васенко, А. И. Заозерский, П. Г. Любомиров, С. Н. Валк, Б. А. Романов и др.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829 – 1897) родился 14 мая 1829 г. в старинной дворянской семье в селе Кудрёшки Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Начальное образование получил в Нижнем Новгороде. Особое влияние на мальчика оказал тогда учитель истории, видный русский писатель Павел Иванович Мельников-Печёрский.

В 1847 г. К. Н. Бестужев-Рюмин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но вскоре перевёлся на юридический. Это, однако, не изменило его пристрастий, и он по-прежнему с большой охотой внимал преподавателям-историкам – К. Д. Кавелину, С. М. Соловьёву, Т. Н. Грановскому, усваивая методологические основы государственно-юридической школы.

После окончания университета в 1851 г. молодой человек не сразу определился с родом своих занятий. Некоторое время был домашним учителем в семье Чичериных, преподавал в кадетских корпусах, с середины 1850-х гг. увлёкся журналистской деятельностью, которая привела его в Петербург, в редакцию «Отечественных записок». На этом поприще он зарекомендовал себя как весьма компетентный

критик исторических публикаций. В 1861 – 1869 гг. редакторствовал в отделе русской и славянской истории «Энциклопедического словаря» А. А. Краевского, был членом Русского Археологического и Русского Исторического обществ. В 1864 г. К. Н. Бестужева-Рюмину последовало приглашение стать преподавателем русской истории в царской семье (среди его воспитанников был будущий император Александр III), в этот же период, ещё не имея магистерской степени, он занял вакантную кафедру русской истории в Петербургском университете.

Тема магистерского сочинения К. Н. Бестужева-Рюмина обращалась к вопросу «О составе русских летописей до конца XIV в.». Глубокий и пронизательный анализ летописного материала привёл учёного к мысли о бесперспективности поисков «очищенного Нестора», то есть перволетописи, которая, как считали вслед за А. Л. Шлёццем, скрывается в ПВЛ и нуждается лишь в очистке от позднейших наслоений. Магистрант пришёл к убеждению, что «Повесть временных лет» не что иное, как летописный свод, составленный в XII в., это обобщённый исторический материал, взятый из источников более ранней поры, а значит, и начало летописания надо относить не к XII в., а к более раннему периоду. При этом историк указывал на широкую географию древнерусского летописания, которое велось не только в Киеве, но и в Новгороде, Пскове, Ростове, Рязани, Чернигове, Тмутаракани, Перемышле и других местах.

Защита проходила в 1868 г., новизна выводов проделанной с безукоризненным мастерством работы позволили оппоненту К. Н. Бестужева-Рюмина академику Измаилу Ивановичу Срезневскому дать высочайшую оценку диссертации. В обход магистерской степени автору сразу же была присуждена степень доктора наук.

Своё видение научно-исследовательской методики создания исторических произведений К. Н. Бестужев-Рюмин изложил во введении к I тому «Русской истории», вёл о ней речь на спецкурсах по источникам русской истории и историографии в Петербургском университете. Главные её принципы заключались в необходимости сопоставления, сверки данных источников одной поры, в кропотливом поиске самого первого сведения об историческом факте. По мнению Бестужева-Рюмина, историк должен относиться как к источнику не только к содержанию летописей и древних актов, но и к ним самим, поскольку в принципах их составления, в отборе материала и его редактировании отобразились воззрения писавшего, мысль, нерв эпохи. Поэтому для историков важны и те источники, что содержат заведомо ложную ин-

формацию, задача исследователя здесь – выяснить причины, побудившие автора пойти на обман.

Ученик К. Н. Бестужева-Рюмина С. Ф. Платонов вспоминал о нём: «Как учёный и профессор Бестужев был обаятелен. Никогда не забыть тех впечатлений, какие переживались на его лекциях. Хрупкая, но изящная фигура, чёрный фрак вместо обычного синего профессорского вицмундира, явная печать светской благовоспитанности в речах и манерах выделяли Бестужева внешним образом в разномастной среде факультетских преподавателей. Свободная, простая по форме, можно сказать, разговорная речь, остроумная, иногда даже шутливая; богатство содержания, цитат и дат, личных воспоминаний о памятных лицах и событиях; умение поднять слушателей на высоты отвлечённого умозрения и ввести их в непосредственное знакомство с деятелями историографии путём их живых и метких характеристик – таковы свойства лекций Бестужева».

Историографический анализ, после источниковедческих изысканий, был второй сильной стороной в деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. Одна из самых заметных его работ в этой области – статья «Современное состояние русской истории как науки», опубликованная в 1859 г. в журнале «Московское обозрение» как рецензия на первые 8 томов «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва, но по сути представлявшая собой обзор исторических исследований с карамзинских времён до современного автору периода. Другая написанная им важная историографическая работа – «Биографии и характеристики», сборник статей, вышедший в 1862 г.

Главным, хотя так и не оконченным трудом К. Н. Бестужева-Рюмина стала его «Русская история». Вышло всего два тома этого сочинения (первый в 1872 г.), в которых учёный приводил свою, довольно оригинальную периодизацию средневековой русской истории, привычно выделяя варяжский, удельный и татарский периоды, но предлагая начало XV в. считать зарёй нового этапа в русской истории, когда на отечественной почве начали складываться два государства – Московское княжество и Литва. Второй том доводил изложение до последних дней Ивана Грозного.

Работа К. Н. Бестужева-Рюмина существенно отличалась от вышедшей тогда же «Истории России» С. М. Соловьёва. Петербургский вариант был своеобразным «путеводителем» по русской истории, его автор, по собственному признанию, хотел дать «поболее материалов и указаний для образования собственных суждений и приговора», сопровождая все части книги историографическим обзором имеющих

ся в науке мнений, ссылками на источники и литературу. Как выразился В. О. Ключевский: «это не только «Русская история», но и история работы русской мысли над русской историей».

Помимо плодотворной научной деятельности, К. Н. Бестужев-Рюмин занимался интенсивной преподавательской работой. В 1878 г. он встал во главе Высших женских курсов, чья программа была наиболее приближена к университетской. Директор и преподаватель на ВЖК, он столько сил и здоровья отдал становлению в России полноценного высшего женского образования, что нет ничего удивительно в том, что эти курсы стали неофициально называться «бестужевскими».

Между тем, учёный никогда не отличался богатырским здоровьем – огромная нагрузка не преминула сказаться на общем самочувствии историка, обострились и без того редко оставлявшие его болезни. В 1884 г. К. Н. Бестужев-Рюмин отошёл от активного преподавания, всё больше замыкаясь на узком круге избранных собеседников, собирая близких учеников и знакомых на «вторники». Это было свободное и благожелательное общение, и в самом Бестужеве-Рюмине трудно было разглядеть лидера научного направления, ревностно отстаивающего чётко определённые принципы написания истории. По признанию С. Ф. Платонова, преемника К. Н. Бестужева-Рюмина на университетской кафедре, он не оставил школы, оставив много учеников, которых никогда не стеснял в их научных пристрастиях.

Итак, петербургскую историческую школу можно назвать школой, сформировавшейся без лидера, её особенностью стала функциональная связь с определённой средой, где она возникла и развивалась – Петербургским университетом. Сущностной характеристикой петербургской школы было вырабатываемое в ней отношение к историческому источнику: если в московской школе предпочитали идти от концепции к источнику, привлекая исторический факт как иллюстрацию к уже выбранной научной доктрине, то в Петербурге исторический факт ставился во главу угла, не подгонялся под готовую схему. В Москве важной была теория, в Петербурге первенство отдавалось практике – работе с источником (отсюда – активная археографическая работа петербургской школы, бывшая не в чести у москвичей).

Однако, даже если роль лидера не столь видна в период становления школы, то в ходе её развития лидерские тенденции всё равно проявляются, отражаясь в сосуществовании двух центров, сплотившихся вокруг С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского.

Сергей Фёдорович Платонов

Сергей Фёдорович Платонов (1860 – 1933) родился 16 июня 1860 г. в Чернигове, хотя родители его были коренными москвичами, а самого историка судьба накрепко связала с Санкт-Петербургом.

Вспоминая о детских годах, С. Ф. Платонов говорил о большом влиянии отца, который вложил в него «любовь к чтению и дал первые сведения по истории и литературе». Далее была учёба в частной гимназии Ф. Ф. Бычкова, а потом историко-филологический факультет Петербургского университета, куда молодой человек поступил в 1878 г. Его учителем был К. Н. Бестужев-Рюмин, но глубокую симпатию Платонов сохранил и к медиевисту Василию Григорьевичу Васильевскому – «великолепному учёному и очаровательному человеку», кроме того, юноша был просто пленён литографическим лекционным курсом В. О. Ключевского, которого также стал считать своим учителем. Лекции, семинары, студенческие споры – всё это увлекало Платонова, здесь, в университете, сложился круг общения молодого историка, своеобразное учёное братство, «где все дышали одними общими учёными интересами и жаждою народного самопознания. Работа на учёном поприще родной истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение».

Темой своих студенческих изысканий С. Ф. Платонов выбрал московские земские соборы XVI–XVII вв., а магистерскую диссертацию посвятил разбору историко-литературных источников о Смутном времени, что вызвало одобрение и поддержку К. Н. Бестужева-Рюмина, писавшего своему ученику: «Я вообще того мнения, что исследование источников – лучшая тема магистерской и даже докторской... Работайте, работайте и всё будет хорошо».

Занимаясь диссертацией, С. Ф. Платонов изучил более 60 произведений русской письменности XVII в., обогатил научный фонд несколькими ранее неизвестными источниками, среди них был, например, «Временник» дьяка Тимофеева. В этих научных нововведениях заключался едва ли не главный смысл платоновского труда, поскольку учёный считал, что на современной ему стадии развития науки рано делать обобщающие выводы по древней, допетровской русской истории, так как значительная часть источникового материала оставалась ещё неизученной.

В 1888 г. магистерская диссертация «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» была успешно защищена, а С. Ф. Платонов вскоре занял должность про-

фессора кафедры русской истории Петербургского университета. Сосредоточившись на преподавательской и научной деятельности, он объединил вокруг себя талантливую молодежь – П. Г. Любомирова, Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова, придав новый импульс развитию петербургской исторической школы.

В 1899 г. С. Ф. Платонов защитил в Киевском университете докторскую диссертацию по монографии «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». Главной задачей своей работы он видел поиск доказательств соловьёвской мысли о том, что петровские преобразования своими корнями уходят в русскую почву – в события Смутного времени: «Нам предстояла задача... на фактах показать, как погибал в Смуте старый порядок и в каких формах возникал новый – тот новый порядок, в условиях которого создавалось наше современное государство».

Подробный анализ состояния разных частей Московского государства накануне Смуты позволил учёному нарисовать более точную картину разразившегося кризиса. Среди главных причин Смуты С. Ф. Платонов указывал усиление крепостничества и феодального гнёта, что привело к борьбе за землю и личную свободу между служилым землевладельческим сословием и крестьянством. Сама Смута, по мнению исследователя, имела несколько этапов в своём развитии: – на династическом этапе борьба шла между боярскими родами Годуновых, Романовых и Шуйских; – затем последовал социальный период, озаглавленный движением низших слоёв населения против высших, имущих против неимущих, что привело к падению старого порядка; – на национальной стадии Смуты произошло освобождение Москвы от иностранцев и казаков и избрание новой династии. Полномочия правящей знати от старой аристократии забрали себе средние классы: «верхи» и «низы» в Смуте проиграли, страну спасли от гибели «только консервативные слои населения – землевладельческий служилый класс и торгово-промышленный тяглый».

Докторская диссертация показала позитивистское кредо С. Ф. Платонова в отношении истории. Учёный считал, что история «есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью её признаётся систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». Для достижения целей надо решить несколько задач: «для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой либо эпохи народной жиз-

ни или полной истории народа, необходимо (1) собрать исторические материалы, (2) исследовать их достоверность, (3) восстановить точно отдельные исторические факты, (4) указать между ними причинную связь и (5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину».

После успешной проработки «смутной» тематики С. Ф. Платонов обратился к составлению учебной литературы, издав в 1899 г. «Лекции по русской истории», пользовавшиеся неизменным успехом у студенческой молодёжи, и не менее удачный «Учебник русской истории для средней школы», также выдержавший массу переизданий. Либеральные платоновские учебники потеснили позиции консервативной «иловайщины» в этой сфере.

Педагогическая деятельность молодого профессора была чрезвычайно обширной – он преподавал историю детям Александра III (великой княжне Ольге и великому князю Михаилу), работал в университете (в 1900 – 1905 гг. был деканом историко-филологического факультета), на Высших женских курсах, в Археологическом институте и академии Генерального штаба. В 1916 г. С. Ф. Платонов отошёл от активной административной и преподавательской деятельности, решив оставить для себя лишь несколько лекционных курсов и сосредоточиться на науке и заслуженном отдыхе, но этим планам помешала революция.

Идеи большевиков учёный не принял, но ради науки согласился сотрудничать с новой властью, став заместителем председателя Главного управления архивным делом, заведующим Петроградским отделением Главархива, возглавил он и Археографическую комиссию. В 1920 г. его избрали действительным членом Академии Наук, во второй половине 1920-х он работал директором Пушкинского дома и Библиотеки АН СССР. Гонения на учёного начались, когда в 1929 г. в Библиотеке Академии Наук обнаружили подлинники манифестов об отречении от престола Николая II и его брата Михаила. Столь важные политические бумаги не подлежали хранению в академических учреждениях, и вину за это нарушение возложили на С. Ф. Платонова, который подал в отставку со всех своих постов. В 1930 г. учёный был арестован, затем последовали аресты тех, кто хоть как-то был с ним связан – «академическое дело» коснулось цвета русской исторической мысли. Сам С. Ф. Платонов был сослан в Самару, где в 1933 г. скончался от сердечной недостаточности.

В рамках разговора о платоновском лагере дореволюционной петербургской исторической школы есть необходимость хотя бы кратко

остановиться на характеристике творчества двух участников семинара С. Ф. Платонова – Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова, коллег по научной деятельности и близких друзей по жизни.

Николай Павлович Павлов-Сильванский

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1868 – 1908) вошёл в историографию как создатель теории русского феодализма, хотя его научные интересы были значительно шире, затрагивая и эпоху петровских реформ, и историю дворянского революционного движения в России.

Родился Н. П. Павлов-Сильванский 1 февраля 1869 г. в Кронштадте, его прадед и дед были священниками, но отец отошёл от церковной стези и выучился на врача, а сам герой повествования в 1888 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, окончательно изменив семейной традиции. Застенчивый и необщительный студент глубоко заинтересовался русской историей, самостоятельно изучая труды С. М. Соловьёва и с удовольствием посещая лекции С. Ф. Платонова, на которых он впитывал позитивистский подход к истории с его поиском эволюционных закономерностей в историческом процессе.

Постепенно Н. П. Павлов-Сильванский сблизился с другими студентами и даже вошёл в кружок профессора Георгия Васильевича Форстена. Его участники собирались на «форстеневские субботы», обсуждали там проблемы литературы и искусства, слушали музыку, критиковали реакционную политику правительства, но публичной оппозиционной деятельности сторонились. К этому кружку был близок и молодой профессор С. Ф. Платонов.

После окончания университета Н. П. Павлову-Сильванскому предложили остаться в нём для приготовления к профессорскому званию, но, когда в 1895 г. начинающему историку не удалось сдать магистерский экзамен профессору Н. И. Карееву, он был настолько этим уязвлен и расстроен, что отказался от дальнейших экзаменационных испытаний. Вместо университетской карьеры реальностью стала чиновничья служба в Министерстве иностранных дел. Павлов-Сильванский работал в Государственном архиве и фактически исполнял обязанности его директора.

Однако научную деятельность вполне успешный бюрократ не бросил, участвуя в издании юбилейных «Очерков по истории Министерства иностранных дел», разбираясь с декабристами (ему принадле-

жит первая научная биография П. И. Пестеля), но, главное, продолжая вынашивать идею создания труда по феодализму в средневековой Руси (свою магистерскую диссертацию Н. П. Павлов-Сильванский намеревался писать на тему «Частная зависимость на Руси»).

Отечественная историография того времени чаще всего попросту отрицала существование особого феодального периода в истории России, и тема исследования Н. П. Павлова-Сильванского выглядела настоящим вызовом сложившейся традиции. Бросив его, учёный в 1897 – 1902 гг. начал планомерно издавать статьи, в которых сравнивал общественные институты Западной Европы и России, приходя к выводу об их идентичности. Взяв за основу понимание феодализма, идущее от Франсуа Гизо, Павлов-Сильванский провёл прямые параллели между отечественной вотчиной и европейским феодалом, между поместьем и бенефицием, говоря, что боярская служба подобна вассалитету, а закладничество, то есть переход крестьян под покровительство бояр и монастырей, не что иное, как европейский патронат, и боярский самосуд аналогичен западному иммунитету.

В основных чертах взгляды историка были изложены в монографии «Феодализм в древней Руси», которая вышла в 1907 г. Последнюю свою работу о феодализме Н. П. Павлов-Сильванский завершить не успел, на 39 году жизни он скоропостижно скончался от холеры. Книгу подготовил к печати А. Е. Пресняков, в 1910 г. она вышла под заголовком «Феодализм в удельной Руси».

В истории феодализма Н. П. Павлов-Сильванский обращал внимание прежде всего на формально-правовую сторону – наличие феодальных институтов и определяющих их юридических норм. Сам феодализм определялся им как «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», что приводило к возникновению системы иерархических социальных отношений (феодальной лестницы). Одним из главных содержательных процессов в становлении феодализма историк считал постоянное стремление военно-служилой верхушки к захвату всё новых и новых волостных земель и закабаление свободных общинников, то есть борьбу боярщины (крупного землевладения) с общиной. Другими словами, «рост крупного землевладения, подавляющего общину, составляет главную движущую силу развития Средних веков; он лежит в основе развития феодализма на Западе и нашего удельно-феодального порядка XIII – XVI столетий».

Сам Н. П. Павлов-Сильванский одним из главных своих достижений считал не только разработку феодальной тематики, но и отход от

закрепившегося в отечественной исторической науке противопоставления России и Запада. Учёный писал: «Природа страны оказала своё влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада. Это одно из главных положений моего исследования и основной пункт моего разногласия с Соловьёвым и с примыкающими к нему новыми историками».

Смена общины боярщиной, а затем победа государственных отношений легли в основу периодизации русской истории, предложенной Н. П. Павловым-Сильванским:

По его мнению, с древности до 1169 г. (взятия Киева Андреем Боголюбским) можно говорить о первом периоде отечественной истории, когда в социальных отношениях господствовала община (или мир). По убеждению историка, общество стоит впереди государства и определяет состояние правовых норм и законов. Поэтому община с её обычаями и традициями виделась историку основой дофеодального строя. Он отмежевывался от последователей государственной школы, считавших, что все учреждения древности создавались властью, законом, и говорил о том, что древнерусская община связана с такими понятиями, как мир, вервь, погост и имеет прямые аналогии с полицкой вервью западных славян и немецкой общиной-маркой.

Второй период длился с XIII в. до 1565 г. (введение опричнины), когда мирское самоуправление сохранялось лишь в ослабленном виде, а на смену ему приходила боярщина (вотчина). Это время господства частного или гражданского права, когда государственная власть практически отсутствовала, а отношения между людьми регулировались не законами, а частными договорами, и каждый крупный землевладелец являлся своего рода государем в своей вотчине.

Время третьего периода – с середины XVI в. до 1861 г., характеризуется как сословное государство, затем на смену ему приходит эпоха разрушения сословного строя и формирование гражданского общества. Кстати, при изучении этого периода Н. П. Павлов-Сильванский отходил от преобладавшей в историографии оценки петровских реформ, идущей от В. О. Ключевского и П. Н. Милокова, как случайных, хаотичных и не всегда осознанных действий царя-реформатора. По мнению историка, который собрал и изучил отзывы современников о петровских преобразованиях, Петра на первых порах действительно больше заботили внешнеполитические военные проблемы, но затем он приступил к планомерному изменению России.

Неожиданная смерть яркого учёного, казалось, не оставила равнодушным никого из коллег по историческому цеху. М. М. Богословский расценил случившееся «как прямо бедствие, разразившееся над русской наукой», даже идеологический оппонент Н. П. Павлова-Сильванского – М. Н. Покровский признавал его заслуги, подавая их, правда, в выгодном для себя ключе: «Павлов-Сильванский, немарксист по убеждениям и кадет по своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения истории».

Александр Евгеньевич Пресняков

Александр Евгеньевич Пресняков (1870 – 1929) родился в Одессе 21 апреля 1870 г. в семье, принадлежавшей к кругу технической интеллигенции. После окончания гимназии он начал учиться на юриста в Петербургском университете, но вскоре перешёл на историко-филологический факультет, где стал учеником С. Ф. Платонова. Большое влияние на юношу оказали и другие светила научной мысли петербургского истфака – В. Г. Васильевский, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, увлекало студента и интеллектуальное общение с кружком профессора Г. В. Форстена.

Выпускное дипломное сочинение, представленное к защите в 1893 г., заставило многих обратить внимание на А. Е. Преснякова как на талантливого учёного. Это было исследование Царственной книги, которую многие специалисты относили к произведениям XVII столетия. Внимательное изучение рукописи позволило Преснякову усомниться в предлагаемой датировке и отнести время происхождения источника к эпохе Ивана Грозного. Высокая ценность этого наблюдения принесла автору золотую университетскую медаль и приглашение остаться на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

Энергичную подготовку к магистерским экзаменам А. Е. Пресняков сочетал с обширной преподавательской деятельностью в различных гимназиях и активным участием в кружке А. С. Лаппо-Данилевского, который собирался на дому у учёного для обсуждения методологии истории. Именно тогда у начинающего исследователя выработался свой подход к написанию истории, который он определял следующими словами: «Если есть в смене и последовательности исторических явлений определённая закономерность, то создаётся она тем, что есть закономерность в смене психических состояний, служащих мотивами действий, делающих историю».

Следуя традиции петербургской исторической школы, А. Е. Пресняков выбрал вполне источниковедческую тему магистерской диссертации по московским летописным сводам XVI в., но в силу ряда причин от этого исследования пришлось отказаться. Впрочем, историк не утратил своего интереса к летописанию и как член Археографической комиссии принимал непосредственное участие в подготовке и публикации русских летописей, ему удалось разыскать в архивах ряд ранее не известных рукописных сводов. Магистерскую же диссертацию решено было посвятить вопросам древнерусского права.

В 1907 г. А. Е. Пресняков стал приват-доцентом Петербургского университета и приступил к чтению лекций по русской истории. В ходе университетской работы им была разработана магистерская диссертация «Княжое право в древней Руси», защищённая в 1909 г. Выводы А. Е. Преснякова во многом перекликались с тем, что постулировал Н. П. Павлов-Сильванский. Учёный считал, что развитие сначала княжеского, а затем боярского и церковного землевладения несло гибель старому общинному устройству древнерусских волостей-государств, хотя он и не говорил, что этот процесс вёл к становлению феодализма (по-прежнему избегая употреблять этот термин применительно к русской почве). Вслед за Павловым-Сильванским Пресняков доказывал, что «община старше государства, законодательная власть не создаёт её, а находит», опровергая взгляды историков-государственников на этот процесс.

В противоположность существовавшим в историографии идеям о преемственности древнерусской государственности от Киева на северо-восток в Ростово-Суздальскую землю, а затем в через Великое княжество Владимирское к Московскому государству и Российской империи (М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский) или теории перерастания Киевской Руси в Галицко-Волынскую землю (М. С. Грушевский), А. Е. Пресняков говорил о том, что древнерусское прошлое до XII в. включительно «так тесно принадлежит одинаково к истории обеих ветвей русского народа или обеих народностей русских – великорусской и украинской, что... без измены исторической правде разрывать изучение их судеб нельзя» и киевский период, это, безусловно, этап общерусской истории.

Критиковал А. Е. Пресняков и присутствовавшие в историографии точки зрения на порядок княжеского владения, установившийся в русских землях. Его не устраивала ни «теория родового владения» С. М. Соловьёва (по которой в древнерусский период существо-

вала нераздельная собственность княжеского рода на всю Русь и каждый князь получал во временное пользование ту её часть, которая соответствовала его месту в княжеской династии), ни теория договорного начала Б. Н. Чичерина – В. И. Сергеевича (о договорном регулировании межкняжеских отношений в средневековой Руси), ни «лестьичный порядок» замещения княжеских столов, поддержанный В. О. Ключевским. По мнению Преснякова, на Руси до XII в. господствовали отношения семейного владения, а право на княжение в той или иной земле приобреталось наследованием по отцовской линии. Но такой порядок вёл к раздроблению Руси, и князья, пытаясь его избежать, искали «компромисса между отчинным разделом и сохранением единства отчины как территориально-политического целого», отсюда и традиция признавать одного из членов княжеского дома старейшим «в отца место».

Докторскую диссертацию А. Е. Пресняков защитил в 1918 г. на основании монографии «Образование великорусского государства», выросшей, как и магистерское сочинение, из курса прочитанных в университете лекций. Центральное место в этом труде по-прежнему занимала эволюция великокняжеской власти и междукняжеские отношения, а его основная задача заключалась в том, чтобы «восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Великорусского государства». По мнению учёного, этот процесс состоял прежде всего в собирании власти, а не земель. Великорусское государство сформировалось как единая вотчина московских государей в результате слияния, исчезновения грани между Владимирским великим княжением и наследственным владением князей московского дома, что произошло вследствие «фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия».

Параллельно с занятиями древнерусской историей А. Е. Пресняков выпустил в 1911 г. солидную монографию, посвященную XVIII в. – «Правительствующий Сенат в царствование Елисаветы Петровны», где обосновывал особую роль елизаветинского царствования, подготовившего масштабные реформы екатерининской поры.

Октябрьская революция не повлекла коренных перемен в положении учёного. Он оставался одним из самых востребованных петербургских историков – стал профессором Петербургского университета, начал преподавать в Педагогическом институте им. Герцена, в Институте красной профессуры. А. Е. Пресняков всерьёз пересмотрел

свою методологическую базу, обратившись к марксистским идеям. С 1920 г. он был членом-корреспондентом АН СССР, а за год до смерти, в 1928 г., выдвинут кандидатом в действительные члены Академии.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский

Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863 – 1919), наряду с С. Ф. Платоновым, нередко называют главой второго направления петербургской исторической школы, хотя А. Е. Пресняков ещё в 1922 г. писал, что Лаппо-Данилевский «можно сказать, не вошёл в историческую школу Петроградского университета, а поставил рядом с ней свою особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории».

Родился А. С. Лаппо-Данилевский 15 января 1863 г. в имении Удачное, находившемся в Екатеринославской губернии. Отец его одно время был уездным и губернским предводителем дворянства, а в 1872 – 1896 гг. даже симферопольским губернатором. Начальное образование мальчик получил дома, затем была Симферопольская гимназия, которую он окончил с золотой медалью, а после – историко-филологический факультет Петербургского университета, куда юноша поступил в 1882 г. Исследователи отмечают, что ни с кем из преподавателей, а среди них были К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, у студента Лаппо-Данилевского не сложилось каких-то особенно тёплых отношений, не рвался он и к общению с однокурсниками, предпочитая оставаться в стороне от бурной студенческой жизни. Он был полностью погружён в учёбу, показывая одинаковые успехи в занятиях русской и всеобщей историей, юриспруденцией, археологией (его студенческая работа «Обозрение скифских древностей» была напечатана в «Записках Отделения русской и славянской археологии»), филологией и психологией, постоянно пополняя свой кругозор занятиями физикой, химией, математикой.

Ничего удивительного, что за такое прилежание после окончания университета в 1886 г. А. С. Лаппо-Данилевский был оставлен на кафедре русской истории и начал готовиться к профессорскому званию. Он мог позволить себе полностью сосредоточиться на науке и почти не занимался преподавательской деятельностью. Магистерская диссертация на тему «Организация прямого обложения в Московском го-

сударстве со времён Смуты до эпохи преобразований» была защищена им в 1890 г. и вскоре вышла отдельной книгой. В своём исследовании А. С. Лаппо-Данилевский проследил функционирование системы прямого обложения, взаимодействие государства, раскладывающего подати, и мира (общины), выполняющего податные обязанности.

По мнению историка, государство в России играло роль важного системообразующего фактора народной жизни, имело решающее значение в формировании национального самосознания – эта оценка выдавала в нём сторонника историко-юридической школы. Учёный отмечал, что «уже в XVI веке обрисовываются важнейшие черты государственного строя, но лишь в XVII веке они достигают определённого, более менее устойчивого взаимоотношения, которые даёт возможность представить себе известный государственный тип. В XVIII веке национальные черты этого типа сильно бледнеют под влиянием западной европейской цивилизации». Поэтому особое внимание в диссертации уделялось именно XVII в.

После защиты магистерской работы А. С. Лаппо-Данилевский в должности приват-доцента начал читать лекционные курсы в Петербургском университете. Круг его интересов на этом поприще был чрезвычайно велик и выражался в лекциях по истории России XVIII в., истории сословий, русской историографии, преподавании методов источниковедения и методологии истории, проведении семинара по дипломатике частных актов. Надо признать, что он не был популярным лектором, студенты отмечали, что его манера преподавания казалась очень строгой, сухой и даже суровой, а лекции были не очень ясны для понимания, из-за «накрахмаленного вида» Лаппо-Данилевский не был особенно принят и в преподавательской среде. Впрочем, всё это никак не отражалось на его научной карьере и признании за ним статуса крупного учёного – уже в 36 лет он был избран в Императорскую Академию Наук. Кроме того, в 1900-х гг. начала складываться и школа А. С. Лаппо-Данилевского, к ней обычно относят А. И. Андреева, С. Н. Валка, В. Н. Куна, В. И. Веретенникова и некоторых других учёных. По мнению С. П. Бычкова и В. П. Корзун, эта школа была «ориентирована на совместную разработку коллективных проектов, на междисциплинарность. И с точки зрения науковедения может быть отнесена к типу “невидимого колледжа”».

Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в статусе академика была очень плодотворной: он разработал план издания архивных документов XIV – XVIII вв., подготовил публикацию «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии», «Памятников русского законодательства» и

сочинений М. М. Сперанского, многотомного сборника «Писем и бумаг Петра Великого», работал в Археографической комиссии и контролировал губернские архивные комиссии, активно сотрудничал с зарубежными научными организациями (в 1916 г. его избрали почётным доктором права Кембриджского университета).

Наряду с этим А. С. Лаппо-Данилевский не бросал занятия русской историей, сохраняя при калейдоскопичном разнообразии тематики высокое научное качество публикаций. В 1895 г. он издал «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI – XV вв.», в 1898 г. «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II», ещё через год «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в.», в 1905 г. «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России», в 1906 – 1907 гг. написал «Историю политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики» (полностью не издана) – и это далеко не полный перечень того, что вышло из-под его пера.

Однако наибольшее внимание у учёной публики и, вследствие этого, наибольшее влияние на неё оказала «Методология истории», вышедшая в свет в 1910 – 1913 гг. Это был творческий анализ и переработка идей немецких мыслителей Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. А. С. Лаппо-Данилевский защищал в своём труде позиции неокантианства, приводя деление наук на номотетические (изучающие закономерное, повторяющееся, типическое, поэтому в сфере общественных наук автор относил к таким социологию) и идиографические, обращённые к познанию индивидуального, конкретного, неповторимого – к ним Лаппо-Данилевский относил историю, поскольку она «интересуется индивидуальными фактами и состоит в их описании», хотя это и не отрицает возможности поиска специальных исторических законов.

Важной составляющей теории А. С. Лаппо-Данилевского было учение о ценностях социологического и исторического знания. Историкам нужен критерий для того, чтобы «выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение», поскольку «действительность слишком разнообразна для того, чтобы можно было изобразить её во всей полноте её индивидуальных черт». Поэтому «само индивидуальное нельзя признать существенным вне отнесения его к какой-либо ценности... История изучает человека, поскольку он содействует (или препятствует) реализации социальных, политических ценностей и т.п.; то же самое можно сказать и про событие.

Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-учёный получает критерий для выбора фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путём отнесения его к таким культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный слой и т.п.».

Особое значение А. С. Лаппо-Данилевский придавал постижению категории исторического целого, поскольку «вне целого его часть не может быть правильно понята и интерпретирована» и историк должен формировать понятие о целом, осознавая, «что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами, и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого».

«Методология истории» была уникальной попыткой теоретического осмысления науки, это во многом объясняет полярность оценок, которую она вызвала – от признания и одобрения (П. Г. Виноградов), до отрицания её научной ценности (М. Н. Покровский).

Революционные годы А. С. Лаппо-Данилевский переживал очень тяжело и приход к власти большевиков встретил враждебно, а в феврале 1919 г. учёного не стало. Откликаясь на эту утрату, А. Е. Пресняков писал: «Носитель и деятель старой зрелой культуры, Александр Сергеевич сошёл с житейской сцены в минуту её глубокого кризиса. И невольно думается, что при всей безвременности и жуткой роковой случайности этой кончины есть в ней трагическое соответствие историческому моменту, переживаемому нашей родиной вместе со всем цивилизованным миром».

Обращаясь к московской и петербургской историческим школам конца XIX – начала XX вв., не стоит думать, что они вели обособленное, изолированное друг от друга существование. Конечно, была творческая конкуренция, были различия в подходах к написанию истории, но было и стремление к сотрудничеству, перекличка исследовательской тематики, наконец, поддерживались личные отношения между историками двух столиц (достаточно вспомнить помощь, которую оказали С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский в публикации в Журнале Министерства народного просвещения «зависшей» магистерской диссертации П. Н. Милюкова). Эти связи только усиливались и расширялись с выходом на сцену молодого поколения специалистов и диверсификацией исторической проблематики, требующей для своего разрешения более тесных научных контактов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте характеристику приёмов работы с историческими источниками, которые приводит во “Введении” к I тому «Русской истории» К. Н. Бестужев-Рюмин.
2. Найдите, как К. Н. Бестужев-Рюмин оценивает вклад в развитие исторических знаний В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина.
3. Дайте характеристику причин Смутного времени, которые С. Ф. Платонов выделяет в работе «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.».
4. Проанализируйте работы Н. П. Павлова-Сильванского и определите, какие черты феодализма он выделяет для древней и средневековой Руси, что в них общего с чертами западноевропейского феодализма.
5. Сравните оценку вклада А. С. Лаппо-Данилевского в развитие методологии истории, которая содержится в трудах дореволюционных, советских и современных историков.

ИСТОЧНИКИ

- Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872 – 1885. Т. 1 – 2.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М., 2015.
- Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв. М., 1990.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Пгр., 1923.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. В 2 т. М., 2010.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. 2-е изд. М., 2010.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II: Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. М., 2011.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Декабрист Пестель перед верховным уголовным судом. Изд. 2-е. М., 2016.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. Изд. 3-е. М., 2015.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. 4-е изд., М., 2014.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодальные отношения в удельной Руси. Иммунитет в удельной Руси. Изд. 2-е, [репр.]. М., 2015.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1901.

- Платонов С. Ф.* Переписка с историками. В 2 т. М., 2003-2011.
- Пресняков А. Е.* Киевская Русь. СПб., 2014.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X – XII столетий. Репринт. изд. М., 2012.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьич В. В., Панях В. М.* О петербургской исторической школе и её судьбе // Отечественная история. 2000. №. 5.
- Брачев В. С. А. Е.* Пресняков и петербургская историческая школа. СПб., 2011.
- Брачев В. С.* Служители исторической науки: Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010.
- Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о феодализме в России: по поводу теории Павлова-Сильванского. Изд. 2-е. М., 2014.
- Киреева Р. А. К. Н.* Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
- Киреева Р. А.* Враг ярлыков: К. Н. Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.
- Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П.* Мир абсолютных ценностей: А. С. Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.
- Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт.* СПб., 2011.
- Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985.
- Цамутали А. Н.* Глава петербургской исторической школы: С. Ф. Платонов // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.
- Чирков С. В.* Историк русского феодализма: Н. П. Павлов-Сильванский // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.
- Чирков С. В.* Проникновенный источниковед: А. Е. Пресняков // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996.

Лекция 20.

Становление марксистской историографии в России

Генезис марксистской историософии в России

В конце XIX в. в русской исторической науке наряду с позитивистским и неокантианским подходом начинает формироваться марксистская историософская доктрина. Распространением социалистических идей и учения К. Маркса и Ф. Энгельса в России занималась группа «Освобождение труда», созданная в 1883 г. Одним из главных идеологов этой организации был **Георгий Валентинович Плеханов** (1856 – 1918). В брошюре «Социализм и политическая борьба» он изложил в краткой форме основные идеи Маркса и Энгельса о законах общественного развития. Большую ценность для развития исторической науки имели его работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О монистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Основные вопросы марксизма», изданные в конце XIX – начале XX в.

Г. В. Плеханов утверждал, что в основе исторического развития лежат условия материальной жизни общества, а не идеи, подчёркивал роль классовой борьбы в историческом процессе. Он говорил о взаимовлиянии развития производительных сил, производственных отношений и социально-политического строя. Закономерности общественного развития, имеющие в своей основе материальную базу, формируют идеологию, право, психологию людей. Подчиняясь законам диалектики, производственные отношения со временем начинают мешать развитию производительных сил, отстают от них и требуют замены, в эти исторические моменты меняется способ производства, и человечество переходит на новую стадию своего развития.

На состояние общества может существенно повлиять и целенаправленная деятельность выдающейся личности, поскольку «...общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей». Но даже великая личность не может изменить общие закономерности исторического процесса, её влияние на развитие производительных сил и производственных отношений ничтожно, однако в конкретно-

исторической ситуации лидер может сыграть ключевую роль, повести за собой массы.

Как историк Г. В. Плеханов интересен своей работой по «Истории русской общественной мысли» (начата в 1909 г.), хотя она осталась незавершённой. По его мнению, процесс развития общественной мысли в России шёл под постоянным влиянием западноевропейской философии, идеи которой на русской почве обретали заметное своеобразие. Вместе с тем, Россия постоянно колебалась между Западом и Востоком: «чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран».

Другим крупным теоретиком марксизма был создатель Российской социал-демократической рабочей партии – *Владимир Ильич Ленин* (1870 – 1924). Помимо распространения марксистских социально-экономических и политических идей, своими работами он закреплял материалистический подход к развитию человеческого общества. Это была довольно стройная схема становления и смены общественно-экономических формаций, суть которой заключалась в том, что эволюция человечества идёт по объективным законам, не зависимым от сознания людей. Их нельзя изменить или отвергнуть, они определяются уровнем развития производительных сил и возникших на их основе производственных отношений между людьми. Смена этих уровней (стадий, формаций) является непреложным законом развития общества по пути прогресса, а переход от старого к новому происходит в виде скачка (революции). Большую роль в истории может играть и личность, но не сама по себе, а как носитель интересов определённого класса общества. Классовая борьба – вот главная движущая сила исторического процесса.

Для отечественной историографии особое значение имела работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», написанная им с использованием богатого статистического материала во время ссылки в село Шушенское (опубликована в 1899 г.). В ней была продолжена плехановская критика народнических взглядов об особом пути России к социализму, минуя капитализм, за счёт развития социалистических начал, уже якобы заложенных в русской крестьянской общине. Проанализировав процесс зарождения, формирования и развития капиталистических отношений, Ленин пришёл к однозначному выводу – Россия это уже страна капиталистическая.

Впрочем, в дореволюционный период ленинские работы не были широко известны в профессиональной исторической среде и не оказали существенного влияния на историографию той поры.

Пётр Бернгардович Струве

Ряд деятелей российской интеллигенции в 1890-х гг. вполне официально и открыто использовал положения марксистской экономической теории для обоснования развития капитализма в России, выступал за демократические свободы, развивал либеральные теории реформирования общества. Главными печатными органами легального марксизма были журналы «Новое дело» и «Начало», а среди идеологов этого течения особое место занимал **Пётр Бернгардович Струве** (1870 – 1944). Он был сыном пермского губернатора, закончил юридический факультет Петербургского университета, потом изучал экономику в Австрии. Ещё в студенческие годы увлёкся марксизмом, даже основал марксистский кружок.

Самой серьёзной исторической публикацией до эмиграции из России в 1920 г. (в марксизме П. Б. Струве разочаровался, и с большевиками ему было не по пути) у него был труд, посвящённый крепостному хозяйству. Работу над ним он начал в конце XIX в., а в 1913 г. «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII – XIX вв.» вышли в виде монографии. Среди авторских выводов важным было наблюдение о том, что барщинная форма крепостнического хозяйства к моменту отмены крепостного права экономически себя не изжила, напротив, «барщинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее производительной организацией земледельческого труда». Поэтому дело не только и не столько в развитии оброчной системы, которая подтачивала крепостническое хозяйство изнутри и тем самым привела его к падению (о чём говорил, например, В. И. Семевский), а в несоответствии крепостного права развивающимся капиталистическим отношениям, в отставании развития рынка от производства. Несмотря на новаторский подход к проблеме большой научной полемики работа Струве не вызвала, возможно, виной тому была начавшаяся вскоре I мировая война, затмившая собой все остальные теоретические и практические проблемы.

К дореволюционным марксистским историкам-профессионалам как правило относят Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского. Часть их творческого пути приходится уже на советский период, но формирование исторических взглядов, выработка материалистического подхода к научному творчеству происходили задолго до революции 1917 г.

Николай Александрович Рожков

Николай Александрович Рожков (1868 – 1927) был дворянином по происхождению, родился он 24 октября 1868 г. в городе Верхотурье Пермской губернии. Отец был небогат и служил сначала школьным учителем, а потом стал инспектором народных училищ, так что детские годы будущего историка прошли в атмосфере религиозно-патриотического воспитания.

В 1886 г. Н. А. Рожков поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, учился у В. О. Ключевского. После окончания университета преподавал в Пермской гимназии, а в 1896 г. сдал магистерский экзамен по русской истории, после чего стал преподавать в нескольких учебных заведениях Москвы.

В 1899 г. он защитил магистерскую диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». За одноимённую книгу, вышедшую после защиты, автору присудили большую Уваровскую премию. Главная заслуга этого труда заключалась во всестороннем анализе аграрного кризиса в России конца XVI в., который, по мнению Н. А. Рожкова, разразился из-за целого ряда причин социально-экономического характера, состоявших в сокращении площадей обрабатываемой земли, растущей инфляции, заметном уменьшении населения в центральных районах вследствие его миграции на окраины. Работа содержала ряд ценных конкретных наблюдений, сделанных автором на основе статистического анализа данных писцовых книг, которые давали представление о размерах крестьянских наделов, соотношении оброка и барщины в XVI в., медленном росте товарно-денежных связей. С хозяйственным кризисом конца XVI в. историк связывал усиление самодержавия и закрепощение дворянства царской властью.

Экономическая тематика работы превратила Н. А. Рожкова, по собственному признанию, в «фактически марксиста» (хотя его теоретико-методологические построения были весьма эклектичны, а В. И. Ленин вообще говорил, что он «заучил ряд положений марксизма, но не понял их или понял их весьма своеобразно»). Идея о том, что экономические отношения являются базой для политического строя, стала основополагающей в научных изысканиях Рожкова. Это прослеживается не только по магистерской диссертации, но видно и из последовавшей в 1902 г. монографии «Город и деревня в русской истории», и из «Обзора русской истории с социологической точки зрения», вышедшего в 1903 – 1905 гг., и из монографии 1906 г. «Происхождение самодержавия в России», в которой автор утверждал, что «основной причиной установ-

ления самодержавия является в конечном счёте зарождение и первоначальное развитие денежного хозяйства с обширным рынком».

Наряду с важностью экономического подхода к истории Н. А. Рожков отмечал необходимость использования психологического метода. По его убеждению, психология различных социальных слоёв определяется их классовой принадлежностью. Всего он выделял шесть главных психологических типов: эгоисты, индивидуалисты, эстетики, этики, аналитики, этические индивидуалисты. Изучая то, как развивались психические характеры в том или ином обществе, можно будет, по уверениям историка, «построить в будущем эволюционный процесс психологической истории», а это важно, поскольку от того, какой психологический тип является преобладающим, зависит духовная культура и экономический строй общества.

Н. А. Рожков был сторонником теории исторического прогресса, понимая под ним процесс развития производительных сил и постоянно нарастающее раскрепощение личности. Это положение он иллюстрировал собственной периодизацией развития человечества по четырём эпохам: на первом этапе человеческое общество ещё не сложилось, носило аморфный характер, преобладающим видом хозяйственной деятельности тогда было скотоводство. Второй период характеризовался усложнением общественной структуры, появлением классов, в экономических отношениях господствовало натуральное хозяйство, но постоянно усиливалась роль внешнего товарообмена. На третьем этапе появилась монархическая власть, зародились денежные отношения, сформировалась крепостная зависимость, господствующим видом деятельности стало земледелие. Наконец, четвертый период связан с расцветом промышленных и товарно-денежных отношений, ростом классового антагонизма.

Революция 1905 г. подтолкнула Н. А. Рожкова к политике, он вступил в РСДРП(б). В 1908 г. его сослали в Иркутскую губернию на поселение с лишением всех гражданских прав, в Сибири он примкнул к меньшевикам. Вернуться в Москву учёный смог только после Февральской революции 1917 г. В мае-июле 1917 г. он входил в состав Временного правительства в качестве товарища министра печати и телеграфа. Отношения с советской властью складывались у историка очень неровно: Октябрьскую революцию Рожков называл антидемократическим переворотом, в 1921 г. его арестовали и содержали в Петропавловской крепости, в 1923 г. сослали в Псков и разрешили вернуться в столицу только через полтора года, после публичного заявления о выходе из партии меньшевиков.

В Москве Н. А. Рожков преподавал в Институте красной профессуры и Академии коммунистического воспитания, в 1926 г. его назначили директором Исторического музея. В этот период он завершает создание своего главного произведения, которым стала «Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики)».

Основной задачей этой работы было установление тех этапов общественного развития, которые проходят все народы, поэтому для каждой ступени российской истории учёный выискивал соответствия в периодах развития других стран. В целом Н. А. Рожков выделил девять этапов общественного развития: 1) первобытное общество; 2) общество дикарей; 3) дофеодальное общество или общество варваров (VI – IX вв.): собственно русская история начинается с этого этапа, в рамках которого происходит расселение восточнославянских племён по Приднепровью, верховьям Волги и Оки. Историк, не замечая развития земледелия у восточных славян, считал, что их главным занятием в это время были охота и рыболовство; 4) феодальная революция (X – XII вв.): власть от родоплеменной знати переходит к знати феодальной (землевладельческой); 5) феодализм (XIII – середина XVI в.); 6) дворянская революция (середина XVI – 1725): старая феодальная княжеско-боярская аристократия теряет власть, которая переходит к дворянскому сословию; 7) господство дворянства или старый порядок (1725 – 1825): это время характеризовалось господством дворянского землевладения с начальной стадией денежного хозяйства, развитием крепостного права, сословного строя и абсолютистского государства; 8) буржуазная революция (1825 – 1860): развитие денежного хозяйства (хозяйства, связанного с рынком) привело к падению крепостных порядков; 9) капитализм (с 1861 г.).

Вероятно, эту схему развития человечества Н. А. Рожков имел в виду, когда писал: «Никто не может устоять перед соблазнительной перспективой представить себе в простейшем виде, в стройной системе все многообразие и сложность исторической жизни, объяснить ее из немногих основных начал... Тому, кто занимается теперь научной историей, несомненно, знаком очень хорошо восторг, охватывающий человека, когда из хаоса взаимно перепутывающихся, бессвязных и бессмысленных фактов получается единое связное целое, стройная система, изящное, исполненное глубокого смысла построение». Но построения автора не нашли желанного ему отклика ни у коллег-современников, ни у советских историков-марксистов.

Михаил Николаевич Покровский

Михаил Николаевич Покровский (1868 – 1932) родился в Москве 17 августа 1868 г. в семье помощника управляющего Московской складочной таможни. Хотя семья была дворянской, будущий историк вспоминал, что с детства «наслушался всевозможнейших рассказов о злоупотреблениях администрации, о малопоучительной жизни высших сановников и царской фамилии и т.п. Благодаря этому ни одного мгновения в моей жизни я не был монархистом». К тому же двоюродный брат Покровского, ученик Санкт-Петербургской духовной академии, убедительно доказал ему, что бога нет и быть не может.

Окончив с золотой медалью 2-ю Московскую гимназию, М. Н. Покровский поступил в 1887 г. на историко-филологический факультет Московского университета, а после завершения обучения был оставлен для подготовки к профессорскому званию сразу при двух кафедрах – русской истории и истории всеобщей. Как и у многих других выпускников факультета, любовь к отечественному прошлому в нём пробудил заведующий кафедрой русской истории В. О. Ключевский, но к научной работе приучил «всеобщник» П. Г. Виноградов: «Ключевский понимал прошлое инстинктом, мог его великолепно рассказать, но как он сам дошёл до этого понимания, ему самому было не ясно. Виноградов в этом отношении был действительно европейцем, с твёрдыми, отчеканенными, выработанными методами и приёмами работы, у него можно было учиться, и он учил в сущности всех, не только “всеобщих”, но и русских историков».

На методологические основы научной деятельности М. Н. Покровского сильно повлияло увлечение «экономическим материализмом», базировавшемся на идее, что развитие общества представляет собой процесс, предопределённый состоянием экономики. Историческая тематика учёного первоначально была чрезвычайно разносторонней – в «Книге для чтения по истории средних веков», вышедшей под редакцией П. Г. Виноградова в 1899 г., он поместил несколько своих статей по истории Западной Европы, а в 1903 г. опубликовал исследование по русской истории – «Местное самоуправление в древней Руси». Со временем российская проблематика стала в творчестве историка основной.

Несмотря на то, что в 1894 г. М. Н. Покровский сдал магистерский экзамен и в научной среде был известен как талантливый автор, магистерскую диссертацию он так и не защитил. Виной тому увлечённость политической деятельностью. В 1903 г. историк стал членом радикальной буржуазной либеральной организации «Союз освобож-

дения», правда, вскоре вышел из неё, но примкнул к большевикам и в апреле 1905 г. вступил в РСДРП. Увлечение марксистскими идеями нашло своё отражение в небольшой работе 1906 г. – «Экономический материализм», в которой Покровский в популярном виде излагал учение о классовой борьбе как двигателе исторического процесса, говорил, что «великие исторические идеи» являются мощным орудием человеческой борьбы за существование и «идейное творчество, работа сознания – не что иное, как колоссальный аппарат приспособления в борьбе за жизнь». Определяя экономический материализм как «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека», историк ещё раз подчёркивал, что «экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая перемена может быть результатом сознательного действия людей, т.е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей».

В 1910 – 1913 гг. из-под пера М. Н. Покровского выходят пять томов «Русской истории с древнейших времён», ставших первой попыткой систематического освещения истории страны с древности до конца XIX в. с марксистских позиций. Изложение российского материала велось здесь параллельно с рассмотрением западноевропейской истории. Позже, в 1915 – 1918 гг., как бы в противоположность одноимённому произведению П. Н. Милюкова, Покровский дополнит своё пятитомное произведение «Очерками по истории русской культуры».

Положение оппозиционного историка, фактически изгнанного из университетской среды, замечательно отражено в характеристике, которую М. Н. Покровскому дал А. А. Кизеветтер: «Маленького роста, с пискливым голосом, он выдавался большой начитанностью, бойкостью литературной речи и умением прошпиговывать её саркастическими шпильками по адресу противников. По виду тихенький и смиренный, он таил в себе болезненно острое самолюбие». Этот образ хорошо дополняют слова Н. И. Бухарина, знавшего учёного как соратника по партии: «Как веселились сердца нас, тогда ещё молодых большевиков, при каждом метком ударе Покровского в таких столпов кадетизма, как Кизеветтер, Новгородцев, Милюков! Это были продуманные, блестяще аргументированные, изящные и вместе с тем разящие удары. Коротко остриженный, поглядывающий слегка подслеповатыми глазами сквозь очки в простой оправе, Михаил Николаевич действовал прямо как мать свята гильотина по отношению к своим оппонентам».

Настороженное отношение коллег по цеху не мешало, а скорее даже помогало М. Н. Покровскому выдвигать оригинальные идеи в отноше-

нии прошлого. Причём его взгляды довольно быстро эволюционировали: если в «Русской истории» он говорил о пяти стадиях исторического развития – первобытном коммунизме, феодализме, ремесленном хозяйстве, торговом капитализме и промышленном капитализме, то в «Очерках по истории русской культуры» он оставил уже только три стадии экономического развития человечества – первобытное коллективное хозяйство, ремесленное хозяйство и капиталистическое хозяйство, не особенно смущаясь, что таких формаций нет у Маркса и Энгельса.

Обращаясь к истории древнего славянства, М. Н. Покровский высмеивал старые версии о дикости восточных славян до прихода норманнов, говорил о том, что славяне были автохтонным народом Восточной Европы, вели земледельческое хозяйство, но почему-то считал, что делали они это с помощью каменных орудий труда, и подводил парадоксальный итог: «просвещённые земледельцы-славяне жили, по всей видимости, в каменном веке».

Феодализм, к которому русское общество перешло от первобытности, историк определял тремя главными признаками: господством крупного землевладения; связью землевладения с политической властью; и иерархией землевладельцев, отношениями вассалитета, образующими феодальную лестницу. Начало феодальных отношений М. Н. Покровский относил ко временам Киевской Руси, а их окончательное утверждение – к XIII в.

В соответствии с теорией торгового капитала (суть которой заключалась в становлении особых социально-экономических отношений, когда «ремесленник работает на скупщика, а не непосредственно на потребителя. Последний идёт за товаром к купцу, а не прямо к ремесленнику») в процессе собирания земель вокруг Москвы историк видел главную заслугу не в княжеской деятельности, а в функционировании Московско-Клязьминского торгового пути. По его мнению, до XVI в. даже трудно говорить о наличии русского государства, поскольку до этого времени не было государственного права. Формирование крепостных отношений М. Н. Покровский выводил из интенсификации земледелия и перехода к трёхполью: «русского крестьянина закрепостило трёхполье» – этот процесс пришёлся на время, когда «среднему землевладению, дворянам, удалось при Грозном покончить в свою пользу спор с крупным землевладением, боярами» и новые владельцы постарались закрепить за собой сельское население.

Оригинальную оценку получила в творчестве М. Н. Покровского и петровская эпоха. Вся деятельность императора историк подчинял интересам торгового капитала – именно они заставили Петра I вести

Северную войну за торговые интересы на Балтике, теми же причинами были вызваны и внутренние преобразования. Характеристика царской политики, превращавшая его в торговца, практически не оставляла Петру шансов считаться великой исторической фигурой.

В период с 1907 по 1910 год учёный участвовал в составлении коллективного труда «История России в XIX в.», ему принадлежат введение и главы, посвящённые Павлу и Александру I, декабристам, крестьянской реформе и правительственной политике 1866 – 1892 гг., а также развитию международных связей.

С 1909 по 1917 гг. М. Н. Покровский был политическим эмигрантом и проживал во Франции, после Февральской революции вернулся в Россию и вновь примкнул к большевикам. Учёный участвовал в большевистской Октябрьской революции и в ноябре 1917 г. стал первым председателем Моссовета. В марте 1918 г. он был избран председателем Совнаркома Москвы и Московской области, затем являлся заместителем наркома просвещения РСФСР и занимал эту должность до конца своей жизни. Кроме этого он был ректором Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов, заведовал Централхивом РСФСР и СССР, редактировал журнал «Красный архив».

Несмотря на огромную административную занятость, М. Н. Покровский вёл активную научную деятельность – только за 1918 – 1920 гг. он опубликовал 580 произведений, среди которых «Русская история в самом сжатом очерке» (где главным содержанием русской истории вновь объявлялась борьба промышленного и торгового капитала), «Очерки по истории революционного движения в России XIX – XX вв.», «Царизм и революция», сборники статей «Декабристы», «Октябрьская революция» и другие работы.

В 1929 г. М. Н. Покровский был избран в действительные члены Академии Наук СССР. Но вскоре после его смерти в 1932 г. началась масштабная идеологическая кампания по борьбе со «школой Покровского», имя учёного оказалось практически вымарано из истории до-революционной и советской исторической науки.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите, как Н. А. Рожков характеризует становление крепостного права в России в работе «Город и деревня в русской истории».
2. Проанализируйте, как теория торгового капитала отражалась в трудах Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского в применении к истории России.

3. Проанализируйте, что М. Н. Покровский в работе «История России с древнейших времён» понимал под феодализмом в Древней Руси.

ИСТОЧНИКИ

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 3.

Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 2017.

Плеханов Г. В. Очерки по истории русской общественной мысли XIX в. Пгр., 1923.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915 – 1918. Ч. I – II.

Покровский М. Н. Русская история в3-х т. Т. 1. СПб., 2002.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён. М., 1910 – 1913. Т. 1 – 5.

Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории (краткий очерк экономической истории России). СПб., 1902 (или изд. 3-е. М., 2010).

Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1903 – 1905. Ч. 1 – 2. (или изд. 3-е, репр. М., 2011).

Струве П. Б. Экономическая история России. М., 2017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В. И. Ленин и историческая наука. М., 1986.

Волобуев О. В. Н. А. Рожков: историк и общественный деятель. М., 2012.

Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918-1932 гг.). Омск, 2011.

Володьков О. П. Становление концепции торгового капитализма М. Н. Покровского: учебное пособие. Омск, 2010.

Зотова З. М. П. Б. Струве // Вопросы истории. 1993. №. 8.

Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты: очерки о русских мыслителях XIX-XX вв. Вып. 3. 2014.

Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р. У истоков марксистской исторической мысли России. М., 1986.

Пётр Бернгардович Струве. Сб. статей / под ред. О. А. Жуковой и В. К. Кантора. М., 2012.

Тарасова И. Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1893 – 1907 гг.) // История и историки. М., 1990.

Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

(учебники и учебные пособия, монографии ко всему курсу)

1. *Астахов В. И.* Курс лекций по русской истории. Харьков, 1959. Ч. 1. 285 с.; 1962. Ч. 2. 270 с.
2. *Бердинских В. А.* Ремесло историка в России. М., 2009. 603 с.
3. *Быкова А. Г., Рыженко В. Г.* Методологические вопросы изучения историографии: историографический факт, историографический источник, проблема периодизации исторической науки, эволюции и революции в науке. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/21007> (дата доступа 15.10.2009).
4. *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. URL: <http://cornholio.narod.ru/history6/index.htm> (дата обращения: 20.04.2017).
5. *Вернадский Г. В.* Русская историография. М., 1998. 447 с.
6. *Историки России: биографии* / Составитель, ответственный редактор А. А. Чернобаев. М., 2001. 911 с.
7. *Историография истории России до 1917 г.: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой.* М., 2003. Т.1. 384 с.; Т.2. 384 с.
8. *Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / 2-е изд., под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева,* М., 1971. 458 с.
9. *Малинов А. В.* Философия и методология истории в России. СПб., 2015. 380 с.
10. *Мауль В. Я.* Историография отечественной истории (с древнейших времен до начала XX века). Курс лекций для студентов исторического факультета. Комсомольск-на-Амуре, 1999. URL: <http://pandia.ru/text/77/461/18902.php> (дата обращения 25.04.2017).

11. *Наумова Г. Р., Шикло А. Е.* Историография истории России: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 4-е изд., стер. М., 2011. 480 с.
12. *Очерки истории исторической науки в СССР* / под ред. М. Н. Тихомирова и др. М., 1955-1966. 4 т.
13. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. 659 с.
14. *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. 256 с.
15. *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. 256 с.
16. *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: исторические очерки. Л., 1986. 336 с.
17. *Черепнин Л. В.* Русская историография до XIX в.: курс лекций. М., 1957. 306 с.
18. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. 2-е изд., М., 1993. 761 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Лекция 1. Введение в курс отечественной историографии	5
Лекция 2. Возникновение исторических знаний. Развитие исторических знаний в Древней Руси (X – XV вв.).....	15
Лекция 3. Развитие исторических знаний в XV – XVI вв.....	30
Лекция 4. Развитие исторических знаний в XVII в.....	39
Лекция 5. Развитие историографии в конце XVII – первой четверти XVIII в.	48
Лекция 6. Историческая концепция Василия Никитича Татищева.....	55
Лекция 7. Роль Академии Наук в развитии российской историографии второй четверти – середины XVIII в.	62
Лекция 8. Развитие русской историографии в эпоху «просвещённого абсолютизма». Дискуссии и новые направления в науке	73
Лекция 9. Историческая концепция Н. М. Карамзина и её критика	98
Лекция 10. Организация исторической науки в первой половине XIX в. Расширение источниковой базы и тематики исследований	109
Лекция 11. Совершенствование работы с историческими источниками. Критическое направление и скептическая школа	117
Лекция 12. Теория официальной народности. Исторические взгляды славянофилов	129

Лекция 13.	Западники. Оформление «государственной школы» русской историографии	144
Лекция 14.	Историческая концепция Сергея Михайловича Соловьёва	156
Лекция 15.	Формирование демократического направления в русской историографии	166
Лекция 16.	Общее развитие русской исторической науки во второй половине XIX – начале XX вв.	182
Лекция 17.	Консервативное направление отечественной историографии конца XIX – начала XX вв.	191
Лекция 18.	Московская историческая школа. Василий Осипович Ключевский и его ученики	201
Лекция 19.	Петербургская историческая школа конца XIX – начала XX вв.	226
Лекция 20.	Становление марксистской историографии в России	245
Список литературы		256

Учебное издание

Халявин Николай Васильевич

**Историография истории России
(дореволюционный период)**

Курс лекций

(Издание второе, исправленное, дополненное)

ISBN 978-5-4312-0509-5

E-mail: nivakha@gmail.com

Подписано в печать ???.?.2017.

Формат ?????. Печать офсетная

Уч.-изд. л. ???. Усл. печ. л. ??

Тираж ??? экз. Заказ №???

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп.4, каб. 207
Тел./факс +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru